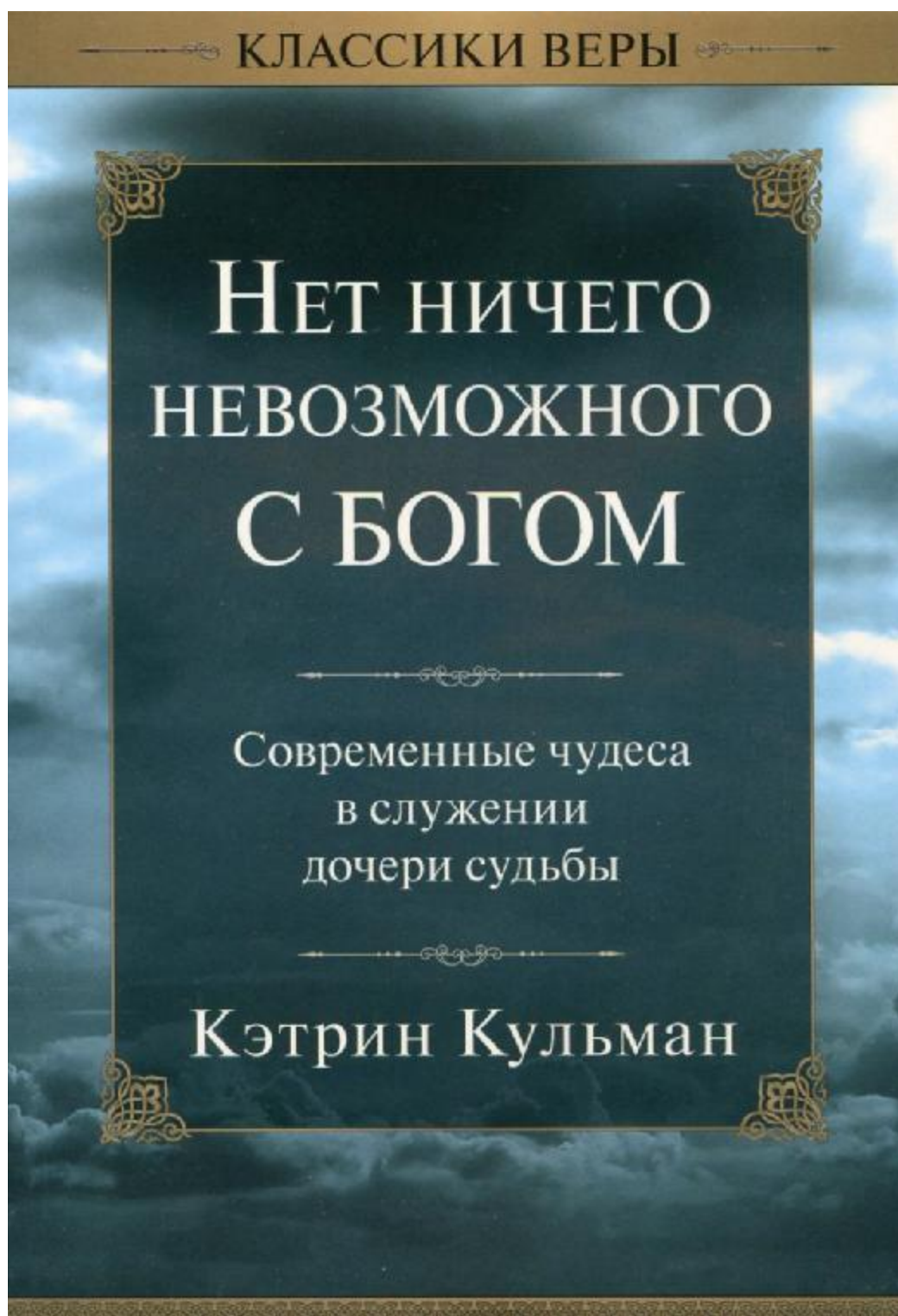

Катрин Кульман. Нет ничего невозможного с Богом

Оглавление

Предисловие

1. Опоздавший - Том Льюис
2. На Божьем складе нет дефицита - Капитан Джон Леврие
3. В долине теней - Изабель Лариос
4. День, когда Божья милость вступила в силу - Ричард Овеллен, доктор философии, доктор медицины
5. Когда нисходят Небеса - Гильберт Штракбайн
6. Прикажи горе - Линда Форрестер
7. Это протестантский автобус? - Маргарита Бержерон
8. Исцеление - это только начало - Дороти Дай Отис
9. Пустота, созданная Богом - Элейн Сен-Жермен
10. Скептик в меховой шапке - Джо Гаммельт
11. Однажды я умирал... - Кейт Пурдью
12. Бренная жизнь - Марвел Лутон
13. Лицом к лицу с чудом - Лоррен Гоген, репортер
14. Большой рыболов - Сэм Даудс
15. Еще так много надо сделать - Сара Хопкинс
16. То, о чем надо кричать - Эвелин Аллен
17. Бог любит нас всех - Клара Куртеман
18. Мы испробовали все, кроме Бога - Доктор Харольд Дебриц
19. Надежда для тех, кто страдает - Донни Гринвей
20. Но в любви Он искал меня - Патриция Бредли

Предисловие

Дань уважения Кэтрин Кульман

Я полагаю, что теперь её знают все. В течение почти четверти века она была сосудом Божиим, который позволял исцелению и восстановлению течь в жизнь тысяч людей.

Она была любима и обожаема миллионами, а ругали ее только те, кто не верит в божественное исцеление или кто не прилагает никаких усилий, чтобы понять ее и то, за что она выступает. Но я видел ее за кулисами, когда ей предстояло выйти на платформу перед залом, чтобы представить людям свою безграничную веру в Бога, и я внимательно наблюдал за ней. Снова и снова она молилась:

"Дорогой Боже, если Ты не поможешь меня и не коснешься меня, я - ничто.

Я никчемная, когда действует плоть. Ты получишь всю славу, или я не смогу выйти туда и служить. Я не сдвинусь с места без Тебя".

И внезапно она бросалась на сцену. Это было как взрыв, и в это трудно поверить. И дело не только в том, что она говорила - поскольку это всегда так же просто и ясно, как и стиль проповедей самого Христа. Я не понимаю, как это происходит, не понимает и она, но когда Дух начинает двигаться в ней и она внезапно чувствует побуждение бросить вызов силе сатаны во имя Иисуса, то происходят чудеса. И повсюду люди, даже самые степенные и достойные, падают навзничь на пол. Католики и протестанты поднимают руки и поклоняются Богу вместе - и все прилично и благопристойно. Сила Святого Духа перекатывается по залу, как океанские волны. Работники с телевидения вскоре поняли, что она не шарлатан и не фанатик. Люди, которых они знали, получили помощь на ее служениях.

Ей не было равных в уме и божественной мудрости. Она не была богата и не стремилась к материальным благам. Я это знаю! Лично собрав деньги, она отдала их нашему движению "Призыв подростков" и помогла оборудовать на нашей ферме приют, чтобы мы могли находить и реабилитировать безнадежных наркоманов. Ее молитвы принесли деньги для строительства церквей в заброшенных деревнях по всему свету. Она спонсировала учебу бедных детей и талантливых молодых людей, принимавших ее любовь и заботу. Она ходила со мной в гетто Нью-Йорка и возлагала любящие руки на чумазных юных наркоманов. Она не морщилась и не отворачивалась - ее забота была подлинной.

А почему эту дань уважения приношу я? Потому что Святой Дух побудил меня сделать это! Она ничего не должна мне, и я не просил от нее ничего большего, чем та любовь и уважение, которые она годами проявляла ко мне. Но слишком часто мы все отдаем дань уважения только мертвым.

И вот теперь я говорю великой женщине Божьей, которая оказала такое сильное влияние на мою жизнь и на жизнь миллионов: мы любим тебя во имя Христа! История еще скажет о Кэтрин Кульман!

Её жизнь и смерть принесли славу Богу.

Дэвид Вилкерсон, автор книги "Крест и нож"

Глава – 1. Опоздавший - Том Льюис

Том Льюис, отставной армейский полковник, - это один из самых известных голливудских продюсеров. Его послужной список в издании "Кто есть кто в Америке" занимает столько же места, сколько орденские ленты на его груди. Он был основателем и продюсером "Театра экранной гильдии"; основателем студии "Радио и Телевидение Американских Вооруженных сил", которой он руководил во время второй мировой войны, и создателем и исполнительным продюсером "Шоу Лоретты Янг". Будучи членом правления Университета "Лойола", он завоевал множество наград за достижения в телевизионной продукции, как у себя дома, так и по всему свету за работы для Американских Вооруженных сил. Как преданный римский католик, он сейчас входит в ту быстро растущую группу людей, которые называют себя "Католическими Пятидесятниками".

Прошлой зимой мой сын, молодой режиссер, и его ровесник, продюсер того же возраста, обдумывали телепрограмму в рамках серии "Люди Иисуса". Я согласился, хотя и неохотно, написать по их просьбе презентацию. Поскольку "Дети Иисуса" были тоже молоды, то я считал, что мой сын и его помощник должны укомплектовать штаты своего проекта людьми соответствующего возраста.

Знакомство с этими молодыми людьми, которых я пытался лучше узнать, вызвало интерес и уважение к ним. Многие из них оставили ад наркомании через возрожденную веру в Иисуса Христа. В тот момент я не вдавался в религиозные мотивы этого движения. Однако с человеческой точки зрения на меня не могла не оказать впечатление искренность "Детей Иисуса", и испугала и озадачила их фамильярная манера говорить об Иисусе, словно Он был рядом с ними. Я всегда думал, что я - довольно религиозный человек, который живет посвященной жизнью члена римской католической церкви. Я не ходил повсюду, рассказывая об Иисусе Христе так, словно я часто и лично встречаюсь с Ним. В сущности, я редко называл Иисуса по имени. Я думал, что лучше избегать личного подхода, и предпочитал достаточно сдержанное обращение "Мой Господь" или "Благой Господь".

В ходе выполнения работы меня попросили заглянуть на служение Кэтрин Кульман, женщины, о которой высоко отзывались "Люди Иисуса". Мисс Кульман приезжала в Лос-Анджелес, в зал "Святыня" раз в месяц проводить "служение с чудесами". Я попросил оставить мне два места в центральном ряду у прохода, поближе к сцене. Однако оказалось, что билеты здесь так не приобретаются. Все стоят в очереди и занимают такие места, какие достанутся. Зал "Святыня" вмещал 7 500 человек, и мне дважды сказали, что далеко не всем желающим удастся попасть в него. Я был удивлен, и мое изумление не проходило в течение четырех или пяти месяцев, поскольку мне понадобилось такое долгое время, чтобы приехать туда и встать в очередь.

В тот день было необычно жарко для марта даже для солнечной Калифорнии. Я свернул с автострады на Хувер-стрит, чтобы оценить дорожную ситуацию вокруг зала. Обычно этот район в центре города по воскресеньям выглядит почти что пустынным. Но когда я подъехал к "Святыне", то все места парковки на улице и огромной парковочной площадке были заняты.

Один за другим автобусы подъезжали к главному входу, высаживая пассажиров. На некоторых автобусах были таблички "Заказной", а на других - названия тех мест, откуда они приехали. Я помню, на одном было написано "Санта-Барбара", на другом - "Лас-Вегас". К моему изумлению, на одном запыленном автобусе была надпись: "Портленд, Орегон" - довольно долгий путь, чтобы посетить "собрание с чудесами" Кэтрин Кульман. Я удивлялся: что же такое раздавала мисс Кульман? Это не могла быть еда - там было слишком много народу. И это не могло быть "бинго" (игра типа лото) - как может один человек управляться с 7 500 карточками лотереи?

Длинная череда людей в инвалидных колясках продвигалась по улице Джефферсон к главному входу, чтобы тут же попасть внутрь. Многие мужчины и женщины несли с собой песенники, это были, видимо, члены хора. Было также много мужчин с воротничками католических служителей и женщин, одетых в темное, и я удивлялся, что тут делают священники и монахини.

Я нашел бензоколонку, где припарковал машину, а затем присоединился к тысячам ожидавших у главного входа в "Святыню". На моих часах было 11. Двери должны были отворить в час. Обычно я не жду так долго чего бы то ни было, включая Второе Пришествие. Но это оказалось поспешным выводом.

Все больше людей скапливалось позади меня, и я оказался в центре гигантской толпы. Это заставило меня почувствовать что-то типа легкой клаустрофобии, поэтому я сосредоточился на обдумывании тех идей, которые дадут основу для презентации: большая толпа довольно спокойна; совсем немного молодых людей типа "Детей Иисуса".

Эти ребята сбивались в группы, образуя острова в море тел. Они пели, стоя в ожидании, - негромко, не слишком обращая внимание на остальных. Они пели скорее тихо и мелодично. Я подумал, что это необычно. Они напомнили мне группу коптских христиан, которых я видел как-то в Риме, - они молились вслух, но не в унисон, а независимо друг от друга, хотя и вместе.

И вот толпа стала весьма большой, и кто-то в здании пожалел нас. Дверь отворили где-то без двадцати час. Люди позади меня поднажали, и меня "пронесли" мимо закрытого окошка кассы. Это удивило меня, поскольку я держал руку на кармане с бумажником, готовясь заплатить за билет.

Одна леди позади меня заметила это и засмеялась. "Здесь некуда давать деньги, - сказала она.

- Но если у вас руки чешутся заплатить, то позднее можно будет сделать добровольное пожертвование".

Вот как выглядела эта большая толпа: спокойная, не праздничная, как толпа на стадионе; люди не очень-то общаются друг с другом, хотя приветливы, если их вызвать на разговор.

Я нашел место довольно далеко от сцены и сбоку в партере зала.

Ярко и сильно освещенная сцена была полна движения. Мужчины и женщины со сборниками гимнов выбирали места в рядах сидений, расставленных на сцене. Два больших концертных рояля стояли по сторонам хора. В хоре, казалось, были сотни людей, но и там, как и в других местах, не было ни беспорядка, ни суеты. Несмотря на постоянное движение из-за опоздавших хористов, пение продолжалось, словно в тишине собора. Дирижер, хрупкий, аристократического вида мужчина с белой шевелюрой, руководил репетицией с абсолютной, непререкаемой властью.

Одна миловидная пожилая леди сидела справа от меня. Судя по тому вниманию, которое она уделяла мне и тысячам сидевших вокруг нее, могло показаться, что она сидит одна в "женской часовне собора святого Патрика". На коленях у нее лежала раскрытая Библия, и она все время молча читала ее.

Библия, казалось, входила в стандартное снаряжение собравшихся. Она была и у двух молодых людей позади меня, но они не читали ее. Они проговаривали или пели слова гимнов, которые репетировались на сцене. Мне не нравилось это. Мне никогда не нравилось участие публики в представлениях в театрах, концертных залах или кинотеатрах, если зал не призывали принять участие. Но мне пришлось еще долго слушать этих молодых людей.

Между тем резкий свет на сцене был затемнен, смягчен и подцвечен. Пастельные тона в одеянии хористок создавали приятный контраст с голубым круговым занавесом.

Репетиция закончилась, и хор начал петь уже по-настоящему. Большинство гимнов были старыми, хорошо знакомыми и любимыми: "Как Ты велик", "Изумительная благодать".

Певцы были превосходны, их собрали, как я узнал позднее, из церквей всех деноминации в окрестностях Лос-Анджелеса.

Без перерыва хор перешел к гимну "Он коснулся меня". Я почувствовал, как напряжение ожидания повисло в воздухе. Проектор, установленный над сценой в кулисах, стал бегать лучом по правой части зала. Люди в зале встали и начали аплодировать. Мисс Кульман - хрупкая и тонкая фигура в приятном белом платье - вышла на сцену, напевая вместе с хором. Она подошла к старенькому на вид пюпитру, стоявшему справа от центра сцены, сняла с него микрофон в виде ожерелья, надела его на шею и, не останавливаясь, предложила залу несколько восторженных стихов гимна "Он коснулся меня". Затем, не говоря ни слова объяснения, она продолжила петь "Он - спаситель моей души". Зал и Кэтрин Кульман, похоже, соглашались, что эти гимны были особыми для нее. И опять ничего не поясняя, она начала молиться вслух. Зал встал, люди склонили головы, молча следуя за ней в молитве.

И тогда я понял, чем отличалось пение тех островков молодых людей снаружи здания; и что было особенным в пении большого хора здесь, на сцене. Да, они пели, но это было больше, чем пение. Они не исполняли, они поклонялись. И люди в зале тоже иначе реагировали. Это не была аудитория, это была община. И люди пели как один, вместе с хором, когда их призывали петь. Они молились как один, вместе с мисс Кульман. Это не было шоу, это было молитвенное собрание. Я не знаю, что я чувствовал тогда, - вероятно, был доволен собой, что сделал интересное открытие.

Вскоре я, однако, обнаружил еще кое-что, и это шокировало меня. Снова и снова молодые люди позади меня громко восклицали "Аминь" и "Хвала Богу", видимо, в ответ на молитву или какое-либо заявление. И многие в зале делали то же самое. Многие держали руки поднятыми вверх, как бы моля о чем-то, и я соотнес это с позами тех библейских персонажей, которые можно видеть на витражах в окнах. Я подумал, что не стоит и говорить, к чему это все может привести, и механически стал искать глазами ближайший выход.

Один молодой человек в хоре особенно беспокоил меня. Его руки были подняты вверх большую часть времени. Должно быть, это и есть чудо из этого "служения с чудесами", подумал я. Никакая система кровообращения не сможет выдержать долгого напряжения этой позы. Эти руки просто отвалятся. Но я забыл о нем; я забыл обо всех. Подобно леди рядом со мной, я был словно в пустой часовне в одиночестве, но в Присутствии, которое обычно нельзя найти в такой большой аудитории.

Да, так оно и было. Там было Присутствие, и потому-то толпа из многих тысяч людей погружалась временами в такую тишину, что я мог слышать звук своего дыхания, и можно было потерять ощущение времени. Происходило что-то необычное - это была любовь, особая и настоящая. Я вспомнил слова песни "Детей Иисуса": "Они узнают, что мы - христиане, по нашей любви. Они узнают, что мы - христиане, по нашей любви".

Исцеления начались - двое исцелились недалеко от меня. Я видел их до того, как их позвала мисс Кульман. Я видел изумление этих исцеленных, неверие, осознание, и затем я видел их счастье.

Исцеленные десятками выходили теперь на сцену. Люди вставали с инвалидных колясок.

Встала на ноги монахиня, которая многие годы была парализована. Я видел благодарность среди исцеленных, благодарение было таким осязаемым, что, казалось, можно было протянуть руку и коснуться его. Наркоманы получали освобождение, и, глядя на преображенные, сияющие лица, я видел их внутреннее возрождение и моральное восстановление.

Я потерял из виду череду событий, поскольку в какой-то неуловимый для меня момент я перестал видеть и начал чувствовать. Я ощущал до глубины своей сущности.

Я понял, что веду общение - самое поразительное, кристально честное общение в моей жизни.

Я говорил с Богом. Где-то внутри себя я говорил Богу о вещах, которых никогда не знал прежде или которых не мог или не хотел признавать.

Несмотря на свидетельство своей плоти, несмотря на видимые и явные факты моей суетной жизни, несмотря на любовь и общение моих сыновей и их друзей, моих собственных многочисленных друзей, несмотря на мои земные интересы, мои увлечения, - несмотря на все это, я говорил Богу, что я беспокоен и одинок. Глубоко, отчаянно одинок, но не из-за отсутствия людей или вещей. Этого у меня было в изобилии. Я сказал Богу, что я пуст. А затем меня охватило сильнейшее чувство, которое я когда-либо знал, - голод, грубый, сильный, первобытный.

Я увидел, что люди собираются в проходах и заполняют сцену. Мисс Кульман пригласила тех, кто хотел принять Христа в свою жизнь, выйти вперед, признать свои грехи, принять Иисуса как своего личного Спасителя и полностью и окончательно подчиниться Ему.

Я пошел за ними и оставался среди них. Я, человек, который не был участником представления, который достиг искушенности в жизни. Когда я давал свой обет, то делал это с самым благоговейным осознанием важности и ответственности этого шага. Я просил Бога, чтобы не бояться этого. И Он сделал так.

В тот вечер по дороге домой в маленький город Оджай я плакал. Я плакал всю дорогу. Я не был ни счастливым, ни опечаленным. Я ощущал себя очищенным.

Проснувшись ночью, я мгновенно и полностью осознал, что произошло. Я снова посвятил себя Христу и при этом не имел ни сомнений, ни страхов перед моим посвящением, и заснул здоровым сном без сновидений.

На следующее утро я вышел из своего дома в деревне и направился в маленький городок Оджай. Я чувствовал себя отдохнувшим и спокойным, а эмоции вчерашнего дня были далеко позади. Я прошел мимо поместной церкви, маленькой испанской колониальной часовни на главной улице. Это было время великого поста. Было около 11.30 утра, и я знал, что в церкви должна была проходить месса.

Так оно и было. Я пришел к Евхаристии, мы обычно называем ее Святым причастием. Я автоматически подошел к алтарю, и поскольку там было только шесть или восемь человек, мы приняли Евхаристию обоих видов - хлеб и вино. Вместо того, чтобы вернуться в заднюю часть часовни, я преклонил колени на первой скамье.

И хорошо, что я так сделал. То, что я принял в свое тело, это не было ни хлебом, ни вином, ни символом, ни напоминанием. Это было Тело и Кровь Христа, и результатом во мне стало самое глубокое знание настоящего присутствия Христа. Это было переживание великой, неизъяснимой радости, и мое тело сильно дрожало, несмотря на усилия сдержать дрожь.

Иисус Христос был со мной, и каждая клеточка моего тела свидетельствовала о Его реальности. Я положил голову на руки, и время остановилось для меня.

Бог жив. Бог действительно жив, и Он движется среди нас, и Он выдыхает Свой Святой Дух на нас. И посредством Крови, пролитой за нас Его Божественным Сыном, Он готовит нас к тому, что лежит у нас впереди в этом беспокойном мире - и за его пределами. Хвала Богу!

Глава 2. На Божьем складе нет дефицита - Капитан Джон Леврие

Я отлично помню, как я впервые встретила с капитаном Леврие. Полицейский с головы до пят и баптист до мозга костей, он почти дошел до последней черты. В отчаянии он прилетел из Хьюстона в Лос-Анджелес. Он умирал. Но давайте позволим ему рассказать свою историю.

Я стал полицейским, когда мне исполнился 21 год. Еще в 1936 году я начал работать в отделении полиции Хьюстона и дослужился до чина капитана отдела несчастных случаев. В течение всего этого времени я не знал, что такое болезнь. Но в декабре 1968 года, когда я пошел на медицинский осмотр, все изменилось.

Я знал доктора Билла Роббинса еще с тех пор, как он был стажером, а я - полицейским-новобранцем. Он ездил со мной в патрульной машине, когда я только начал работать в полиции. Но после того, что, как я думал, было обычным медицинским осмотром в его офисе, доктор Роббинс стянул резиновые перчатки и сел на край стола. Он покачал головой. "Мне не нравится то, что я обнаружил, Джон, - сказал он, - и хочу, чтобы ты показался специалисту".

Я взглянул на него, заправил рубашку в брюки и застегнул ремень с револьвером на поясе. "Специалисту? Зачем? Моя спина немножко побаливает, но спина полицейского..." Он не слушал. "Я собираюсь послать тебя сразу же к доктору Макдональду, урологу в этом же здании".

Я знал, что лучше не спорить. Спустя два часа, после еще более основательного обследования, я выслушивал другого врача - доктора Ньютона Макдональда. Он сказал прямо в лоб: "Как скоро вы сможете лечь в госпиталь, капитан?"

"Госпиталь?" - я услышал ноту страха в своем голосе.

"Мне не нравится то, что я обнаружил, - медленно произнес он. - Ваша предстательная железа должна быть размером с орех, а она размером с лимон. Единственный способ узнать, что не в порядке, это пройти биопсию. Мы не можем ждать. Вы должны быть в госпитале не позднее, чем завтра утром".

Я пошел прямо домой. После ужина Сара Энн уложила детей в постель. Джону было только пять, Эндрю - семь, а Элизабет - девять лет. Затем я сообщил ей новость. Она слушала молча. Мы прожили вместе счастливую жизнь. "Не откладывай этого, Джон, - спокойно сказала она. - У нас слишком много ради чего стоит жить".

Я посмотрел на нее, облокотившись на край кухонного стола. Она была так молода, так красива! Я подумал о наших прекрасных детях. Она была права, у меня было много такого, ради чего стоило жить. В тот вечер я позвонил своей дочери Лорейн, которая была замужем за баптистским служителем в Спрингфилде, штат Миссури. Она обещала, что ее церковь будет молиться за меня.

Спустя три дня, после дополнительного обследования (включая биопсию), я сидел на постели в госпитале, доедая обед. Дверь в палату открылась, и вошли доктор Макдональд и один из докторов персонала госпиталя. Они закрыли дверь и пододвинули стулья к моей кровати. Я знал, что у занятых врачей нет времени на светские разговоры, и почувствовал удары пульса в горле.

Доктор Макдональд не стал томить меня ожиданием. "Капитан, боюсь, у нас печальные новости, - он сделал паузу. Ему было трудно выдавить из себя слова. Я ждал, пытаюсь удержать взгляд на его губах. - У вас рак".

Я видел, как его губы двигались, произнося слово, но мои уши отказывались воспринимать звук. Снова и снова я видел это слово на его устах. Рак, именно так. Сегодня я здоров как бык - ветеран, прослуживший тридцать три года в полиции. А завтра у меня рак.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я смог ответить: "Ну и что же мы будем делать? Я полагаю, вам придется удалить его".

"Это не так просто, - сказал доктор Макдональд, откашлявшись. - Это злокачественная опухоль, и она на слишком продвинутой стадии, чтобы мы могли с ней справиться. Мы отправляем вас к врачам в Онкологический институт М. Д. Андерсона. Они известны во всем мире своими исследованиями в лечении рака. Если кто-то может помочь вам, то это они. Но дело обстоит не очень хорошо, капитан, и мы солгали бы, если бы дали какую-либо надежду на будущее".

Оба доктора сочувствовали мне. Можно сказать, они были расстроены, но они знали, что я заслуженный офицер полиции и я буду требовать факты. Они представили их мне настолько честно и вместе с тем настолько мягко, насколько они могли это сделать. Затем они ушли.

Я сидел и смотрел на остывшую еду. Все выглядело безжизненным - кофе, недоеденный бифштекс по-швейцарски, яблочное пюре. Я оттолкнул поднос и свесил ноги с постели. Рак.

Надежды нет. Подойдя к окну, я стал смотреть на Хьюстон, город, который я знал лучше, чем тыльную сторону своей ладони. Он тоже был поражен раком - преступностью и болезнью, как и любой большой город. Третий века я работал, пытаюсь остановить распространение этого рака, но это была задача без решения. Солнце садилось, и его прощальные лучи отражались на шпилях церквей, возвышавшихся над крышами домов. Я никогда не замечал этого прежде, но, оказалось, Хьюстон полон церквей.

Я был членом одной из них - Первой баптистской церкви. Более того, я был дьяконом в церкви, хотя моя личная вера не была слишком сильна. Некоторые из моих приятелей в отделении посмеивались надо мной, заявляя, что у меня столько же оснований называть себя баптистом, как Гарри Трумэном, - пьющий бурбон, играющий в покер, сквернословящий.

Хотя я слушал, как мой пастор говорил мощные проповеди на тему спасения, у меня никогда не было победы в личной жизни. Я был дьяконом скорее благодаря добропорядочности и престижу моей профессии в городе, чем моей духовности. И вот теперь я встретился лицом к лицу со смертью и пытаюсь найти что-то, чтобы устоять. Но когда я опустил ноги в воду, то не нашел дна. Было такое ощущение, что я тону.

Я смотрел вниз с девятого этажа. Было бы просто взять и выйти из окна. Я видел людей, умирающих от рака, видел их тела, съеденные болезнью. Как просто было бы окончить все это прямо сейчас. Но то, что сказала Сара, осталось во мне: "У нас есть ради чего жить".

Я подошел к постели и сел на край, уставившись в серые сумерки, которые, казалось, поглощали меня. Как я скажу ей и детям, что умру?

На следующий день пришли доктора из Института М. Д. Андерсона. Нужно было еще сделать анализы. Доктор Дельклозе, врач, ведущий мой случай, действительно был искренним со мной: "Все, что я могу сказать вам, это то, что вам надо подготовиться побывать у огромного множества врачей", - сказал он.

"Сколько времени у меня остается?" - спросил я.

"Я не могу дать вам какой-либо надежды, - сказал он откровенно. - Может, год, может, полтора. Рак очень распространился в нижней части живота. Единственный способ лечения - это большие дозы радиации, а это означает, что одновременно мы убьем много здоровой ткани. Однако если мы хотим продлить вашу жизнь, то мы должны начинать".

Я подписал бумаги, и они начали облучение кобальтом в тот же день.

Я верил в молитву. Мы молились за больных каждую среду вечером в Первой баптистской церкви. Но мы предваряли нашу молитву об исцелении словами:

"Если на то Твоя воля, то исцели..." Я был научен этому. Я ничего не знал о молитве с властью - с той властью, которую имели Иисус и апостолы. Я, естественно, верил, что Бог может исцелять людей, но я просто не предполагал, что Он занимается чудотворением сегодня.

И вот, когда я пошел на облучение, мое тело обрили и поместили голубым карандашом, как тушу, готовую к разделке мясника. И единственная молитва, которую я сумел сказать, была:

"Господи, пусть эта машина сделает то, для чего она была создана".

Все же это была неплохая молитва, ибо эта машина была разработана, чтобы убивать раковые клетки. Конечно, доктора пытались сделать так, чтобы радиация не поразила остальные органы, потому меня поместили с точностью до миллиметра. Рак был в области предстательной железы, и его надо было облучить со всех сторон, поэтому огромная кобальтовая пушка вращалась вокруг стола, и радиация проникала в тело со всех сторон.

Ежедневное лечение продолжалось в течение шести недель. Меня выписали из госпиталя и разрешили вернуться к работе, но каждое утро я должен был приходить за дозой облучения. Прошло шесть месяцев с того дня, как была определена моя болезнь. Приближалась Пасха, и Сара упомянула, что, похоже, она будет радостнее Рождества. Может быть, кобальт сделал свое дело. Или даже лучше - может, доктора допустили ошибку. Затем, спустя сто двадцать дней после первого диагноза, боль поразила меня.

Была пятница, полдень. Я пообещал встретиться с Сарой в маленьком ресторане, где мы часто обедали.

Она уже приехала. Я улыбнулся, положил полицейскую фуражку на подоконник и вошел в кабину, где сидела она. Я тоже сел и почувствовал, словно в меня воткнули раскаленный добела кинжал. Боль пронзила правое бедро, и начались нестерпимые спазмы. Я не мог говорить и просто смотрел на Сару в немой агонии. Она схватила мою руку.

"Джон, - сказала она, задыхаясь, - что это?"

Боль постепенно стала спадать, оставляя меня таким ослабевшим, что я едва мог говорить. Я пытался! рассказать ей; но тут, как прилив, набегающий на соленый берег, боль вернулась.

Это было подобно огню в моих костях. Мое лицо покрылось капельками пота, и я потянулся к воротнику, чтобы развязать галстук. Официантка, пришедшая принять заказ, почувствовала, что что-то неладно. "Капитан Леврие, - сказала она с тревогой в голосе, - с вами все в порядке?"

"Я справлюсь с этим, - наконец сказал я. - Меня внезапно схватила боль". Мы решили не есть. Вместо обеда мы пошли прямо в госпиталь, и доктор Дельклозе немедленно провел просвечивание рентгеном. Когда они готовили меня, я положил руку на правое бедро и почувствовал вмятину. Она была размером с серебряный доллар и прощупывалась, как дырка под кожей. Рентген показал, что это такое: рак проел дыру в бедре. Только слой кожи прикрывал пустоту.

"Прошу прощения, капитан, - сказал доктор со смирением. - Рак расширяется, как и ожидалось".

Затем размеренным тоном он сделал заключение: "Мы снова начнем облучение кобальтом и будем делать все возможное, чтобы все протекало настолько безболезненно, насколько возможно".

Ежедневные поездки в госпиталь возобновились. Сара пыталась быть спокойной. Она работала в отделении полиции до нашей свадьбы и много раз видела смерть. Но здесь все было иначе. Я не знал тогда, но доктора сообщили ей, что я, вероятно, протяну не более шести месяцев.

Я продолжал работать, хотя становился все слабее и слабее. Было трудно понять, было ли это из-за рака или из-за кобальта. Однажды вечером Сара заехала за мной на работу и сказала: "Джон, я думала вот о чем. Я долго не была занята делом. Что ты скажешь, если я вернусь на работу?"

"У тебя есть работа, - я улыбнулся, - просто позаботься о наших троих детях. А я буду зарабатывать на хлеб в этом доме. У меня еще осталось много сил".

"Ты все еще крутой полицейский, не так ли? - сказала она. - Что ж, я тоже крутая. И я собираюсь поступить в колледж по бизнесу".

И тут меня осенило, что она делает - она приводит дела в порядок. И пришло время мне сделать то же самое. Но прежде чем я смог это сделать, произошли новые события. Операция.

"Это единственный путь сохранить вам жизнь, - сказала женщина-хирург. - Этот тип рака вырастает на гормонах. Мы собираемся перенаправить поток гормонов в вашем теле посредством операции. Если мы не сделаем этого, вы на самом деле быстро умрете".

Я согласился на операцию, но в течение следующих 120 дней рак снова появился на поверхности, на этот раз на позвоночнике.

Впервые я заметил это воскресным вечером в июне. Сара взяла детей на пикник Библейской школы во время отпуска, и я был дома, пытаюсь высадить в клумбе маленькое растение из горшка. Тогда я был так слаб, что я едва мог сгнуться, но я подумал, что это упражнение может помочь. Я выкопал маленькую ямку в земле, и когда я нагнулся, чтобы взять это комнатное растение, то боль, словно молния в миллион вольт, пронзила нижнюю часть спины. Я упал в грязь.

Я не мог и помыслить, что возможна такая боль. Поблизости никого не было, чтобы помочь мне, поэтому я стал тащить свое тело - частично на руках и коленях, частично на животе - вверх по ступенькам и внутрь в дом. Затем впервые в жизни я позволил себе умереть. Лежа на полу в пустом доме, я плакал и стонал неудержимо. Я сдерживался раньше из-за Сары и детей, но этим вечером, один в пустом доме, я лежал, плакал и стонал, пока, наконец, боль не отступила.

Последовала еще серия облучения кобальтом и еще более безнадежные взгляды докторов. Я получил смертный приговор.

Рак разъедает человека изнутри, и я был не единственным в семье, кого он поразил. Мужья моих двух сестер, которые тоже жили в Хьюстоне, умерли от него. Этим мужчинам было по пятьдесят с небольшим - мой собственный возраст. Похоже, я был следующим. Пришло время закончить приведение своих дел в порядок.

Я всегда хотел иметь большой старый автомобиль. Я развернулся и купил трехлетний "Кадиллак". Когда лето кончилось, мы запаковали семью в машину и отправились, как я тогда думал, в последний отпуск. Я хотел, чтобы это был хороший отдых для детей. За несколько лет до этого я путешествовал по Северо-Западному побережью и хотел, чтобы Сара и дети увидели эту часть света, которая так много значила для меня: река Колумбия, Маунт-Худ, побережье штата Орегон, Лейк-Луис, Йелоустон и Роки-Маунтинс. Дети не знали этого, но мы с Сарой полагали, что это будет наше последнее лето, проведенное вместе одной семьей.

Я вернулся в Хьюстон и попытался заштопать дыры в своей жизни. Но когда жизнь протерлась до подкладки, то невозможно поднимать спустившиеся петли. Все, что ты можешь сделать, это оставить все как есть и ждать конца.

Однажды субботним утром ранней осенью я забрался в свою берлогу и включил телевизор. Джон Бисанго, наш пастор из Первой баптистской церкви, вел программу под названием "Высшая Земля". Джон приехал в Хьюстон из Оклахомы, где его церковь признавалась как самая евангельская церковь в Южной баптистской конвенции. То, что происходило в Оклахоме, стало происходить и в Хьюстоне, когда этот динамичный и молодой пастор начал поворачивать эту гигантскую церковь с головы на ноги. Я был в восхищении от его служения. Я был слишком слаб, чтобы встать, и сидел, развалившись в кресле, когда программа закончилась и началась другая. "Я верю в чудеса", - сказал женский голос. Я поднял взгляд, но не был впечатлен - на очень немногих баптистов могут произвести впечатление женщины-проповедницы. Но программа продолжалась, и эта женщина Кэтрин Кульман говорила о замечательных чудесах исцеления, и что-то внутри меня щелкнуло. Неужели это на самом деле? Я удивлялся.

Шоу закончилось, и на экране появились титры. Внезапно я увидел знакомое имя - Дик Росс, продюсер. Я знал Дика с 1952 года, когда он работал в Хьюстоне с Билли Грэмом, будучи продюсером "Нефтяного города США". Я даже сыграл крошечную роль в том фильме и в результате стал хорошим другом Билли Грэма и его команды, и продолжал заниматься вопросами его безопасности, когда он приезжал в Хьюстон. И вот Дик Росс оказался связан с этой женщиной-проповедницей, которая говорила о чудесах исцеления.

Все эти годы я поддерживал отношения с Диком. Когда бы я ни приезжал в Калифорнию по поводу своих полицейских дел, я всегда заходил повидаться с ним. Я навещал его дома, был даже на занятиях его воскресной школы в пресвитерианской церкви. Я снял трубку и позвонил ему.

"Дик, я только что смотрел шоу Кэтрин Кульман. Эти чудеса настоящие?"

"Да, Джон, настоящие, - ответил Дик. - Но тебе надо посетить одно из этих собраний в зале "Святыня", чтобы самому убедиться. Почему ты спрашиваешь?"

Я засмутился, затем сказал прямо: "Дик, у меня рак. Он уже проявился в трех местах на моем теле, и я боюсь, в следующий раз он убьет меня. Я знаю, что это выглядит так, словно я цепляюсь за соломинку, но именно так поступает умирающий".

"Я постараюсь, чтобы мисс Кульман сама позвонила тебе", - сказал Дик. "О нет, - возразил я. - Я знаю, она слишком занята, чтобы общаться с полицейским из Хьюстона. Просто скажи мне, где я могу достать ее книги". "Я пришлю тебе книги, - сказал Дик. - Но я также попрошу ее позвонить тебе ради меня".

Меньше чем через неделю она действительно позвонила мне домой. "У меня такое чувство, что я уже знаю вас, - сказала она, и ее голос звучал так же, как по телевидению. - Мы включили ваше имя в наш молитвенный список, но не откладывайте посещение одного из наших собраний".

Хотя мы оба с Сарой читали ее книги и жадно смотрели ее программу по телевизору, я все же отложил посещение собрания. "Где же мы были всю нашу жизнь? - спросила Сара. - Она известна во всем мире, но я никогда не слышала о ней прежде".

Как и многие другие баптисты, мы просто не представляли, что какие-то события происходят в Царстве Божьем за пределами Южной баптистской конвенции. И теперь наши глаза открылись, и не только на другие служения, но и на дары Духа и силу Божью к исцелению.

Это было таким новым, таким необычным! Все же я осознал, что это - по Библии. Несмотря на мою неосведомленность о сверхъестественных дарах Божьих, я был научен принимать Библию как Слово Божье. Когда мы начали видеть все эти ссылки на силу Святого Духа - ссылки, с которыми мы не были знакомы раньше, - наши сердца наполнились жаждой - не только по исцелению, но и жаждой принять исполнение Святым Духом.

В феврале я узнал, что мои дни кончаются. Сара и дети тоже знали это. "Папа, - сказала Элизабет, - ты поедешь в Калифорнию, а мы останемся дома и будем молиться. Мы верим, Бог исцелит тебя".

Я посмотрел на Сару Энн. Ее глаза были влажными, она кивнула и сказала: "Я верю, Он исцелит тебя".

В пятницу 19 февраля я вылетел из Хьюстона в Лос-Анджелес. Наши друзья в Лос-Анджелесе одолжили мне автомобиль, и я нашел мотель в Санта-Монике. Будучи полицейским и баптистом, я хотел составить представление о мисс Кульман еще до посещения собрания в воскресенье.

Я слышал, что она обычно прилетает за день до служения в "Святыне". Я также провел некоторые исследования, используя свои навыки полицейского, и узнал, где она останавливается. Вскоре я имел всю необходимую информацию.

Рано утром на следующий день я был в ее отеле. Я легко смог познакомиться с офицерами безопасности и "выкачал" из них информацию. Они вскоре сказали мне, в какое время мисс Кульман обычно прибывает.

Я занял место в холле и стал ждать. Спустя час дверь открылась, и она вошла. Она выглядела именно так, как я ее себе представлял. Я знал, что веду себя нагло, но я перехватил ее на пути к лифту. "Мисс Кульман, - сказал я. - Я тот самый капитан полиции из Техаса".

Она широко улыбнулась и воскликнула: "Ах, да! Вы приехали, чтобы получить исцеление".

Мы поболтали немного, и я сказал: "Мисс Кульман, я рожденный свыше верующий в Иисуса Христа. Я знаю, что мне нет необходимости быть исцеленным, чтобы уверовать, поскольку я уже верующий. Но в ваших книгах вы говорите о некоторых вещах, которые я также сильно хочу иметь, как и физическое исцеление".

"Что же это?" - спросила она, не отрывая глаз от моего лица.

"Я хочу быть наполнен Святым Духом".

"О, - мягко улыбнулась она, - я обещаю вам, что вы сможете это иметь". "Хорошо, я отчаянно болен, но я все же достаточно силен, чтобы дойти до зала и занять место в очереди. Я читал ваши книги и знаю план служения. Я приду в хорошем настроении рано утром, чтобы занять место получше". Я начал извиняться и повернулся.

"Подождите! - сказала она. - У меня есть чувство относительно вас, и я должна слушаться Святого Духа. Вы встретите нас здесь утром, и мы поедем вместе. Вы сможете следовать за нами в своей машине".

Я застеснялся: "Мисс Кульман, я так долго служил полицейским, и я срезал так много углов, чтобы добраться до места, а на сей раз я не хочу ничего делать такого, что могло бы помешать моему исцелению. Я просто пойду и встану в очередь с остальными".

Голос мисс Кульман стал жестким, а ее глаза заблестели. "А теперь позвольте мне сказать вам нечто, - сказала она с расстановкой. - Бог не собирается исцелить вас потому, что вы хороший. Он не собирается исцелить вас потому, что вы капитан полиции. И, конечно, Он не собирается исцелить вас из-за того способа, которым вы доберетесь до собрания".

Ей не пришлось говорить что-либо еще. На следующий день утром я следовал за ней от отеля до зала "Святыня". Мы приехали в 9.35 утра. Хотя собрание не начиналось раньше часа, тротуары перед гигантским залом были уже забиты несколькими тысячами ожидающих людей.

Мы прошли через служебный вход, и мисс Кульман сказала: "Вот, вы можете свободно походить здесь, пока не увидите, что мы с помощниками готовы. Когда я буду с ними, я хочу, чтобы и вы были рядом".

Я согласился и стал бродить по огромному залу. Сотни помощников, проехавших много миль, чтобы добровольно участвовать в служении, занимались расстановкой стульев для хора в пятьсот голосов, отгораживали участок для приехавших в инвалидных колясках, резервировали места для тех, кто приехал на заказных автобусах, и подготавливали зал для того, что должно было происходить. Даже когда я ходил по залу, я почти что мог чувствовать ощущение ожидания. Это было словно электричество. Все говорили благоговейным шепотом, словно Святой Дух уже был там. Как не похоже на ощущения на церковных служениях! Я тоже это чувствовал, и внезапно я перестал быть полицейским, перестал быть баптистским дьяконом южной деноминации. Я был просто человеком, больным раком, нуждающимся в чуде, чтобы ЖИТЬ. Если оно должно случиться со мной, то я знал, что это произойдет здесь.

Один человек представился мне как Уолтер Беннетт. Я сразу же узнал его имя. Я читал его свидетельство в книге "Бог может снова сделать это". Его жена Наурин была исцелена от ужасной болезни. Он провел меня вокруг сцены к двери, где она несла свою вахту. Я видел ее сияющей здоровьем, но я знал, что она умирала, - это дало мне новую надежду и веру. Я почувствовал, что хочу кричать.

"Джон, - сказал Уолтер, - у нас есть что-то общее. Вы - баптистский дьякон, и я тоже. Давайте выпьем по чашечке кофе".

Мы выскользнули через боковую дверь, и нашли неподалеку кафе. "После того, как вы будете исцелены, - сказал Уолтер, - есть шанс, что ваши братья баптисты не захотят с вами общаться". Он улыбнулся со знающим видом. Он говорил с такой верой, словно знал, что я исцелюсь.

"Меня не заботит, что прочие подумают обо мне, если я исцелюсь, - сказал я, - просто потому, что это Сам Бог коснется моего тела".

Уолтер улыбнулся. Я почувствовал такую любовь к этому новому другу! "Хорошо, но в одном мы можем быть уверены, - мягко сказал он. - Бог не для того дал вам проделать весь этот путь, чтобы вы остались ни с чем. Вы вернетесь в Хьюстон новым человеком". И то, что этот брат - баптистский дьякон - говорил с такой верой, наполнило меня возбуждением. Я едва мог дожидаться начала собрания.

А в зале мисс Кульман говорила с помощниками, давая им последние инструкции перед тем, как распахнутся двери. Я подошел к ним на сцене.

"У нас сегодня капитан полиции из Хьюстона, - сказала она. - У него в теле рак, и я буду молиться за него сейчас. Я хочу, чтобы вы все склонили головы в молитве, когда я буду ходатайствовать перед Господом об этом человеке".

Я понял, что это что-то особенное. Я знал, что служение мисс Кульман - это просто сообщение о том, что делает Бог, когда происходит грандиозное "служение с чудесами", и

что она сама не имеет особых даров исцеления. Она показала мне, чтобы я подошел, и протянула руки ко мне.

И хотя это был тот момент, которого я ждал, я застеснялся. Из ее книг я запомнил, что часто, когда она молилась за людей, они падали на пол. Я думал, что падение - это то, что подходит для некоторых пятидесятников, но не годится для баптиста и уж тем паче для капитана полиции. Но у меня не было выбора. Я вышел вперед и позволил ей помолиться за меня. Расставив ноги и приняв мою лучшую стойку из дзюдо я ждал, а она коснулась меня и стала молиться о моем исцелении. Ничего не случилось. Но когда я начал расслабляться, я услышал, как она сказала: "И наполни его, благословенный Иисус, Твоим Святым Духом".

Я почувствовал, что пошатнулся, и подумал: "Этого не может быть!" Я укрепил стойку, поставив одну ногу позади другой, и услышал во второй раз: "И наполни его Твоим Святым Духом".

Мне показалось, что кто-то положил руки мне на плечи и толкнул меня на пол. Я не смог сопротивляться и рухнул на сцену. Я с трудом поднялся на ноги, но услышал в третий раз: "Наполни его Твоим Святым Духом". И я снова оказался на полу.

На сей раз я пролежал несколько минут, словно меня погрузили в ванну, полную любви. Кто-то помог мне встать, и я услышал, как мисс Кульман сказала: "А теперь найдите себе место. Мы открываем зал, и через несколько минут все сиденья будут заняты".

Мне следовало послушаться, поскольку через несколько мгновений двери распахнулись, и люди начали вливаться в зал по проходам, как лава течет по склонам вулкана. Я направился вверх по проходу, оглянувшись на целую секцию, заполненную людьми в инвалидных колясках. Я не мог оторвать свой взгляд от их лиц. Некоторые из них были так молоды и уже скрючены. И снова мне захотелось кричать. "О Господи, не эгоист ли я, что хочу исцеления, когда здесь так много людей и некоторые из них такие юные?"

Когда я стоял и смотрел, я услышал - впервые в моей жизни! - как Божий внутренний голос сказал: "На моем складе нет дефицита".

С новой силой я стал протискиваться дальше и медленно, терпя боль, поднялся по ступенькам к месту в первом ряду на балконе.

До начала собрания еще оставалось время. Гигантский хор занял свое место на сцене и в последний раз репетировал. Я разглядывал людей, сидевших вокруг меня, и представился человеку на соседнем сиденье. "Я - доктор Таунсенд", - отозвался он.

"Вы - доктор медицины?" - осведомился я, пораженный тем, что медицинские доктора посещают собрания с исцелением.

"Да, точно, - сказал он, доставая визитную карточку. - Я прихожу, потому что получаю большое благословение. Мне просто нравится наблюдать могучие дела Божьи". Затем он представил меня своей семье. "Я привез своего отца сюда из другого штата, - сказал он. - Это - его первое собрание".

Через проход сидел один из моих любимых актеров на телевидении. "Эй, ну и как тебе такое? - размышлял я про себя. - Доктора и кинозвезды из высшего общества здесь, на балконе! И они пришли не для того, чтобы себя показать, но чтобы принять участие в собрании". Это производило впечатление.

Служение началось. Красивая девушка, модель, чье лицо я часто видел на обложках женских журналов Сары, поделилась кратким свидетельством, что Иисус Христос значит в ее жизни.

Я был на многих евангелизационных собраниях, но это было необычным. Может быть, здесь было чувство ожидания, может, чувство благоговения. Но что бы это ни было, это было отличным от всех других собраний, которые я когда-либо посещал.

Мисс Кульман говорила со сцены: "Вы знаете, меня попросили это воскресенье посвятить юношеству, но люди проделали такой долгий путь, и у меня просто язык не поворачивается сказать: "Только молодые люди!"

Однако, поскольку здесь сегодня так много молодых, я должна обратиться к ним".

Ее послание было кратким, и оно было адресовано молодежи. Она говорила о любви Божьей, затем произнесла один из самых сильных призывов к покаянию, которые я слышал. Если есть что-то, что может впечатлить баптиста, то это количество и движение. И когда я увидел почти тысячу молодых людей, встающих с сидений, чтобы выйти вперед и выбрать Иисуса Христа, я был поражен. В отличие от многих собраний пробуждения, которые я посетил, на этом служении не было бравурных, выдавливающих слезы историй. Просто приглашение этой стройной женщины, которая сказала: "Вы хотите быть рождены снова?". Подростки ответили, и многие из них буквально бежали вдоль проходов, чтобы принять этот вызов. Казалось, что она забыла о времени, занимаясь с ними на сцене, молясь за многих из них лично. Наконец они вернулись на свои места, но община чувствовала, что должно случиться что-то еще.

"Отец, - прошептала она так тихо, что я едва смог услышать это, - я верю в чудеса. Я верю, что Ты снова исцеляешь сегодня, как Ты исцелял, когда Иисус Христос был на земле. Ты знаешь нужды людей, собравшихся здесь, в этом огромном зале. Я молюсь, чтобы Ты коснулся их. Во имя Иисуса я прошу об этом. Аминь".

И затем наступила тишина. Я мог слышать, как сердце бьется у меня в груди. Я стал ощущать каждую клеточку в своем теле и почти что мог чувствовать ту духовную битву, которая происходила, когда силы Святого Духа сражались с силами зла за мое тело. "О Боже, - взмолился я, поклоняясь Ему. - О Боже".

Внезапно мисс Кульман заговорила снова, и ее речь становилась учащенной, когда она получала знание о том, что творилось в зале. "Там, на балконе, человек справа от меня, только что получил исцеление от рака. Встаньте, сэр, во имя Иисуса и возгласите это исцеление".

Я посмотрел вверх. Она указывала на противоположную сторону балкона. Это было феноменально. Я мог лишь взирать в изумлении, чувствуя, как возбуждение нарастает внутри меня. Это было настоящее. Я знал это.

"Не выходите на сцену, если вы не уверены, что Бог исцелил вас", - подчеркнула она.

Я осмотрелся и увидел, что служители ходят взад и вперед по проходам. Они расспрашивали людей, которые думали, что они исцелены, выбирая только тех, кто был по-настоящему исцелен, и, предлагая им выйти вперед для свидетельства.

Исцеления, о которых она сообщала, похоже, происходили главным образом на балконе. Они передвигались справа налево.

"Двое людей исцеляются от болезни глаз. Женщина исцеляется прямо сейчас от артрита. Встаньте и востребуйте свое исцеление. Вы сидите прямо посередине балкона".

Мисс Кульман сказала: "Вы пришли сегодня, чтобы получить исцеление. Бог восстановил ваше здоровье. Снимите слуховой аппарат. Вы можете отлично слышать".

Я посмотрел. Встала женщина за сорок, вынимая слуховой аппарат из обеих ушей. Один из служителей стоял позади нее и шептал. Я думал, что женщина будет кричать, когда она подняла руки над головой, восхваляя Бога. Она могла слышать. Доктор, сидевший рядом со мной, плакал и говорил: "Спасибо, Иисус".

Исцеления пошли в моем направлении через балкон. "Господи, не дай им кончиться", - взмолился я. Затем я вспомнил, что Он прошептал мне в партере: "На Божьем складе нет дефицита".

Внезапно мисс Кульман указала на левый край балкона, туда, где сидел я. "Вы проделали долгий путь за исцелением от рака, - сказала она. - Бог исцелил вас. Встаньте во имя Иисуса и востребуйте исцеление".

От сцены до балкона было так далеко! Она не могла знать, что я был там. Но ее длинный, тонкий палец указывал в моем направлении.

"О Господи, - сказал я, - конечно, я хочу быть исцелен. Но как я могу знать, что это для меня?"

И тут же тот самый внутренний голос, тот, что я слышал внизу, когда смотрел на людей в инвалидных колясках, сказал: "Встань!"

Я встал. Не чувствуя ничего особого, я просто встал в послушании и вере. Затем я почувствовал это. Это было словно погружение в жидкую энергию. Я никогда не ощущал, как такая сила течет сквозь мое тело. Я чувствовал, что я мог бы взять телефонный справочник города Хьюстона и разорвать его на кусочки.

Ко мне подошла женщина: "Вы были исцелены от чего-то?"

"Да, так", - объявил я, горя желанием прыгать и бегать одновременно. "Откуда вы это знаете?"

"Я никогда не чувствовал себя так чудесно. У меня едва хватает сил усидеть на месте, и я чувствую себя так хорошо! - Я все время наклонялся и сгибался, делая то, что мне было не под силу более года. - Я чувствую, что я мог бы пробежать милью".

"Тогда бегите прямо на сцену и свидетельствуйте", - сказала она.

Я побежал. Но по дороге я начал думать - а что, если здесь есть кто-то из Хьюстона? Я там буду прыгать на сцене, а мисс Кульман возложит на меня руки, и я свалюсь на пол. Что они подумают?

Затем я осознал, что мне все равно. Спустя несколько мгновений я стоял рядом с мисс Кульман на сцене. Она просто подошла ко мне и сказала: "Мы благодарим Тебя, благословенный Отец, за исцеление этого тела. Наполни его Святым Духом".

Бум! Я снова оказался на полу. Но на этот раз благодаря новой исцеляющей энергии, струящейся сквозь мое тело, я тут же вскочил на ноги. В следующий раз она даже не коснулась меня. Она просто помолилась, протянув руки в моем направлении, и я услышал, как она сказала: "О, сила...". И я снова свалился на пол.

Я оставался там все время, все больше наслаждаясь в той ванне жидкой любви. Но даже там сатана атаковал меня. Он подошел, как рыкающий лев. "Что дает тебе право считать, что ты исцелен?"

Мисс Кульман уже обратила свое внимание на кого-то другого. Я перевернулся, встал на колени, держа голову руками, и молился: "О, Отец, дай мне веру принять то, что, как я искренне верю. Ты дал мне".

В течение многих лет я прослушал множество баптистских учебных курсов. И мой ум был хорошо ознакомлен со Словом Божьим, и в тот момент мне на память пришел стих: "И хотя в этом испытайте Меня, говорит Господь Саваоф" (Мал.3:10).

Я подумал о всех этих изувеченных телах, что я видел. "Отец, дай мне видимый знак, чтобы моя вера стала сильной".

Я открыл глаза, и вот к сцене подошла маленькая девочка лет девяти. Я никого не видел таким счастливым раньше. Она бегала и прыгала босиком. Она танцевала на сцене, прямо рядом с мисс Кульман, которая протянула руку, чтобы схватить ее, но промахнулась. Она повернулась и снова стала танцевать. Мисс Кульман потянулась к ней, но девочка усккала от нее. К этому времени мать ребенка была уже на сцене. Она держала пару башмаков с тяжелыми стальными скобами.

Не сумев схватить танцующую и прыгающую девочку, мисс Кульман обратилась к матери.

"Ну, что у нас тут?"

"Это моя маленькая девочка, - сказала мать, всхлипывая. - У нее был полиомиелит, когда она была младенцем, и она никогда не ходила без этих скоб. Но посмотрите, как она ходит сейчас!" Огромное собрание разразилось громом аплодисментов.

"Как вы узнали, что Бог исцелил ее?" - спросила мисс Кульман.

"О, я почувствовала, как исцеляющая сила Божья прошла сквозь ее тело, - почти крича, сказала мать. - Я сняла скобы, и она стала бегать".

А сразу за ней стояла другая мать, держа двухлетнего ребенка. "А здесь что?" - спросила мисс Кульман.

"Бог только что исцелил ногу моего младенца", - голос матери так сильно дрожал, что ее трудно было понять.

Мисс Кульман протянула руку и взяла ножку младенца. "Эта нога была больной?"

"Да, да, это она", - выпалила мать. "Но я не вижу отличий этой ноги от другой". "Но посмотрите на это, - сказала мать, держа специально сконструированный ботинок. - Этот ребенок был рожден с косолапостью. И было сделано много операций. Если бы вы массировали ступню так, как вы ее трете сейчас, малышка закричала бы от боли".

"Здесь, на сцене, со мной есть врачи, - сказала мисс Кульман. - Они знают меня. Есть ли в зале доктор, который не знает меня и не знает этих детей? Не могли бы вы подняться сюда и осмотреть их?" Встал один мужчина.

"Вы - практикующий врач, сэр?" - спросила она. "Да", - сказал он. "Где вы практикуете?"

"Госпиталь святого Луки здесь, в Лос-Анджелесе". "Не могли бы вы подняться и осмотреть этих детей?"

Доктор вышел на сцену. "Первое, что я скажу: маленькая девочка, бегающая и прыгающая на этих тонюсеньких ножках, - это чудо. Без чуда она не могла бы даже стоять на них, не то что прыгать от радости. - Затем он взял ноги младенца и сложил их вместе. Мисс Кульман, - сказал он серьезно, - я не могу обнаружить разницы между ножками этого ребенка. Я думаю, его мать может выбросить ортопедическую обувь".

Мне не нужны были еще доказательства. Я прошел за кулисы, нашел телефон и позвонил Саре в Хьюстон. Номер был занят, и я попросил телефонистку вклиниться в разговор.

"Я не могу этого сделать, если это не вопрос жизни и смерти", - сказала она.

"Это именно такой вопрос, мисс. И вы можете прослушивать, если хотите".

Внезапно Сара оказалась на проводе. Я пытался говорить, но все, что я мог, это всхлипывать. Я никогда не плакал так сильно за всю свою жизнь, как сейчас, держа трубку за кулисами в зале "Святыня". Сара продолжала говорить: "Джон, Джон, ты исцелен?"

Я наконец смог ответить. Я был исцелен. Затем начала плакать она. Я надеялся, что телефонистка слушала. Звонок был о жизни, не о смерти.

Я снова подошел к краю сцены и стал наблюдать. Пятеро католических священников, один из них монсеньер (Титул высокопоставленных католических священников. Прим. пер.), сидели в первом ряду на сцене. Монсеньер сидел на краешке своего стула, глядя на все это. Когда мисс Кульман проходила мимо него, она увидела, как он сосредоточен. "Не хотели бы вы этого?" - спросила она.

Он знал точно, что она имела в виду, поскольку он встал, а его мантия заструилась вниз: "Да".

Она возложила на него руки и сказала: "Наполни его Святым Духом". Он упал. Она повернулась к другим священникам и сказала: "Давайте". Каждый из них прошел через то же, оказавшись на полу.

Хиппи спасались. Скрюченные части тел распрямлялись. Мой собственный рак был исцелен. Католические священники были наполнены Святым Духом. Я ушел в изумлении, и уехал к себе в мотель. Это было нечто большее, чем я мог понять.

В мотеле я делал все виды упражнений - приседания, элементы зарядки - то, что я не мог делать больше года. И делал это с легкостью. Даже без медицинского обследования я знал, что был исцелен. Всю ту ночь я просыпался не для того, чтобы принимать болеутоляющие таблетки (поскольку я прекратил прием всех препаратов в то утро, прежде чем идти на служение), но чтобы громко говорить в темноте: "Спасибо, Иисус. Хвала Господу!"

Затем я встретился с Сарой и детьми. Они ждали в аэропорту Хьюстона, когда я прилетел. Я бросился к ним, обнял Сару так сильно, что буквально оторвал ее от пола. Она задыхнулась в моих объятиях. Затем я схватил мальчиков - сначала Эндрю, затем Джона, приподнял их и держал над головой. Я обнял Элизабет. Мы тут же стали разговаривать.

"Твое лицо, Джон, - сказала Сара, - оно такое цветущее и полное жизни". "Я знала, что ты будешь исцелен, - сказала Элизабет. - Я каждый день молилась за тебя в 9, 12 и 6".

"И мы тоже, папа, - пропищал маленький Джон. - И мы, маленькие ребята, тоже молились. Мы знали - Бог исцелит тебя".

Это уже переполнило чашу, и вот заслуженный капитан полиции стоял посреди аэропорта Хьюстона и плакал.

Вскоре после этого я вернулся в Институт М. Д. Андерсона, чтобы пройти медицинское обследование. У меня была назначена встреча с двумя докторами в один день.

Первым доктором была та самая, которая рекомендовала операцию. Я дал ей экземпляр книги мисс Кульман "Я верую в чудеса". Она взглянула на книгу, выслушала мою историю, а затем посмотрела на меня так, словно я сошел с ума.

"Позвольте мне сказать вам кое-что, - сказала она. - Единственное чудо, которое случилось с вами, - это медицинское чудо. И это все. Единственное, что держит вас в живых, это препараты. Прекратите их принимать, и посмотрим, сколько вы протянете". Я улыбнулся.

"Отлично, я не принимаю никаких препаратов с 20 февраля, то есть уже больше месяца".

Она была в шоке и разозлилась. "Вы поступили очень глупо, мистер Леврие, - ядовито сказала она. - Пройдет немного времени, и рак проявит себя где-то еще, и вы умрете".

Что за странное отношение для ученого, подумал я!

Я ушел и направился к офису доктора Лоуэлла Миллера, главы отделения лучевой терапии в Германовском госпитале. Я надеялся, что его реакция будет более позитивной, но после предыдущей встречи решил не говорить ему ни слова о чуде. Он мог просто сам все обнаружить.

Его медсестра попросила меня пройти в раздевалку и подготовиться к медицинскому обследованию. И тут я заметил странную вещь. Как и многие полицейские со стажем, я заработал сильное варикозное расширение вен на ногах. Я не носил бермуды на публике, поскольку стеснялся узлов на ногах. Конечно, ты не беспокоишься о варикозных венах, когда умираешь от рака, но в ярком свете медицинских ламп я посмотрел на свои ноги впервые после возвращения из Лос-Анджелеса. Господь не только исцелил меня от рака, но Он также вылечил варикозное расширение вен. Мои ноги были гладкими, как у подростка. Когда доктор Миллер вошел в комнату, я был переполнен хвалой Богу.

Он не привык видеть больных раком в таком радостном настроении и отступил назад: "Боже! Что же тут произошло с вами на самом деле?"

Этого было достаточно, чтобы я выложил ему всю историю, как Иисус Христос вылечил мой рак.

"А теперь вот что, - сказал доктор Миллер. - Я тоже христианин, но Бог дал нам достаточно здравого смысла, чтобы мы пользовались им".

"Я не собираюсь спорить с вами об этом, - сказал я с задором. - Я потому и пришел сюда для обследования. Я пройду любой тест, который вы выберете. Но я говорю вам, что вы не найдете никаких отклонений". "Отлично, - сказал доктор, - приступим". И за этим последовало самое тщательное медицинское обследование, которое я только проходил.

Когда он закончил, он сказал: "Знаете, я хотел бы, чтобы моя предстательная железа была в таком же состоянии, как и ваша". Затем он прошелся по моему позвоночнику, простукивая позвонок за позвонком. "Замечательно, - все повторял он. - Замечательно".

Он послал меня на рентген, а затем сказал: "Я позвоню вам через день или около того, когда я сверю эти снимки со старыми. Но, судя по всем показаниям, вы исцелены".

Спустя три дня зазвонил телефон на столе в моем офисе на втором этаже в отделении полиции города Хьюстона. Это был доктор Миллер. "Капитан, - сказал он, - у меня хорошая новость. Я не смог найти абсолютно никаких следов рака. А теперь я хочу задать вам другой вопрос. Вы выступаете?" "Вы говорите о моей работе в полиции?" - сказал я.

"Нет, - сказал он, - не о полицейской работе. Я хочу, чтобы вы пришли в мою церковь и рассказали людям, что Бог сделал для вас".

И это открыло дверь. И с тех пор я езжу по разным странам, рассказывая потерявшим надежду людям о том, что у Бога нет дефицита на Его складе чудес.

Глава 3. В долине теней - Изабель Лариос

Один из самых радостных моментов в году - Рождество. Я получаю тысячи открыток от дорогих друзей со всего света. Я читаю каждую из них. Но самые драгоценные поздравления, однако, приходят от детей. Дети такие открытые, такие честные. Когда ребенок говорит мне: "Я люблю тебя", я никогда не сомневаюсь в этом. Поэтому, когда я получила простую маленькую открытку от милой девочки мексиканского происхождения из Калифорнии, я знала, что она имела в виду то, что написала. Она поблагодарила меня за то, что я сделала возможным следующее Рождество. Но я знала Кого она имела в виду. И Бог знает, это была не Кэтрин Кульман, это был Иисус. Лиза Лариос умирала от рака кости, но Бог исцелил ее в зале "Святыня". Мать Лизы Изабель и ее отчим Ксавье Лариос жили на втором этаже скромного дома в Панорама-Сити, штат Калифорния. Изабель родилась в Лос-Анджелесе, но выросла в Гвадалахаре, Мексика. Ксавье, который проводит большую часть времени у мольберта в своей квартире, является уважаемым официантом в "Каза-Вега" в Шерман-Оукс, одном из лучших местных ресторанов. Кроме Лизы, у них еще двое детей - Альберт и Джина.

"Это просто возрастные боли", - сказала я, когда наша двенадцатилетняя дочка пожаловалась на боли в правом бедре. Я сидела в полутьме на краю кровати, натирая ей спину и бедро жидкой мазью. Лиза росла быстро. У нее уже была фигура пятнадцатилетней девушки, и она выглядела как олицетворенное здоровье.

Все же в сгущающейся тьме этого вечера, растирая мазь по ее гладкой коже, я почувствовала, что эта особенная боль была чем-то большим, чем обычные мышечные боли, которые испытывают растущие девочки. Лиза тоже поняла это. Страх вошел в комнату вместе с темнотой.

"Мама, включи свет, когда будешь уходить, - прошептала Лиза. - Я не хочу оставаться здесь в темноте".

Ксавье ушел на работу в ресторан. Двое других детей уже спали. Я похлопала Лизу по спине и надела на нее рубашку пижамы. "Здесь нечего бояться", - сказала я.

"Я не люблю тени, - ответила она, погрузив голову в подушку. - Они пугают меня".

Я включила свет в комнате и вышла в открытую дверь. Затем я задержалась на мгновение за дверью, глядя в комнату. Откуда пришел так внезапно этот страх? Лиза никогда раньше не боялась. А теперь я чувствовала, что страх повис в комнате, словно сеть, прикрепленная к потолку и накрывающая кровать. Или Лиза подозревала что-то, чего я не могла почувствовать?

Следующий день оказался одним из редких прекрасных дней в бухте Лос-Анджелеса. Был конец марта, и сильный дождь перед рассветом освежил воздух, оставив его чистым и прозрачным. Ярко светило солнце, небо было необычайно голубым, и мы могли ясно видеть на восточном горизонте снежные вершины гор. Ксавье встал, чтобы позавтракать с детьми до того, как они отправятся в школу. А затем мы оба поехали в Ван Найс за покупками. Я искала свитер для Лизы, а Ксавье нужен был уголь, чтобы закончить рисунок на мольберте. Когда мы вернулись, как раз перед полуднем, дверь в квартиру была приоткрыта. Лиза была дома и плакала, лежа на софе в передней комнате.

Ксавье в беспокойстве встал на колени рядом с Лизой и отбросил волосы с ее глаз. "Что такое, Лиза?" - нежно спросил он, и звук его сильного мексиканского акцента был словно музыка в ее ушах.

"Это все мое бедро, папа, - всхлипывала она. - Оно начало болеть сильнее, и сосед пришел и забрал меня из школы".

Лиза дала мне смятую записку от одной из сестер Школы Святой Елизаветы: "Пожалуйста, обратите внимание. Лиза ходит с большим трудом. Мы думаем, ей надо показаться врачу".

Ксавье кивнул. "Позвони доктору Ковнеру, - сказал он. - Больше ждать нельзя".

Доктор Ковнер был другом семьи. Он уже лечил нас прежде и всегда отмечал, что Лиза - его любимый пациент. Его медсестра назначила встречу на следующий день после обеда.

Доктор сделал рентген и провел предварительный осмотр. Затем он позвал меня к себе в офис: "Миссис Лариос, это может быть один из нескольких вариантов. Мы должны начать с самого очевидного и работать, исходя из него. Я собираюсь госпитализировать Лизу, и там мы сможем провести дальнейшие тесты".

И ей предстояли еще обследования в больнице городка Ван-Найса. Лиза пыталась держаться храбро, но, испытывая постоянную боль, проводя ночи вне дома в незнакомом месте, в окружении посторонних людей, она с трудом справлялась с этим. Каждое утро я подвозила детей в школу, а затем ехала в больницу, плача всю дорогу, сомневаясь, что люди, попадавшие мне на пути, знали о великой боли в моем сердце. В больнице я все время улыбалась, но это была лишь маска. Внутренне я была совершенно разбита.

"Есть вероятность, что боль вызвана увеличенным аппендиксом, который давит на нерв, - сказал доктор. - Мы собираемся удалить аппендикс и посмотреть, решит ли это проблему".

Но боль осталась и после того, как Лизе была сделана операция. Никто, похоже, не знал, что делать дальше. Она вернулась домой 12 мая. Ей предписали оставаться на костылях.

Пришлось еще много раз побывать в больнице. "Это поставило меня в тупик, - сказал доктор Ковнер, снова изучая рентгенограммы. - Я полагаю, мы должны обратиться к специалисту".

Доктор Джеттлмен, хирург, работал очень методично. Он сделал еще один рентген и провел собственное обследование. "Пусть она походит на костылях еще одну неделю, - сказал он. - Привезите ее ко мне в следующий четверг".

Несмотря на костыли, боль росла. Не в силах пойти в школу, Лиза ковыляла на костылях вокруг дома, плача и пытаясь быть храброй. Большую часть времени она проводила в постели. В конце недели она снова оказалась в госпитале, на сей раз это был Госпиталь святого Иосифа в Бербенке.

"Мы будем вынуждены снова ее оперировать, - сказал доктор Джеттлмен.

- Мы кое-что увидели на снимках. Это может быть гнойный мешочек, который вызывает давление. Однако это может быть и опухоль. Есть два вида опухолей - доброкачественные и злокачественные. Если это доброкачественная опухоль, то не будет каких-либо проблем. Но если она злокачественная, это может быть очень серьезно", Хотя мы принадлежали к римской католической церкви и наши дети посещали католическую школу, ни я, ни Ксавье не были очень религиозными. Мы редко бывали на мессах и почти никогда не ходили на исповедь. Все же я всегда чувствовала близость к Иисусу, и те маленькие открытки, которые друзья Лизы по школе продолжали ей присылать, сообщая, что они молятся за нее, тоже помогли мне, когда я обратилась к Богу в молитве.

Вечером перед операцией я была дома одна с Альбертом и Джинной. Они рано легли спать, а я вошла в нашу спальню и легла поперек кровати в полумраке. Казалось, что весь мой мир рушится. Я девять месяцев носила Лизу в своем чреве. Я готова была отдать жизнь за нее во время родов, лишь бы она жила. Я нянчила ее, заботясь о ней темными ночами, смеялась с ней, бегала с ней по траве, защищала ее, плакала и молилась о ней. И вот теперь доктора говорят, что она может умереть. Я плакала, пока слезы не иссякли. Все казалось таким безнадежным, таким тщетным.

Когда я лежала на спине поперек кровати, глядя на тени на потолке, я начала молиться:

"Дорогой Боже, Лиза действительно не моя, не так ли? Она Твоя. Ты просто позволил нам воспитывать ее, кормить, учить и любить. Однажды она покинет нас, выйдет замуж и воспитает своих собственных детей. Если Ты хочешь забрать ее раньше, я отдаю Тебе ее назад и благодарю Тебя, что она так долго была благословением для нас".

Это была простая, неэмоциональная молитва. Но я произнесла ее и задремала, наблюдая за тенями.

Во сне я сидела в маленькой темной комнате, Ксавье был рядом, держал мою руку. Перед нами раскрылась дверь, и двое мужчин в хирургических халатах шли по длинному холлу.

Один из них, доктор, плакал и не мог говорить. Другой встал перед нами и сказал: "Ваша дочка очень больна. У нее рак".

В страхе я проснулась. Было полночь, а я все еще лежала на спине в кровати. В доме было тихо. Только свет из холла проникал в спальню. Я встала и пошла посмотреть на детей. Они мирно спали. Затем я вошла в темную гостиную и села на край софы. Был ли этот сон от дьявола? Не пытался ли он запугать меня? Или сон был от Бога, и Он предупреждал и готовил меня? Как мне узнать это?

Когда я услышала шаги Ксавье на лестнице за дверью, я проскользнула через холл и забралась в постель, прежде чем он дошел до спальни. Я не хотела, чтобы он знал, как глубоко я обеспокоена. Лизе мы оба будем нужны сильными, когда она пойдет на операцию утром.

Мы с Ксавье сидели, держась за руки, в маленькой приемной комнате у операционного отделения в госпитале. Естественно было молиться, и мы так и делали молча. Доктора приходили и сообщали новости другим, ожидающим результатов. "Ваш отец в порядке. Нам даже не следовало его оперировать... Не о чем беспокоиться, ваша жена в отличной форме... Вы можете забрать своего сына домой сегодня после обеда..."

В 2 часа пополудни я увидела двух врачей, идущих по длинному холлу. Один из них был доктор Ковнер. Его лицо было бледным. Другой был доктор Джеттлмен. Ксавье вскочил со стула и встретил их у двери, но я осталась сидеть. Я знала, что будет дальше, и мои ноги были как ватные. Это была та сцена, которую я видела во сне.

"Мы нашли опухоль, - сказал доктор Джеттлмен. - Она неоперабельна. Если бы мы ее вырезали, то нам пришлось отрезать ей всю ногу". "Это рак?" - задыхаясь, спросил Ксавье.

"Боюсь, что так, - ответил он. - Девочка очень, очень больна. Ее бедренная кость как масло. Если бы у меня была ложка, то я мог бы вычерпать ее. Ткань вокруг кости словно швейцарский сыр, она вся в дырках. В лаборатории только что провели анализ, и это самая худшая разновидность рака. Все, что мы могли, - это зашить разрез".

"И нет ничего, что вы могли бы сделать?" - умолял Ксавье, а его лицо стало изможденным и осунувшимся.

"Сейчас ничего. После того, как она оправится от операции, мы начнем облучение кобальтом. Мы сможем поговорить об этом позднее".

"Но ведь она поправится, правда?" - спросил Ксавье.

Доктор Джеттлмен повесил голову. "Все, что я могу сказать, это то, что мы попытаемся продлить ей жизнь. Я не могу обещать большего".

Я посмотрела на доктора Ковнера. Хотя он ничего не сказал, его лицо говорило о многом. Его глаза были полны слез: Лиза умирала, и никто из нас не мог ничего сделать. Я отдала ее Богу, и Он принял мое предложение.

Доктора согласились, что нам не следует говорить Лизе о ее болезни. Спустя две недели мы забрали ее домой в инвалидной коляске, настроившись на то, чтобы сделать это лето счастливейшим в ее жизни.

Доктор Ковнер не согласился с нашим планом взять Лизу на длительные каникулы. "Нужно сразу начать лечение кобальтом", - сказал он.

"Если мы подпишем разрешение и позволим вам начать лечение облучением, - спросила я, - то, что вы сможете обещать?"

"Мы ничего не можем обещать, - сказал он. - Но вы никогда не узнаете, помогло ли это, если не попробуете".

"А что случится, если мы не позволим вам лечить ее?"

"Я не люблю отвечать на подобные вопросы, - сказал доктор Ковнер. - Но даже с лечением, максимум, что мы можем обещать, это шесть месяцев. И она будет очень, очень страдать перед смертью".

Я пообещала обсудить этот вопрос с Ксавье. Мы оба чувствовали, что будет жестоко забирать оставшиеся месяцы Лизиной жизни, и решили подвергнуть ее радиационной терапии.

И 9 июня Лизу положили в детский госпиталь в Лос-Анджелесе. Это была третья госпитализация за три месяца. Доктор Хиггинс, женщина-врач, курировавшая Лизу, сказала нам, что есть три пути дальнейшего распространения рака: в печень, в грудь или в мозг. И все эти варианты являются смертельными. Рак в растущих детях развивается быстро, и единственный возможный путь сохранить ей жизнь лежал через облучение кобальтом и химиотерапию.

Наконец мы согласились на предварительное лечение, и они начали серию инъекций. Лиза сильно реагировала на это, Я сидела с ней всю ночь, а ее рвало, и она кричала: "Мама, что происходит со мной? Почему я так больна?"

Это было больше, чем я могла вынести. Мы снова обсудили вопрос с Ксавье и решили, что свои последние дни наша дочь должна провести дома с нами, а не в госпитале. Мы заберем ее домой.

Священник из школы Лизы слышал о ее состоянии и навещал ее по вечерам в госпитале, принося ей причастие. Мы поговорили с ним о нашем решении отказаться от облучения. Он согласился с нами. "Если она умирает, тогда она должна провести свои последние дни так счастливо, как только возможно".

"У Лизы нет никаких шансов на выздоровление без радиационной терапии", - возражала доктор Хиггинс, когда мы поговорили с ней.

Другие врачи предложили: "Если она останется в госпитале, то, возможно, мы сможем что-то понять, что поможет другой маленькой девочке в возрасте от пяти до десяти лет".

"Я не хочу, чтобы мой ребенок стал подопытным кроликом, - сказала я им честно. - Я лишь хочу, чтобы она выздоровела. Вы можете обещать мне это?"

"Извините, миссис Лариос, - сказали врачи, - медицинская наука ничего не может обещать вам".

На следующий день мы забрали Лизу домой - умирать.

Остаток лета мы пытались сделать ее счастливой. Мы глубоко залезли в долги, взяв ее в путешествие по побережью, покупая ей те вещи, которые она хотела, - магнитофоны и другие материальные подарки. Но все это выглядело таким душераздирающе бессмысленным! Это было неправильно - сидеть вокруг нее, обложив ее подарками, и ждать, когда она умрет.

Однажды после обеда в середине июля в дверь нашей квартиры постучали. Я открыла и увидела нашего соседа, молодого человека Билла Труетта.

"Ну как там Лиза?" - спросил он.

"Не очень хорошо, - ответила я, - ей стало хуже с того времени, как мы забрали ее из госпиталя".

Билл слабо улыбнулся и посмотрел мне прямо в глаза. "Она поправится", - сказал он уверенно. Я пожала плечами. "Надеюсь, что так".

"Нет, вы не поняли меня, - серьезно сказал он. - Она поправится. Вы слышали о Кэтрин Кульман?"

"Ну, я видела пару раз ее по телевизору, но не обратила большого внимания".

"Этим воскресеньем она будет в Лос-Анджелесе в зале "Святыня", - сказал он. - Я хочу взять Лизу на собрание".

Я заколебалась. Я не знала Билла очень хорошо, но слышала, что собрания в "Святыне" длятся очень долго. Однако он был настойчив, и я, в конце концов, согласилась, что мы с Лизой поедem с ним, просто чтобы отвязаться от него.

Я закрыла дверь и склонилась над кухонным столом. Ксавье стоял за мольбертом около окна, обозревая дворик. Несколько его рисунков висели на стенах нашей квартиры. Я знала,

что он хотел бы развивать свой талант, но я также знала, что рисование для него - это своего рода бегство от реальности. Когда он был занят набросками, у него не было времени думать о Лизе. Я наблюдала за ним - его лицо было словно выточено из камня, а взгляд сосредоточен на мелках. Я вдруг почувствовала, что мои ногти впились в ладони, когда я стиснула кулак и попыталась удержать потоки слез. Ксавье был погружен в рисование. Билл сделал безумное предложение. Но я была матерью Лизы, и я должна была видеть реальность. Я не могла позволить себе убежать в искусство или втянуться в бесполезную погоню Билла за чудесами.

Лиза умирала.

Билл вернулся на следующее утро, напомнив мне о моем обещании поехать с ним и захватить Лизу. "Билл, я не хочу погасить ваш энтузиазм, - возразила я, - но доктора сказали мне, что Лиза неизлечима. И никто ничего не может сделать".

"Тогда посмотрим, что сможет сделать Бог", - сказал он просто.

Я хотела отпереться. Я чувствовала, что Билл давит на меня. Кроме того, я не любила так рано вставать в воскресенье и не хотела ехать весь этот путь через город только для того, чтобы часами стоять в очереди.

Но Билл не сдавался. "Я знаю, что она будет исцелена. Моя мать очень близко знает это служение. Она знакома со многими людьми, которые исцелились".

Но у меня совсем не было веры. Я просто была благодарна, что Лиза не понимала, насколько серьезна ее болезнь на самом деле.

Но я тогда не знала, однако, что Лиза что-то подозревает. По крайней мере, она убедилась, что больная нога не выдержит ее веса. За несколько дней до этого она общалась с подругой в квартире напротив и пыталась попробовать ходить без костылей. Ее бедро согнулось, словно мокрая губка, и она упала на пол. И хотя она не знала, в чем дело, она понимала, что с ее бедром творится что-то очень плохое.

В субботу после обеда Билл снова зашел и постучал в дверь: "Запомните, завтра - этот день. Лиза получит чудо".

"Хорошо, Билл", - сказала я, закрывая дверь. Но внутри я знала, что ничего не выйдет. Они не могли сотворить чуда вообще или, по крайней мере, для таких, как мы. Если чудеса существуют, то они для богатых, для набожных, для святых в церкви. Мы же просто бедные мексиканские католики, которые и на мессу ходят не очень часто. Как могли мы ожидать чуда?

Рано утром на следующий день, 16 июля, Билл позвонил в дверь. "Позвольте мне допить кофе", - закричала я. Но на самом деле я хотела, чтобы он уехал без нас.

Билл и его подруга Синди ждали нас с инвалидной коляской. Они помогли Лизе спуститься по лестнице, обойти бассейн во внутреннем дворике, пройти по длинной узкой дорожке на улицу и сесть в машину. Вскоре мы уже ехали по Гаванской автостраде, направляясь на юг к Лос-Анджелесу и к залу "Святыня".

Лиза сидела в инвалидной коляске, пока я ждала на старом армейском одеяле, прислонившись к стене "Святыни", размышляя, когда же откроют двери. Все казалось таким глупым, а особенно это сидение на солнцепеке на тротуаре в бесцельном ожидании.

Наконец нас пустили в зал. Билл вкатил Лизу в секцию для инвалидов колясок, и я села рядом с ней. Он и Синди нашли места в другой части зала. Я была ошеломлена размером толпы и той теплотой, дружелюбием, любовью, что я почувствовала там.

Собрание началось с того, что хор красиво запел: "Он коснулся меня". На сцене появилась Кэтрин Кульман, одетая в белое ниспадающее платье. Лиза потянула меня за руку. "Мама, если ты прищурить глаза, когда смотришь на нее, то ты сможешь увидеть гало вокруг нее". Я пропустила это мимо ушей, не пытаясь сама увидеть гало.

Затем мисс Кульман сказала краткую проповедь, которую я не слушала. Я продолжала качать головой. Все это было мило, но зачем мы теряем время здесь?

Затем без предупреждения начало что-то происходить. Мисс Кульман указала на балкон.

"Там человек исцеляется от рака. Встаньте, сэр, и примите ваше исцеление".

Я обернулась на сиденье и пыталась посмотреть, что там, на балконе. Но это было слишком далеко. Все, что я могла видеть, - это ряды лиц, теряющиеся в темноте.

Все же там был, похоже, некий свет - не такой свет, который можно видеть, но свет, который можно чувствовать. Он был по всему залу. Свет и энергия, словно маленькие язычки пламени, танцевали от одного человека к другому. Я вся была в напряжении: мисс Кульман продолжала называть другие места в зале, где происходили исцеления.

Затем она указала на секцию инвалидных колясок, прямо туда, где мы сидели. "Здесь есть рак, - мягко сказала она. - Встаньте и примите свое исцеление".

Я посмотрела на Лизу, но она не двигалась. Как могла она знать, что у нее рак? Мы скрывали это от нее. Если я скажу ей, что мисс Кульман обращается к ней, и если она встанет, ее бедро и нога могут согнуться. Что мне делать?

Мисс Кульман покачала головой и отвернулась от нашей секции, называя исцеления в других частях зала. Мое сердце замерло. Неужели Лизин черед прошел мимо нас? Неужели было слишком поздно?

Затем мисс Кульман снова посмотрела на нас, указывая на нашу секцию. "Я не могу отвлечься от этого места, - сказала она. - Кто-то прямо здесь исцеляется от рака. Вы должны встать и принять свое исцеление".

"Мама, - простонала Лиза, - мой живот весь горит".

Мы ничего не ели с раннего утра, и я порылась в своей сумочке в поиске сладостей.

"Нет, это не от голода, - сказала Лиза, отказавшись от конфет. - Это что-то иное".

Мисс Кульман продолжала указывать на нас. Я осмотрелась. Больше никто не встал в нашей секции. Я знала, что именно Лиза получала исцеление, но я боялась. А что, если это не Лиза? А если она встанет и упадет? Или, что еще хуже, - что, если это Лиза, и она не встанет?

Когда мне казалось, что я умру от неопределенности и сомнений, Лиза наклонилась и прошептала: "Мама, я думаю, что я должна пойти на сцену. Я думаю, что я исцеляюсь".

"Как хочешь", - сказала я, чувствуя глубокое облегчение: она решила за меня. Но я опасалась, как она будет вставать без своих костылей.

Один из личных помощников в проходе почувствовал, что что-то происходит с Лизой. Он наклонился к нам. "Я думаю, что чувствую себя лучше, - прошептала ему Лиза. - Я хочу выйти на сцену".

Он помог ей подняться с коляски. Я затаила дыхание, когда она встала. Сначала я подумала, что она свалится, но внезапно я поняла, что все будет иначе. Тот огонек, который, как я чувствовала, прыгал с одной головы на другую, теперь почивал на Лизе. Я почти могла видеть, как новая сила наполняет ее тело.

Служитель позволил ей облокотиться на него, и они двинулись по проходу. Сначала медленно, затем с большей уверенностью они прошли к основанию сцены, где с ними кратко поговорила женщина. Билл Труетт встретил их там, и после недолгого совещания они провели Лизу на сцену.

Мисс Кульман слушала, как женщина рассказывала некоторые подробности. Затем она протянула руки к Лизе. Лиза отступила на шаг, затем свалилась на пол. Я в ужасе подумала, что ее подвела нога. Но Лиза встала.

"Я посвящаю этого ребенка Господу Иисусу Христу, - сказала мисс Кульман, когда Лиза встала на ноги, и ее глаза были полны слез. - Теперь посмотрим, как ты ходишь". Лиза начала бегать взад и вперед по сцене, а все люди стали хлопать в ладоши, восхваляя Бога. Затем, как если бы запели ангелы, хор начал мягко петь: "Аллилуйя! Аллилуйя!"

"Я хочу, чтобы вы получили подтверждение этому исцелению, - сказала мисс Кульман. - Я хочу, чтобы вы пошли к доктору, и чтобы он провел тщательное обследование. А потом приходите на следующее собрание и засвидетельствуйте, что Бог сделал для вас".

Я посмотрела на Билла. Он сиял так, словно это его собственная сестра была исцелена. Уже после я поняла, что в семье Божьей мы все - братья и сестры. Но тогда все, о чем я могла думать, была Лиза. Она бегала взад и вперед по сцене, все еще немного прихрамывая, но притоптывая ногами. Я закусила губу. Я знала, что ее бедренная кость была как масло и гнулась при малейшем давлении - но она не сгибалась. Неужели это происходило на самом деле? Была ли она исцелена?

Я боялась поверить. Я так сильно страдала, когда доктор сказал нам, что нет надежды. И поверить теперь, чтобы лишь обнаружить позднее, что это ложная надежда, - это было больше, чем я могла вынести. Безопаснее было не верить вовсе.

Ксавье как раз собирался на работу, когда мы вернулись домой. Мы сказали ему, что случилось. "Тогда мы будем надеяться, - сказал он. - Это нечто новое, чего у нас не было прежде. У нас появилось гораздо больше любви к нашей маленькой девочке. Теперь у нас есть надежда. Раньше или позже, Бог все равно даст нам веру - веру принять это чудесное деяние, которое Он совершает". Это было мудрое слово от моего замечательного мужа.

Билл и Синди проводили нас в квартиру. "Уберите костыли, - сказал Билл, когда я пыталась снова дать их Лизе. - Неужели вы не понимаете? Она исцелена".

Весь остаток вечера Лиза хромала по квартире. Я следила за каждым ее шагом, боясь, что она свалится. Но она не упала. Наоборот, похоже, что она становилась все сильнее на моих глазах.

Первый вопрос, который Ксавье задал мне следующим утром, был: "Где Лиза? Как она?"

Я встала раньше, поэтому я подвела Ксавье к окну. "Смотри", - сказала я, указывая на дворик. А там Лиза каталась на велосипеде вокруг бассейна, смеясь и играя с другими детьми из дома.

Когда Ксавье отвернулся от окна, по его лицу текли слезы. Верила ли я или нет, это не играло роли. Бог сделал это.

На следующей неделе я привезла Лизу в детский госпиталь. После серии анализов крови и многочисленных рентгеновских просвечивании бедра и груди техник сказал: "Мы позвоним вам, когда получим результаты".

Глаза Ксавье бегали от нетерпения, когда он встречал нас у двери квартиры. "Отлично, что они там нашли?"

Я объяснила ситуацию и сказала ему, что мы просто должны ждать. Он настоял, чтобы я позвонила доктору Хиггинс.

"Я как раз собиралась звонить вам, - сказала доктор, когда я дозвонилась до нее. - Но я была на консультации с семьей другими докторами по поводу случая с Лизой. Я просто не знаю, что вам сказать".

Я прильнула к телефону. "Вы имеете в виду, что случилось что-то плохое?" Неужели это был всего лишь жестокий обман, а мои надежды поднялись лишь для того, чтобы разбиться на куски?

"Я не знаю, как это может быть, - продолжала доктор, словно не слышала меня. - Мы все видим одно и то же на снимках. Опухоль сильно уменьшилась вместо того, чтобы распространиться. Есть свидетельство исцеления".

Конечно, она ничего не знала о собрании Кэтрин Кульман, но она сказала: "Свидетельство исцеления". Что еще было нужно, чтобы убедить меня, что Бог коснулся Лизиной жизни?

"Доктор, у вас есть минутка? - сказала я. - Я хочу сказать вам нечто. Я знаю, что это выглядит для вас странным, но мы взяли Лизу на собрание Кэтрин Кульман. И с тех пор она ходит без костылей, она бегают, ездит на велосипеде, плавает и вообще ведет себя нормально. Мы думаем, что Бог исцелил ее".

На другой стороне линии было долгое молчание.

"Я хочу знать точно, - наконец сказала доктор. - Вы не давали ей никаких медикаментов, не так ли?"

"Никаких", - сказала я.

"Вы отказались от химиотерапии и от облучения кобальтом, так?" "Да", - ответила я.

И снова долгое молчание. "Что ж, возможно, ее организм выработал какой-то вид сопротивления и выбросил болезнь, но это не выглядит естественным. Или это могла быть ваша Кэтрин Кульман. Что бы ни было, опухоль исчезает. И насколько я знаю, это первый случай в истории медицины, когда подобное происходит".

Я плакала. Я вспомнила, как давным-давно читала в Библии историю Фомы. Он, в конце концов, поверил, что Иисус воскрес из мертвых, когда дотронулся до ран от гвоздей на Его руках. Как же я была на него похожа! Но и даже при этом Бог позволил мне увидеть Его чудо в моей дочке.

"И вот что я скажу вам еще, - сказала доктор Хиггинс, и голос ее стал мягким на другой стороне линии. - В нашем госпитале будет большая радость по поводу того, что случилось с Лизой, поскольку мы опустили руки в этом случае".

Осенью Лиза снова пошла в школу - без костылей. А спустя месяц я снова отвела ее к врачу. Опухоль продолжала уменьшаться в размере, она уходила. Лиза была почти в нормальном состоянии.

"Как вы объясняете это?" - спросила я.

"У нас нет объяснения, - сказал доктор. - Никогда не было случая выздоровления, подобного этому. Если бы мы проводили облучение и опухоль спала, вы назвали бы это медицинским чудом. Но безо всякого лечения... Ну что мы можем сказать?"

Но наш священник, однако, смог кое-что сказать. "У Бога есть много способов творить Свои дела. Конечно, это от Него".

И вот теперь, когда Лиза полностью исцелена, многие наши друзья спрашивают: "Почему все это произошло?"

Я думаю, что Бог попустил этой болезни прийти, чтобы сблизить нас друг с другом и приблизить нас к Себе. В своей Библии я нашла историю, которая все это объясняет.

Однажды Иисус шел по дороге и увидел человека, слепого от рождения. Его ученики спросили Его: "Учитель, почему этот человек слеп? Потому что он согрешил, или потому что его родители согрешили?"

Господь ответил: "Нет, ни он, ни родители. Но он слепой, дабы Бог мог быть прославлен через это исцеление". Затем Он коснулся его, и слепой прозрел.

Я чувствую, что Лиза была больна, чтобы Бог мог быть прославлен через ее исцеление.

Воздавать славу Богу - этому не учатся из книг. Этому нужно научиться, пройдя с Ним по долине теней. Если человек все время живет на вершинах гор, то он становится суровым и жестким, нечувствительным к более тонким вещам в жизни. Только в тени долины вырастают нежные побеги.

Я часто стояла и подолгу смотрела, как Ксавье работает за мольбертом. Ему нравится работать мелкими, нанося тени. "Солнечный свет выявляет детали, - говорит он, - но тени выявляют характер".

И только среди теней мы научились восхвалять Бога за незначительные вещи. И только там мы поняли, что Лиза в действительности принадлежала не нам, но Богу. В самое мрачное время мы отдали ее Небесному Отцу. И там, в долине, мы открыли секрет того, как уступать. Но когда мы уступили и отдали ее, Он был милостив и вернул нам её - исцеленную.

Лиза больше не боится теней. Как и мы, она осознала, что в долине Он с нами, Его жезл и посох укрепляют нас, и наша чаша переполняется Его благостью и милостью.

Глава 4. День, когда Божья милость вступила в силу - Ричард Овеллен, доктор философии, доктор медицины.

Доктор Ричард Овеллен – мой старый друг. Я познакомилась с ним, когда он пел в нашем хоре в Питсбурге и учился в аспирантуре Технического университета Карнеги по специальности органическая химия. Проработав два года после защиты диссертации в

Стэнфордском университете, он поступил в Университет Джона Гопкинса в Балтиморе, где за три года защитил диссертацию по медицине. После года стажировки и еще года работы в области медицины внутренних органов его зачислили в штат Университета Джона Гопкинса. С 1968 года он был ассистентом по медицине в университете, отдавая свое время исследованию рака, заботе о пациентах и обучению.

Когда я работал над диссертацией по химии в Техническом университете Карнеги, я начал посещать собрания Кэтрин Кульман, которые проводились по пятницам на севере Питсбурга, в старом зале "Карнеги". И там впервые в жизни я увидел силу Божию в работе, когда люди собирались для поклонения. Не долго думая, я записался петь в хор, и там я встретил Розу, которая буквально выросла в служении Кэтрин Кульман.

Мы с Розой стали встречаться, полюбили друг друга, и в апреле 1959 года мисс Кульман провела нашу брачную церемонию.

А спустя год родилась малышка Джоанн. У Розы была нормальная беременность и роды, но когда мы принесли ребенка домой из госпиталя, мы заметили крупный синяк у нее на ягодицах. Я спросил доктора об этом, но он заверил нас, что это не следует считать признаком каких-то отклонений.

Однако мои родители и сестра Розы обратили внимание на странность в поведении младенца. Она была исключительно суетлива, слишком суетлива, как сказала моя мать. Она кричала и хныкала постоянно и не ела, часто отворачиваясь от бутылки. Ее рвало, и она кричала, когда мы двигали ее во время кормления. Кроме того, мы заметили, что одна ножка была всегда согнута и подтянута к телу, а коленка и ступня вывернуты назад, иногда на угол в 90 градусов.

Было невозможно вытянуть обе ее ножки прямо одновременно.

Когда мы понесли ее к нашему семейному доктору, он проверил ее ножки и бедра. "Да, здесь что-то определенно не так с ее правой ногой, - сказал он. - Я не знаю, что это такое, но давайте подождем. Иногда подобные вещи сами собой проходят со временем".

Мы ждали несколько месяцев, но ножка не выпрямилась. Напротив, все стало хуже. Джоанн по-прежнему была очень беспокойной, часто плакала, когда мы касались ее. Когда она пила из бутылки, то часто прекращала пить и начинала плакать. И это говорило о том, что она чувствует сильную боль. Но в чем дело? И где больно?

По истечении трех месяцев, когда Джоанн должна бы уже поднимать головку от постели, она не могла этого делать. С растущей тревогой мы снова понесли ее к доктору.

Обследовав ее, на сей раз он кивнул мне, чтобы я подошел к нему. Маленькая Джоанн лежала на спине на медицинском столе. Доктор взял ее правую ножку в руку, а другую руку положил под ее колено. Он начал нежно поворачивать ее ногу внутрь. Она закричала от боли. "Нога совсем не поворачивается внутрь, - сказал он. - А теперь посмотрите на это". Он осторожно начал крутить ногу в обратном направлении, наружу. Я, затаив дыхание, смотрел, как ножка вращается в его руке, не только сверху вниз, но почти на все 360 градусов. И только когда она сделала почти полный оборот в его руке, девочка захныкала от боли.

Доктор осторожно вернул ножку в исходное положение. Затем он указал на складки на коже на внутренней стороне бедра. "Это - то, что ищет врач, - сказал он. - Заметьте, на этой ноге две складки, но только одна на другой ноге. Нормальный ребенок имеет идентичные складки на обеих ногах. Изменение структуры складок означает некоторые внутренние деформации, а это говорит о том, что что-то не в порядке с ее бедром, спиной или ногой. В данном случае я уверен, что это бедро".

Роза нагнулась и подняла малышку, чтобы держать ее поближе. "Что вы пытаетесь сказать, доктор?" - сказала она с полными слез глазами.

Доктор положил руку на плечо Розы. "Я не могу говорить наверняка, - сказал он, - поэтому я хочу, чтобы ее осмотрел хирург-ортопед. Он сможет дать вам определенный диагноз. Это похоже на смещение бедра".

Роза села на стул рядом со столом, держа младенца у груди. Доктор продолжал говорить и очень спокойно и мягко объяснил, чего мы можем ожидать. Джоанн, вероятно, понадобятся скобы, может, даже и гипсовая повязка для тела. Лечение будет долгим, и даже после него шансы, что проблема будет решена, не равны ста процентам. Существует определенная вероятность, что она останется инвалидом на всю жизнь и будет хромать. Возможно, одна нога будет короче другой, или будут другие отклонения.

"Вы не должны ждать, - сказал доктор, - несите ее к хирургу-ортопеду".

Мы договорились с хирургом о приеме на следующий понедельник и забрали Джоанн домой.

В тот вечер уже дома мы с Розой сели поговорить. Мы оба были разбиты, и не только от перспективы иметь ребенка-инвалида. Все казалось таким несправедливым.

"Я не понимаю, - сказал я Розе, когда мы примостились в нашей крошечной гостиной. - Вот, мы пытаемся служить Господу, и Он позволил, чтобы это случилось с нами".

Роза молчала, ее красивое лицо было напряжено, а губы немного дрожали. Я хотел встать, подойти к ней, обнять ее и утешить. Но я был слишком взволнован. Я не мог дать ей утешения.

"Мы рассказывали другим людям о нашей вере в исцеление, - выпалил я, - и вот теперь у нас ребенок-калека".

"Если Бог попустил, чтобы у нас был ребенок-калека, - сказала, наконец, Роза, - то Он, видимо, ожидает, что мы оставим ее у себя и будем заботиться о ней".

"Я не спорю с этим, - с горечью сказал я. - Я люблю эту малышку и сделаю все возможное, чтобы видеть ее здоровой. Если она не исцелится, мы воспитаем ее, и будем любить всю свою жизнь. Но все же это не выглядит справедливым. Мир полон людей, которые не любят Бога и даже не знают Бога. Многие из них ненавидят Бога, и у них нормальные дети. Почему у нас должен быть ребенок-калека?"

Это был нечестный вопрос. Я знал, что у Розы не было ответа на него, как не было и у меня. Я знал также, что люди, задающие вопросы Богу, показывают недостаток веры. Я осознавал, что у меня совсем не было веры, по крайней мере, такой веры, которая нужна, чтобы увидеть нашего ребенка исцеленным.

На следующее утро, когда я одевался, чтобы идти на лекцию, Роза сидела на постели. Она почти всю ночь не спала, проведя ее с малышкой, и ее лицо осунулось от недосыпания.

"Дик, - неуверенно сказала она, - мы видели, как Святой Дух сотворил так много чудесных вещей на служениях Кэтрин Кульман. Не думаешь ли ты, что мы должны принести туда Джоанн и поверить, что Бог исцелит ее?"

Роза ушла из хора мисс Кульман как раз перед рождением ребенка, и хотя мы посещали некоторые собрания, как в Питсбурге, так и в Янгстауне, штат Огайо, стыд и смущение помешали нам рассказать кому бы то ни было о болезни нашей малышки. Знали только мои родители и сестра Розы.

Размышляя над вопросом Розы, я стоял перед зеркалом довольно долго, возясь с узлом на галстук. Вера? Я только что осознал, что у меня совсем нет веры, по меньшей мере, той, что нужна для исцеления Джоанн. Но я запомнил то, что мисс Кульман повторяла снова и снова:

"Сделайте все, что в ваших силах. А затем, когда вы дойдете до предела ваших возможностей, позвольте вступить Богу".

Мы побывали у доктора. Единственным решением проблемы были скобы и вероятная операция без обещаний исцеления. Роза была права. Теперь пришло время полностью довериться Богу.

В пятницу утром мы вышли из дома, чтобы отвезти малышку на "служение с чудесами" в зале "Карнеги". Сидя в машине, мы склонили головы в молитве. "Господь Иисус, Ты написал в Своем Слове, что у нас есть право приходить к Тебе и просить Тебя в милости Твоей коснуться тела нашей дочки. Но мы не требуем этого от Тебя, Господи. Мы даже не

пытаемся "востребовать" это, ибо Твоя милость уже дана нам. Мы просто просим, Господь Иисус, чтобы ты исцелил нашу маленькую девочку".

Это была такая простая молитва, совсем не та, что часто рисовалась в моем воображении. Я представлял себя смело подходящим к Престолу Благодати и бросающим Божьи обетования в лицо Богу, требуя, чтобы Он выполнил их. Но теперь, стоя лицом к лицу с проблемой, которая была не по силам нам, не по силам медицинской науке, мы с Розой осознавали, что единственное, к чему мы можем обратиться, это милость Бога.

Служение было похоже на сотни тех, что мы посетили раньше, но на сей раз мы пришли не как зрители. Мы пришли в ожидании. Это, похоже, был один из тех дней, когда маленькая Джоанн чувствовала себя особенно плохо.

Несколько раз она начинала хныкать и вела себя беспокойно от боли. Не желая, чтобы она мешала служению, мы оставались в конце зала, и Роза держала ее на руках. Когда Джоанн кричала. Роза выносила ее в холл, возвращаясь, когда она затихала. Мы уступили свои места другим людям, а сами стояли у задней стены зала, пока проходило "служение с чудесами".

Джоанн была завернута в одеяльце, и Роза часто разворачивала его и смотрела на девочку. Она верила, что, когда Бог начнет действовать, она увидит, как это происходит.

Ближе к концу собрания произошло нечто. С самого рождения пальцы на правой ноге Джоанн были плотно подогнуты под ступню. Теперь, когда мы стояли у стены, эти крошечные розовые пальчики начали постепенно расслабляться, пока не стали похожи на пальцы здорового четырехмесячного ребенка.

Роза толкнула меня локтем, и ее лицо светилось. "Бог начал действовать, - сказала она. - Его присутствие на этом ребенке. Я пойду к сцене". Она была полна решимости, и я увидел, что нет смысла пытаться остановить ее.

Мы пошли по проходу. Я ждал, что один из служителей подойдет и преградит нам путь, поскольку им было дано строгое предписание не пускать никого к сцене, пока с этими людьми не поговорит один из помощников и не разрешит им пройти. Но поблизости не было служителей. Мы продолжали идти по проходу. Пока мы шли, мисс Кульман сошла со сцены и направилась к нам. Мы встретились посередине зала.

"Роза, - сказала она с выражением удивления на лице. - Что-то не в порядке с младенцем?"

Роза пыталась объяснить, но у нее не хватило воздуха, затем она попыталась снова: "Д-д-да, мисс Кульман. Она родилась со смещенным бедром".

Мисс Кульман покачала головой в удивлении. "Почему вы не сказали... - Она прервала фразу и, повернувшись к полному залу, сказала: - Я хочу, чтобы все встали и начали молиться. Бог исцелит это драгоценное дитя".

Роза развернула одеяло и протянула малышку к мисс Кульман. Во всем зале люди стояли и молились с закрытыми глазами. Я хотел видеть, что будет происходить, и не спускал глаз с дочери.

Мисс Кульман протянула чувствительные пальцы и очень нежно коснулась пальцев на ножке Джоанн. Она не потянула за них. Она даже не согнула свои пальцы. Она лишь слегка дотронулась до пальцев ребенка и начала молиться: "Чудесный Иисус, коснись этого драгоценного маленького ребенка...".

Я увидел это! Я видел это открытыми глазами! Нога, вывернутая так вычурно вправо, начала выпрямляться. Она медленно вращалась, пока пальцы на ней не стали смотреть прямо, так же, как и пальцы на другой ноге. Все стало выглядеть совершенно нормально. Но я знал, что то, что я наблюдал, было невозможным. Некая внешняя сила сдвинула эту ногу. Мисс Кульман не двигала ее. Роза, стоявшая с закрытыми глазами и поднятым к небу лицом, не двигала ее. И конечно, маленькая Джоанн не двигала ее. Кто же тогда, кроме Бога!

Я все еще не мог отвести взгляд от этой ноги, когда она уже была в нормальном положении, и я знал, что исцеление закончено. "Спасибо, Господи, - повторял я снова и снова про себя, - спасибо".

Мисс Кульман кончила молиться, и все сели. Роза завернула девочку в одеяльце, и мы пошли в конец зала.

"Ты видела это?" - прошептал я, когда мы остановились. "Видела что? - спросила Роза. - Я молилась. А ты нет?". "Я тоже молился, но с открытыми глазами. Ты не почувствовала это?" "Что?" - Роза с удивлением посмотрела на меня.

"Ножка Джоанн, ее ступня. Я видел, как ее ножка двигалась. Она там же и выпрямилась. Я видел, как она была исцелена!" - Я был так возбужден, что едва сдерживался, чтобы не кричать. Глаза Розы расширились, и радость засияла на ее лице. "Иисус! - прошептала она. - О, Иисус, спасибо Тебе".

Мы прошли через дверь-вертушку и почти побежали в холл. Там мы развернули одеяло и снова посмотрели на ноги Джоанн. Они были нормальными. Одна нога больше не была подтянута к животу, как было раньше. Правая нога не была больше вывернута. Обе ноги были прямыми, как и должно быть, и обе повернуты абсолютно правильно.

"Пошли домой, - сказал я. - Я хочу провести остаток дня в восхвалении Бога".

Но мы не только остаток дня восхваляли Бога, но и большую часть ночи. После ужина, который малышка приняла безо всяких проблем, мы положили ее на живот. Мы же стояли, держась за руки, рядом с ней и смотрели. Впервые в своей жизни Джоанн подняла голову от матраса и осмотрелась. Мы не ложились спать до трех утра, наблюдая за ней. Она засыпала, просыпалась, ворковала, пускала пузыри и снова засыпала. Она словно "отыгрывалась" за все то потерянное время, когда ее жизнь была лишь безрадостным существованием.

На следующее утро мы снова убедились в полном исцелении ее ног. Я мог легко двигать их. Единственный раз она закричала, когда я начал вращать ее ногу наружу, как я мог легко делать еще за день до этого. Наша Джоанн была совершенно нормальной. Единственной разницей между ее ногами были две складки на одной ноге и одна на другой - напоминание о том, что было не в порядке.

В понедельник мы отправились, как было договорено, к хирургу-ортопеду. Он посмотрел на ребенка, прочел записку от нашего семейного врача. "Зачем ваш доктор послал вас ко мне?" - спросил он, вытянув ножки Джоанн.

"Он полагал, что ее правое бедро смещено", - сказал я.

Он еще более внимательно осмотрел ее и покачал головой. "Я не понимаю этого. У этого ребенка нет никаких отклонений. Ее левая нога поворачивается внутрь совсем немного, но это не отклонение. Вам не нужна моя помощь. Этот ребенок кажется мне нормальным".

Мы обрадовались, услышав медицинское подтверждение ее исцеления. И ела Джоанн нормально, она больше не останавливалась и не плакала.

В пятницу, спустя неделю после исцеления, мы снова пошли к нашему семейному врачу. Он спросил нас, что случилось, и почему мы так скоро вернулись. Мы рассказали ему всю историю, ничего не упуская.

Он ни разу не моргнул, но продолжал обследовать Джоанн и делать пометки. Мы рассказали ему о заключении ортопеда. Он продолжал пробовать повернуть ее ногу взад и вперед, вращать ее по кругу, проводя те же испытания, что он делал неделю.

Кивнув Розе, он дал понять, что обследование закончено, и что она может одеть Джоанн.

Затем, сев, он откинулся на стуле.

"Что же, дети меняются, - сказал он. Затем добавил: - Но они не меняются так быстро. Это, должно быть, сделал Бог".

Мы были в великой радости. Исцеление было полным, и даже доктор воздал славу Богу.

Теперь, спустя годы, я работаю в одном из величайших медицинских центров в мире. И в этой должности я не вижу конфликта между медициной и духовным исцелением. Доктор не лечит. Он может дать человеку лекарство, но лекарство не изменяет его органов, оно лишь улучшает их работу. Все исцеление от Бога. Хирурги могут вырезать больные ткани или клетки, что иногда позволяет организму исцелиться быстрее. Но ни один хирург не может

проникнуть внутрь и исцелить. Он лишь зашивает тело после того, как сделал свою работу. А лечит Бог.

Бог обеспечил нас большим количеством чудесных препаратов, хирургических и ортопедических методов, Он дал нам знания, как ухаживать за больными, - и христианин имеет еще одну возможность - взглянуть дальше того, что может сделать врач, и увидеть то, что может сделать Бог.

Некоторые мои врачи-коллеги искренне отрицают это. Другие, так же искренне, идут дальше и отрицают само существование Бога. Но когда получается так, что они сталкиваются с фактом, что некоторые из их "неизлечимых" пациентов исцеляются после обращения к Богу, они так же искренне пребывают в замешательстве.

Кому-то это может показаться странным, что ученые мужи, давшие обет быть интеллектуально честными, игнорируют целое направление исцеления. Но духовные вещи - это не то же самое, что рассуждения природного ума. В сущности, плотский ум - противник духовного ума. Любой человек, даже опытный ученый, который не хочет признать факт, что он бунтует против Бога и нуждается в Иисусе Христе, пойдет на что угодно, лишь бы заstopорить Божье послание о спасении. То же самое верно и относительно Божьей силы исцелять. Однако те, кто искренне желают познать всякую истину, в конце концов, придут к Иисусу Христу, "в котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения", - говорит Павел (Кол.2:3).

И только в последние годы, когда я стал работать в Университете Джона Гопкинса в качестве ассистента по медицине, я начал полностью осознавать величие Божьей благодати, проявленной в исцелении маленькой Джоанн. И это вызвала не моя вера, не вера Розы. Никто из нас не имел того вида веры, который необходим, чтобы "востребовать" исцеление. Это была полностью Божья милость - Его не заслуженное нами благоволение.

Когда мы пришли на то собрание, у нас был повод ожидать чуда. Мы видели, как многие исцелялись, и, конечно, мы знали, что Бог любит маленьких детей. И все же мы не имели той веры, которая, как мы чувствовали, была необходима, чтобы увидеть это чудо. Но мы осознавали, что мы должны дать Богу возможность коснуться нашего маленького ребенка, отдав его Ему. И когда мы отдали дочку, Он протянул Свою руку, взял ее и исцелил.

Через это чудо я понял разницу между верой в Бога, которую большинство из нас имеет, и верой Бога (та вера, которую имеет Бог), которая есть дар Святого Духа. Вера в Бога позволяет нам верить, что Бог сделает чудесную вещь. Но если мы не имеем веры Бога, то нам нужно сделать сначала все возможное по человеческим меркам, веря, что Бог, возможно, захочет действовать через медицинскую науку, и оставить все остальное в Его милостивых руках.

Многие люди пытаются вынудить Бога что-то сделать, приходя в Его присутствие, почти что, требуя, чтобы Он начал действовать. Подчас Бог будет уважать подобные требования, не потому что Он обязан их исполнять, но потому что Он жалеет нас. Однако я чувствую себя гораздо безопаснее, просто полагаясь на Его милость и благодать, дабы Он восполнил все мои нужды.

Я часто задавался вопросом, не являются ли многие виденные мною исцеления психосоматическими. Психосоматические болезни - это те заболевания, которые вызваны верой пациента, что он болен, но не имеют органической природы. Врачи считают, что многие болезни являются психосоматическими, то есть внушенными страхами пациента, что он болен.

Из основ науки о человеческой природе я знал, что некоторые, вероятно, были таковыми. Но четырехмесячный ребенок не знает достаточно для того, чтобы могло иметь место психосоматическое исцеление.

То, что мы видели в тот день в проходе зала "Карнеги", было не умственным процессом, но чисто физическим. И это было мгновенным. Нет медицинского термина, чтобы описать это, кроме слова "чудо".

Меня постоянно спрашивают: "Почему существуют отклонения, уродства? Почему Бог допускает, чтобы болезнь приходила к людям, особенно к христианам? Почему эта болезнь пришла к Джоанн?" Это - приставучие вопросы, особенно для доктора. У меня действительно нет ответа. Однако, что касается Джоанн, я абсолютно убежден теперь (хотя тогда я не был уверен), что Бог попустил это особое отклонение у нее, дабы ее исцеление было свидетельством о Нем. Мы полагаем, что если Бог мог доверить нам воспитание ребенка- калеки, то Он захочет доверить нам и более важную миссию - свидетельство о Его исцеляющей силе.

Глава 5. Когда нисходят Небеса - Гильберт Штракбайн

Гильберт и Арлин Штракбайн живут в уютном домике, спрятанном среди сосен в городе Литтл-Рок, штат Арканзас. Гильберт - преуспевающий торговец в фирме, продающей офисное оборудование. У них три чудесных девочки, и они участвуют в движении Святого Духа, которое охватило наш народ. Однако так было не всегда. Вот история Гила.

Когда я пытался устроиться на работу в фирму, психолог спросил меня: "Почему вы хотите получить должность продавца? "

"Что ж, - ответил я, - торговать - это то, что я умею, и что я всегда делал".

"В это трудно поверить, мистер Штракбайн, - недовольно сказал психолог.

- Естественно полагать, что продавец любит людей, но в соответствии с психологическим тестом, который вы прошли, вы даже себя самого не любите".

Он был прав, конечно. Меня действительно не заботило, нравятся мне люди или нет. Как продавец я был заинтересован только в двух вещах: получить заказ и поскорее уйти.

Я всегда отстранялся от людей. Я был воспитан в строгом немецко-лютеранском доме в южном Техасе и даже не говорил по-английски пока не пошел в школу.

Я был горд своим происхождением и чувствовал огромное удовлетворение в уверенности, что мой немецкий ум сможет заткнуть за пояс любого, когда дело дойдет до механики, электроники или логики. С годами я уверовал, что смогу сделать что угодно, если только приложу к этому свой ум. И хотя я уже работал продавцом, я проводил свободное время в своей мастерской, занимаясь такими вещами, как сборка компьютеров.

Арлин было девятнадцать, когда мы поженились. Когда мы перебрались в Новый Орлеан, у нее начались обмороки, и она теряла силы. Но я просто отказывался верить, что она больна. Болезнь для меня была признаком слабости. Когда нашей первой маленькой дочке Денизе было около трех лет, я решил, что Арлин нужен еще один ребенок. Я рассуждал так, что это отвлечет мою жену от ее так называемых проблем и даст ей что-то конструктивное, о чем она будет думать.

Однако беременность Арлин не была очень легкой. С самого начала появились осложнения, которые потребовали пристального медицинского надзора. В ее почках обнаружили отклонения, которые угрожали как ей, так и ребенку. У нее были ужасные судороги в ногах, и чтобы избежать риска выкидыша, врач, в конце концов, прописал ей постельный режим на семь месяцев. Раздраженный проявлением ее слабости, я отстранился от нее еще больше, стараясь общаться с ней как можно меньше. Хотя она была на начальных стадиях ужасной болезни, я мало осознавал, что моя собственная духовная болезнь была еще хуже.

Арлин посещала методистскую церковь в Новом Орлеане. Женщины в церкви, понимая, что ей приходится сражаться с проблемой в одиночку, начали заходить к нам, чтобы приготовить обед, поскольку доктор запретил Арлин вставать с постели, кроме выходов в ванную. Если кто-то навещал нас, когда я был дома, то я открывал дверь, а затем исчезал в своей комнате.

Чем больше я ненавидел то, что Арлин была прикована к постели, тем большее отвращение я питал к тому, что посторонние люди вмешивались в нашу жизнь, пытаясь помочь.

Тяжелая беременность была только началом. В течение следующих нескольких лет ее состояние все ухудшалось - слабость, мышечные спазмы, инфекции почек, головокружение, расплывчатое зрение. Ей то становилось лучше, то хуже, порой у нее были приступы слабой мышечной координации, и каждый раз, казалось, после очередного ухудшения у нее оставалось все меньше сил. Доктора не могли никак определить, в чем же дело, а я все еще упрямо не хотел признавать, что у нее вообще что-то не в порядке.

Однажды вечером я вернулся домой пообедать и обнаружил, что стол уже накрыт. Кто-то из женщин из церкви зашел с готовым обедом, приготовил стол и ушел. Зная, что я чувствую, Арлин встала, чтобы сесть за стол вместе со мной. Она дошла до двери в кухню и свалилась на пол. Она не потеряла сознания, но дело обстояло так, как если бы все мускулы в ее теле прекратили работать одновременно.

Я был испуган и хотел бежать, но знал, что нельзя оставлять ее беспомощно лежать на полу. Я поднял ее, позвал соседа, чтобы он посидел с нашими двумя маленькими детьми, и устремился в госпиталь.

В приемной первой помощи сестра, занимавшаяся Арлин, подняла крик: "Доктор, у нее пропало кровяное давление!"

Доктора бросились к ней. Потребовалось неотложное вмешательство, чтобы заставить ее сердце снова биться. И тут я осознал, что моя крепость была показухой. Встретив настоящему безысходную ситуацию, я не нашел выхода из нее. Я ненавидел Арлин за ее слабость, но я ненавидел себя еще больше за неспособность справиться с проблемой.

Однажды вечером я поздно пришел домой и обнаружил, что Арлин полулежит на подушках и дремлет. А у нее на груди лежит открытая книга - "Я верую в чудеса" Кэтрин Кульман.

Хмыкнув про себя, я поднял книгу, открыл обложку и увидел надпись на первом листе от Тома и Джуди Кент. Я знал их: Джуди работала в том же офисе, что и Арлин, пока Том изучал медицину в Тулейне. Сейчас он был практикующим врачом в Калифорнии.

Арлин проснулась и увидела, что я склонился над ней. "Том прислал мне ее, - она улыбнулась, показывая на книгу. - Он сказал, что они с Джуди молились о чуде исцеления для меня".

Я покачал головой и вернул ей книгу. "Как может доктор верить во всякий вздор вроде этого?"

"Пожалуйста, Гил, - сказала Арлин, а ее глаза были полны слез. - Просто потому, что ты не веришь в Бога, творящего чудеса, не отнимай у меня веру. Мне нужно во что-то верить".

"Верь в себя, - сказал я, - это все, что тебе нужно, чтобы подняться с постели".

Но хотя Арлин могла встать, она не могла стоять. Она пыталась. Она делала смелые попытки оставаться на ногах, но неизбежно заканчивала свой путь в госпитале.

Мы переехали в Литтл-Рок, Арканзас, где я получил работу в фирме по оборудованию офисов. В свободное время я делал все возможное, чтобы не думать о все ухудшающемся физическом состоянии Арлин. Это беспокоило меня - ведь хотя доктора не могли определить ее болезнь, каждые несколько месяцев они снова направляли ее в госпиталь для прохождения анализов и курса лечения.

После рождения Лизы, нашего третьего ребенка, Арлин начала посещать вечерние собрания по четвергам в епископальной церкви Христа. Ванда Рассел, ее учительница в воскресной школе в методистской церкви, заезжала к нам после ужина каждый четверг и отвозила Арлин на собрания. Я думал, что это глупо, но я понимал, что Арлин надо проводить какое-то время вне дома. И я не возражал, пока однажды вечером она не пришла домой позже обычного.

"Арлин, почему ты хочешь ходить в епископальную церковь? У нас поблизости есть методистская".

Арлин кое-как дошла до софы и села. "В той методистской церкви не верят в исцеление", - сказала она.

"Ты имеешь в виду, что ты ходила на собрания с исцелениями?" Арлин просто кивнула.

"Ни один интеллигентный человек не верит в такую чушь, - не спеша произнес я. - Это все суеверие. И я не хочу, чтобы мою жену видели на одном из таких сборищ шарлатанов".

Арлин попыталась приподняться, но ее ноги отказывались слушаться. "Пожалуйста, Гил, мне нужно это. Не отнимай Бога от меня".

"Послушай, - твердо сказал я, - я знаю все об этом. Еще когда я был мальчиком в Южном Техасе, у нас была пятидесятническая церковь дальше по дороге. Мы, бывало, ходили туда, когда стемнеет, и смотрели в окна. У них тоже были исцеляющие собрания, и они кричали на странных языках, катались по полу, визжали, бегали по залу и падали у алтаря, издавая стоны, как раненые животные. Я не хочу, чтобы моя жена была втянута в такую белиберду".

"О Гил, - сказала Арлин, и ее губы дрожали. - Это совсем не так. Преподобный Вомбл сказал, что он верит, что Бог исцелит меня".

"Я отказываюсь принимать такие вещи о Боге, - сказал я раздраженно. - Это дело с исцелением просто вздор, и я запрещаю тебе ходить туда".

Арлин откинулась на софе и закрыла глаза. По щекам побежали ручейки слез. "Ты встретил моего отца после того, как Иисус вошел в его сердце. Но что я помню о нем, когда я еще была маленьким ребенком, не было так мило - он был алкоголиком. Он в стельку напивался. В доме не хватало еды, потому что выпивка для него была важнее моей матери и меня. Мать пыталась жить с ним, но в конце концов она сдалась. Мы переехали в другую часть города в тот день, когда мне исполнилось шесть лет. В припадке алкогольной ярости отец пытался выломать дверь, чтобы забрать меня с собой. Мы с мамой прижались друг к другу и плакали, и молились, пока он не ушел. Когда я подросла, то думала, что самая чудесная вещь в мире - иметь мужа, любящего и Бога, и меня. Для меня было необходимо иметь христианскую семью. Я думала, что получила все это, когда встретила тебя, Гил. А затем ты пошел на служение, а когда вернулся, то возненавидел Бога. Я не знаю, что случилось".

Я был уязвлен. "У тебя есть все, что нужно, - выпалил я. - Мы живем в чудесном домике в красивом окружении. Я имею приличную зарплату и никогда ни в чем тебе не отказывал, даже в медицинской помощи. Я не возражаю, если ты пойдешь в церковь в воскресенье, я даже не против того, чтобы ты вела детский хор".

"В действительности ты мне не нужен, ты знаешь, - сказала Арлин, глядя мне прямо в глаза. - Когда я была маленькой, я молилась, чтобы ангелы Господни защищали меня, и я знаю, что они делали это. Ты можешь запретить мне посещать служения исцеления, но ты не можешь запретить мне общаться с Богом. Он - это все, что мне нужно".

Пошатываясь от гнева, я прошествовал из дома в свою мастерскую. Когда я, наконец, лег в постель, было уже полночь. И хотя Арлин лежала лицом в подушку, я слышал ее приглушенные всхлипывания. Я хотел протянуть руку и обнять ее. Но нежность, мягкость, плач - это все были признаки слабости, а я стремился быть сильным. Я встал на следующее утро, сам приготовил себе завтрак и ушел из дома, даже не попрощавшись с девочками. Я ненавидел себя за это, но не знал, как можно поступить иначе.

И хотя я зарабатывал достаточно денег и меня несколько раз повышали на службе, внутри я разваливался на части быстрее, чем, как казалось, ослабевала физически Арлин. Я организовывал "деловые" поездки за город на несколько дней. Арлин подозревала меня в аморальном поведении, но я оправдывал вседозволенность для себя тем, что она не могла удовлетворить мои потребности. Алкоголь успокаивал мою совесть, он стал моим постоянным спутником.

Состояние Арлин ухудшилось после рождения Лизы. Она более двадцати раз наведывалась в госпиталь из-за обострения урологических болезней, но главное было не в этом. Ее кровяное давление взлетело до 200, а левая рука была частично парализована - она не могла сжать пальцы в кулак. Лечащий врач обратился к невропатологу за консультацией. Они обсуждали возможность опухоли в ее мозге.

Спустя три дня, стоя в холле у ее больничной палаты, врач откровенно говорил со мной: "Мы подозреваем опухоль мозга, мистер Штракбайн. Мы хотели бы сделать ангиограмму, но у Арлин аллергическая реакция на всякий краситель, который мы используем в радиологии. Сам тест может убить ее. Мне не нравится это, но мы будем просто ждать и смотреть, что будет происходить дальше".

Я с трудом принял это и понял, что не могу смотреть ему прямо в лицо. "Мы будем делать все возможное и дадим вам знать, если придется ее оперировать".

Это не была опухоль мозга. Наоборот, было обнаружено, что это болезнь центральной нервной системы - миастения, или рассеянный склероз, или обе эти болезни. И это у нее уже несколько лет.

Они позволили ей вернуться домой, но велели оставаться в постели большую часть времени. Однажды вечером, когда я смотрел телевизор в нашей камере, она вышла из спальни. Ее лицо было пепельного цвета.

"Ты бы посмотрел на меня, - сказала она, - меня всю трясет".

Когда я положил руку ей на спину, я почувствовал, как мышцы подергиваются в спазмах у нее под кожей. "Просто ложись и расслабься, - сказал я, - немного погодя тебе станет легче". Она посмотрела на меня и вернулась в спальню. Спустя пятнадцать минут я услышал, как она встала и пошла в ванную... и закричала. Я подбежал к ней, она лежала на полу без сознания и совершенно обмякшая. Когда я начал поднимать ее, то почувствовал, как мышцы в ее теле сжимаются и разжимаются под кожей.

Затем началась конвульсия, ее спина напряглась, и голова откинулась назад. И одновременно ее тело стало жестким, а глаза закатились. Язык запал в горло, и она стала давиться.

Мне удалось поднять ее с пола, внезапно она снова обмякла и, расслабленная, повисла у меня на руках. Я донес ее до спальни и позвонил соседке Эдне Виллиамсон, чтобы она посмотрела за детьми, пока я отвожу Арлин в Госпиталь святого Винсента. Когда я вешал телефонную трубку, тело Арлин, которая была без сознания, снова начало дергаться в конвульсиях.

Спазмы продолжались около минуты, а затем затихли. Но спустя несколько секунд все началось снова.

Я вынес Арлин к машине, когда пришла Эдна. В госпитале Арлин поместили в отделение постоянного наблюдения. Спустя два дня пришло окончательное заключение. Это был определенно рассеянный склероз, и, возможно, миастения гравис (*Myasthenia gravis*).

Давным-давно я как-то заметил Арлин: "Однажды я столкнусь с чем-то, чего я не смогу преодолеть сам, но когда я с этим справлюсь, я стану много лучше". И вот теперь это случилось со мной... Я всегда мог сделать то, что затеял. Если мне нужно было больше денег, я мог найти и поработать еще шесть часов в день, но просто то, что я силен, не могло излечить Арлин от рассеянного склероза. Я достиг своего предела.

Я привез жену домой и нанял дипломированную медсестру, чтобы она сидела с ней по восемь часов в день. В течение двух лет сиделки по очереди дежурили у нее за 137 долларов 50 центов в неделю, плюс счет за лекарства, который был почти на ту же сумму, плюс дополнительные поездки в госпиталь. Наконец мне позвонили из нашей страховой компании.

Они посчитали, что их обязательства выполнены, и теперь нам придется самим за все раскошелиться.

К тому времени я почти полностью ушел в себя. Арлин просила развод, но я со своей типично немецкой логикой заявил ей, что я не согласен. Часто ночью я желал протянуть руку и утешить ее, в чем она так отчаянно нуждалась. Как я хотел нежно обнять моих детей и прижать их к себе. Но я не мог. Я был сильным и упрямым; стена, которую я соорудил вокруг себя, была так крепка, что я и сам не мог убежать из нее.

Когда однажды после обеда я шел из своего офиса, меня у лифта остановил Дик Кросс, работавший в помещении напротив. Дик работал на фирму "Обслуживание инвесторов различных фондов", и он сказал, что хотел бы поговорить о вложении денег во взаимные фонды. У меня не хватило решимости сказать ему, что взаимные фонды интересуют меня меньше всего, и я выкрутился, назначив ему встречу дома в понедельник в 7 часов вечера. Я знал, что в этот вечер Арлин отправится на терапию, и полагал, что можно позволить Дику прийти, выслушать его предложение, а затем отослать его восвояси.

Когда Дик пришел, я вкратце обрисовал ему нашу ситуацию. Он собрался уйти, как только Арлин вернулась домой. После нескольких замечаний Дик резко сказал: "Я полагаю, ты знаешь, что нет лекарств от рассеянного склероза".

"Я знаю это, - кивнула Арлин. - Но я верю, что Бог может исцелить меня".

"Я тоже верю", - согласился Дик.

В течение следующих четырех часов Дик и Арлин сидели и обсуждали исцеляющую силу Божью. "Этот человек не в своем уме, - подумал я. - Люди вообще не говорят о подобных вещах, а уж тем более интеллигентные люди". Но Дик не был глупцом. Он был успешным брокером инвестиций, который, как оказалось, верит в сверхъестественную силу Бога. Он был гостем в моем доме, и хотя я хотел выпроводить его, я мог лишь сидеть и слушать.

Арлин спросила Дика о его собственном личном опыте, и его история почти что превосходила мое понимание: Дик был очень похож на меня, он был так занят своим бизнесом, что не осознавал, что его семья разваливается на части. Затем его маленький сын Дэвид попал в серьезную велосипедную аварию и оказался в критическом состоянии со сгустком крови в мозге. Его обследовал нейрохирург, и мальчика готовили к возможной срочной операции. После рентгена у Дэвида начались конвульсии, и он погрузился в кому.

"Я знаю, что ты не поймешь этого, - сказала Вирджиния, жена Дика, - но я позвала некоторых из наших друзей, и мы молились. Мы вверили Дэвида в руки Господа".

Дик сказал, что он не знает, о чем она говорит. Затем он припомнил, что за годы до этого Вирджиния рассказывала, что она была на грани самоубийства, но посетила служения с исцелениями в епископальной церкви и там была духовно освобождена.

Спустя несколько минут после молитвы Вирджинии и ее друзей в холл вошел доктор, чтобы сказать, что хотя Дэвид снова пришел в сознание, операция все же может понадобиться.

Однако улучшение состояния Дэвида было заметным и стабильным.

Через сорок восемь часов кризис миновал. Он был исцелен.

И с тех пор Дик Кросс - верующий. Его вера в Бога быстро возросла, когда он увидел много других людей, исцеленных той же силой молитвы.

Если бы я сам лично не пригласил Дика домой, то я поверил бы, что все это общение устроено здесь ради меня.

Сидя и слушая разговор Дика и Арлин, я начал сознавать, что одной из моих проблем было то, что я всегда был в плену у логики - я хотел осмыслить все с научной точки зрения. Дик же, напротив, рассуждал в другой плоскости - в плоскости веры. Он просто принимал вещи на веру, как написано в Библии. Что-то случилось с Диком Кроссом. Он был подобен мне, но теперь он был свободен. Он любил людей. В сущности, он любил людей, которых никогда не встречал раньше, как и нас.

Пока происходило это оживленное общение между Диком и Арлин, мой ум работал над другими вещами. Я пытался понять - естественно логически, - какой у меня остался выбор. Я уже дошел до своего предела. Или я должен признать, что ничего не может быть сделано, и подписаться под умиранием Арлин, или же довериться докторам, или принять, что есть Бог, который позаботится о ней. Я не мог принять первое, второе уже оказалось недостаточным, что же оставалось мне при третьем варианте? Что мне было делать с ним?

Дик Кросс отличался от большинства тех людей, которых я знал. Он даже не упомянул, в какую церковь он ходит. Он не пытался убедить нас вступить в организацию. Он просто

говорил об Иисусе и о силе Святого Духа. К тому времени, как он собрался уходить, я уже решил предпринять честный поиск силы Божьей.

Я начал его на следующий вечер после обеда, обратившись к Библии. Единственный перевод, который я читал до этого, был перевод короля Джеймса. ("Перевод короля Джеймса" (King James Version) - самый признанный и авторитетный из английских переводов. Выполнен в 1604 году, опубликован в 1611 году. Прим. пер).

Но кто-то дал Арлин перевод "Живая Библия". Прошло много времени, как она легла в постель, а я все сидел, углубившись в Писание. Но чем больше я читал ее, тем больше я осознавал, что она содержит ответ и на мои личные нужды, которые я даже ни с кем не обсуждал.

Дик и Вирджиния начали приходить к нам домой постоянно. И хотя он был новообращенным христианином, он изо всех сил пытался ответить на все мои вопросы. Наконец он предложил, чтобы мы пошли с ними на занятия, проводимые в Центральной церкви Ассамблей Божьих.

Я стал отказываться. Сцены в церкви, виденные в детстве, были еще живы в моей памяти; но Арлин захотела пойти, и я, в конце концов, согласился. Однако я сказал ей, что если она свалится на пол, как те, кого я видел в той церкви, то я просто оставлю ее лежать там.

Гордыня все еще была на троне моей жизни.

Церковь Ассамблей Божьих оказалась совсем не такой, как я ожидал. Учитель в тот вечер говорил дельное. Он нарисовал на доске маленький кружок. Он сказал, что это представляет жизнь христианина. А все вокруг нас, как он сказал, - это сила сатаны. Когда мы растем во Христе, наш кружок увеличивается, расталкивая силу тьмы, увеличивая свой радиус и позволяя нам завоевывать ту территорию, которую сатана так долго удерживал. Эта территория, как он объяснял, имеет много замечательного, как, например, личное общение с Богом, здоровье для физического тела и очищение для души.

Я всегда полагал, что наша задача - сидеть внутри своего маленького кружка и "держаться крепко". Теперь же я увидел, что именно сатана обороняется, а у нас есть возможность выйти и захватить землю. Логически это выглядело осмысленным. Даже врата ада не могут победить растущей, расширяющейся силы того кружка.

К концу служения учитель призвал людей к покаянию. Прежде чем я увидел это, Арлин и Вирджиния уже вышли вперед, Вирджиния поддерживала Арлин, чтобы та не упала. Я почувствовал себя неуютно. Но вместо того, чтобы молиться об исцелении Арлин, служитель возложил ей на голову руки и помолился, чтобы она была наполнена Святым Духом. Я отправился к сцене, но Арлин, казалось, была в другом мире. Вирджиния поддерживала ее (я сомневаюсь, что Арлин рассказала ей, что я пригрозил оставить ее лежать на полу), и из уст Арлин изливался странный и мелодичный язык. Моя логика снова возобладала, и я отказался принимать то, что я слышал. Я подождал, затем помог Арлин вернуться на стул. Гордыня удержала меня от того, чтобы спросить ее о том, что она пережила. Богу нужно было еще кое-что сломать, прежде чем я смог услышать Его сам.

Дик и Вирджиния начали приносить нам "харизматические" книги, в том числе об исцелении, о крещении Святым Духом и о спасении.

Одной из них была книга Кэтрин Кульман "Я верую в чудеса". Арлин не решилась признаться тогда, что несколько лет назад читала ее. Из-за ее слабого зрения мне пришлось теперь читать вслух для нее. У Бога был чудесный способ разбить мою твердую скорлупу.

Однажды вечером, когда Арлин уже легла в постель, я сидел в нашей каморке и читал "Живую Библию". Была первая половина июля, прошел приблизительно месяц после первого визита Дика в наш дом. Кондиционер не работал, и в доме было так жарко, как только может быть в Арканзасе. Но я обращал внимание не на жару, а только на отчаяние в моем сердце.

Наконец я кончил чтение и положил книгу на колени. "Господи, - сказал я вслух, - мне нужна помощь". Это было так просто, но я в первый раз в жизни молился о помощи. И с того момента все начало меняться.

Два приступа болезни почти полностью разбили Арлин навсегда. Первой была блокада сердца, которая едва не убила ее, а затем коронарная недостаточность снова привела ее в госпиталь менее чем через месяц. И все же наши дела уже начали меняться.

Я навещал Арлин в госпитале после обеда в воскресенье в середине августа. Пришли Дик и Вирджиния, приведя с собой подругу Лианн Пэйн, которая преподавала литературу в колледже города Витона, штат Иллинойс, и сейчас работала над еще одной диссертацией. Я тогда не знал этого, но они пришли, чтобы возложить руки на Арлин и молиться о ней. Не зная, как я буду реагировать на молитвенное собрание в госпитальной палате, Дик предусмотрительно пригласил меня спуститься вниз и выпить чашку кофе, пока женщины остались "поболтать" с Арлин.

Мы нашли столик в кофейном магазине, и почти сразу же Дик сказал мне, что он только что был "крещен Святым Духом". Он сказал, что это произошло во сне, а затем снова на следующий день, когда он бодрствовал. И с тех пор, как он сказал, его жизнь переполнилась радостью. Я на самом деле не понимал, что он такое говорит. Все, о чем я мог думать, была Арлин в больничной палате на пятом этаже, и я думал о том, что время посещения больных скоро закончится.

Мы поднялись на лифте. Дверь в палату Арлин была закрыта. Я на мгновение задержался, прежде чем войти. Меня окутала странная тишина. Все обычные звуки госпиталя - мягкие девичьи голоса в сестринском отделении, скрип резиновой обуви, лязг медицинских тележек, громкоговорители, вызывающие докторов и медсестер, звуки радио и телевизоров в других палатах - все это было поглощено великим безмолвием тишины. Я знал, что Бог был там, за закрытой дверью.

Я открыл дверь. Арлин, одетая в белый больничный халат, лежала на кровати. Сердечный монитор протянул свои зловещие провода к ее телу. Вирджиния стояла слева от кровати, а Лианн - справа. Они возложили руки на тело Арлин, и все трое тихо молились на языке, которого я не понимал.

Внезапно волосы на моем теле встали дыбом. Я посмотрел на свои руки, и все волоски были как иголки на дикобразе. По счастью, у меня была короткая стрижка, поскольку я чувствовал, что волосы у меня на голове стоят так же: как-будто я наступил на провод под высоким напряжением, только не было ни удара, ни боли; просто восхитительный поток силы, протекающей сквозь мое тело.

Две женщины кончили молиться, и я проводил их вниз к автомобилю, чтобы встретить там Дика. Я чувствовал этот покалывающий поток силы внутри меня даже по возвращении домой. Моей первой мыслью было, что я подцепил какую-то странную болезнь в госпитале. Я поискал во всех медицинских словарях, которые смог найти, надеясь определить, что же вызвало это покалывание и "поднятие волосков". Я ничего не нашел. К среде я перестал беспокоиться, поскольку осознал, что в эти последние дни я был более счастлив, чем за всю мою предыдущую жизнь. В тот вечер, сидя снова в своей комнатке и читая Библию, я отложил книгу и громко сказал: "Господи, Ты ли это хочешь мне что-то сказать? Если так, то Ты должен сделать это таким образом, чтобы я мог понять".

Дик говорил мне о людях, которые "дают испытание Богу". Это было новым для меня, но я должен был знать.

"Господи, - сказал я, - Ты знаешь, что у меня уже два года болячки на шее сзади. Если это Ты хочешь сказать мне что-то, то не исцелил ли бы Ты их, пожалуйста?"

Я лег в постель. Первое, что я сделал утром, - я положил руку на шею. Болячки прошли, они были исцелены. Впервые в своей жизни я узнал, по-настоящему узнал, что Бог реален и что Он заботится обо мне. Когда я стоял перед зеркалом и брился, до меня дошло, что если Бог

мог исцелить болячки у меня на шее, то Он сможет исцелить также и мою жену. Когда это осознание засияло надо мной, я чуть не отрезал себе подбородок.

Однако в тот же день после обеда, когда я въезжал на парковочную площадку у госпиталя, волосы на моем теле пришли в нормальное состояние. И покалывание также исчезло. Я испугался, что я сделал что-то, что огорчило Бога, но в тот момент, когда я припарковал автомобиль, у меня появилось новое ощущение, еще более ярко выраженное, чем первое. Это было словно ведро горячего воздуха, вылитое на меня. Не было ни молнии, ни грома, и я ничего не слышал своими ушами. Но глубоко внутри, там, где слышен только дух, заговорил голос: "Арлин поправится".

И именно тогда я понял. Не было ни малейшего сомнения. Я понял это с такой же уверенностью, как если бы появился ангел и сел на капот моей машины, я понял, что она будет исцелена.

И хотя Арлин отлично держалась до этого момента, но когда я вошел в палату, я застал ее в самой ужасной депрессии, которую я только видел. Доктор уже дал свое последнее заключение. Ее ненормальная кардиограмма и коронарная недостаточность не были вызваны рассеянным склерозом. Врачи обнаружили, с большой вероятностью, что у нее миастения гравис. Арлин ослабела, ее зрение ухудшилось, и она уже не могла оставаться одна. И все же посреди всего этого у меня была вера, которая не кончалась. Я знал, что она будет исцелена.

Она вернулась домой из госпиталя полностью прикованной к постели, в худшем состоянии, чем она когда-либо была прежде; она с трудом могла пользоваться ванной. Даже ее друзья, которые были раньше так оптимистично настроены, теперь казались подавленными. Ей становилось все хуже.

Спустя месяц в моем офисе раздался телефонный звонок. Это была Арлин: "Гил, Кэтрин Кульман приезжает в Сент-Луис в следующий вторник, я хочу пойти".

Логика быстро взяла верх, и я начал перечислять ей доводы, почему она не может поехать в Сент-Луис. До него было 400 миль. Между Литл-Роком и Сент-Луисом не было ни одного крупного города на тот случай, если ей нужен будет госпиталь. Ей нужно быть рядом со своими специалистами здесь, в Литл-Роке. Представим, что у нас случилась неполадка в машине и пришлось встать на дороге?..

Когда я закончил, все, что я слышал на другом конце линии, были тихие всхлипывания: "Пожалуйста, Гил, это - моя жизнь".

Я почувствовал, как я снова забираюсь в свою раковину. Но все же я не вспыхнул, а просто сказал: "Мы поговорим об этом, когда я вернусь домой".

В тот вечер Арлин лежала в постели, а я сидел на стуле рядом с ней. Она сказала мне, что на этой неделе Эдна Виллиамсон заходила к ней. Увидев у Арлин книжку "Я верую в чудеса", Эдна сказала: "Ты знаешь, у меня есть еще одна книга Кэтрин Кульман "Бог может сделать это снова". Я хотела бы поменяться".

Постеснявшись сказать ей, что она больше не может читать, Арлин согласилась на обмен. На следующее утро Эдна вернулась. Она и Арлин стали говорить о чудесах и о том, почему они не происходят в Литл-Роке.

Арлин сказала, что она полагает, что чудесам помогает происходить атмосфера веры, окружающая тебя. Даже Иисус не мог творить чудеса в своем родном городе, потому что люди говорили: "Нет, нет". Арлин добавила затем, что она верит, что если бы она могла попасть на служение, где люди были бы в одном духе, то тогда Бог коснулся бы ее и исцелил.

Затем тем же утром пришла Вирджиния Кросс и подбросила "бомбу". "Кэтрин Кульман будет проводить собрание с чудесами в Сент-Луисе в следующий вторник".

Арлин никогда не бывала на таких собраниях, так что она не знала, как трудно туда попасть. Она была настроена пойти. "Я просто верю, что Бог велит мне поехать в Сент-Луис", - заключила она.

"Может, Бог и велел тебе ехать, - находчиво сказал я, - но Он не велел мне брать тебя".

Но едва я произнес эти слова, как каждый волос на моем теле снова выпрямился. Я пытался говорить, но мой язык отказался двигаться. Наконец, с открытым ртом и выпученными глазами, я прочистил горло и сказал голосом, который звучал словно из самого дальнего угла нашего дома: "Хорошо, мы поедем".

На лице Арлин было выражение радости и удивления: "О Гил...". Но я уже встал и, буквально пошатываясь, выходил из комнаты.

Я понял нечто, что не позволило мне больше спорить. Я был в присутствии Господа! Мы отправились в следующий понедельник вечером, после того, как я пришел домой с работы.

Арлин лежала на заднем сиденье автомобиля. Ночь мы провели в Поллар-Блафф, штат Миссури, и приехали в Сент-Луис около полудня во вторник. Я не имел представления об этом городе, так что мы просто проехали по шоссе прямо в центр. Свернув на съезд к Маркет-стрит, мы внезапно оказались прямо перед залом. Собрание предполагалось начать никак не раньше семи, но у закрытых дверей в ожидании стояла большая толпа.

Я начал опасаться, что мы замахнулись на то, что нам не по силам. Но Бог уже шел впереди нас. Гостиница "Холидей Инн" на Маркет-стрит отдала нам свой последний номер. Спустя несколько минут Арлин уже удобно расположилась на отдых, а менеджер отеля пообещал нам подвести нас к залу в 16.30. Это был очень жаркий день, и температура в Сент-Луисе достигала 32 градусов по Цельсию. Я принес пару складных стульев, но они не очень-то помогли. Арлин была прикована к постели после ее первой сердечной блокады в июле, а было уже 19 сентября. Позднее она даже не вставала с постели, чтобы поесть, а здесь, в четырехстах милях от дома, она сидела на складном стуле на тротуаре под палящим солнцем.

Я опасался, что она не доберется до зала. Люди, ожидавшие с нами, чувствовали состояние Арлин. В отличие от тех, кто толкается и ругается, стоя у футбольного стадиона, они по очереди обмахивали Арлин и приносили ей охлажденные напитки. Боковая дверь, у которой выстроились в очередь инвалидные коляски, открылась в шесть. Я подошел к человеку, который распоряжался у двери, и попросил его, чтобы он позволил войти и Арлин. Он покачал головой. "Извини, приятель. У меня строгие инструкции. Сейчас проходят только те, кто в инвалидных колясках". И он прочно закрыл дверь. Старое отчаяние и разочарование начали подниматься внутри меня. При состоянии Арлин ей, конечно, нужна была инвалидная коляска, но она боялась оказаться прикованной к ней, и это помешало мне захватить коляску. Мне захотелось бежать. Я не мог вынести вида этих страдающих людей. Они были, как те больные, что скапливались у купальни Вифезда.

Но хоть они и были больными, они были наполнены радостью, пели и помогали друг другу. Я вернулся к Арлин, настроившись держаться до победного конца.

Спустя десять минут передние двери распахнулись, и мы были "внесены" толпой в гигантский зал. Я никогда не видел ничего подобного. Спустя немного времени мы сидели в центре необъятной аудитории. Огромный хор был уже на сцене, репетируя, и, казалось, даже стулья ожили, наполненные силой и ожиданием. Внезапно все собрание уже стояло и пело.

Мисс Кульман в мягком белом платье с длинными рукавами стояла в центре сцены. "Святой Дух здесь", - прошептала она так тихо, что мне пришлось напрягаться, чтобы услышать. Мы ждали, и это случилось опять - та тишина, которую я ощущал в коридоре у больничной палаты Арлин. Теперь эта тишина опустилась на огромный зал. В таком скоплении людей должен быть слышен кашель, шарканье ног, шелест бумаги - но я не слышал этого. Я был завернут в мягкое одеяло тишины, Мисс Кульман стояла посреди сцены, подняв левую руку и указывая пальцем на небо. Правая рука ее лежала на старой, потрепанной Библии, которая была на кафедре. И была тишина, которая наверняка воцарится на Небесах после того, как будет снята седьмая печать на Великой Книге.

Мисс Кульман была совсем не такой, как я ожидал ее увидеть. Она была добродушной и дружелюбной, неформальной. Она поприветствовала людей и пригласила их чувствовать себя как дома. Затем она повернулась к кулисам и взмахнула рукой, представляя своего концертного пианиста Дино.

"Ты знаешь, кто это?" - прошептала Арлин, когда красивый черноволосый молодой человек занял свое место у рояля.

"Желая послушать хорошую игру на рояле, я как-то позвонил в баптистский книжный магазин, и мне прислали некоторые записи Дино. Я все это время слушал его музыку и не знал даже, что он связан с Кэтрин Кульман".

Мисс Кульман начала проповедовать, но это было не похоже на то, что я слышал прежде. Она говорила о Святом Духе, как если бы Он был реальной личностью. Слушая ее, я начал понимать, что она не только встречалась с Ним, но она ходила с Ним день за днем. Не стоило удивляться, что Он был настолько реален для нее - она знала Его лучше, чем любого другого человека в мире.

Внезапно она остановилась, и ее голова застыла так, словно она прислушивалась. Она слушала Его? Я напрягся, размышляя, не смогу ли и я Его услышать.

Затем она подняла руку и указала вверх на левый балкон.

"Там наверху кто-то в этой секции был только что исцелен от рака печени".

Я повернулся на сиденье, пытаюсь увидеть что-то на балконе. Действительно ли Святой Дух сказал ей это? Действительно ли Он разговаривает с людьми так, что они могут знать подобные вещи?

Сведения о болезнях и исцелениях поступали так быстро, что я едва успевал вертеть головой.

Люди начали двигаться по проходам, направляясь к сцене, чтобы свидетельствовать об исцелениях. Когда первый человек подошел к кафедре, мисс Кульман вела себя так, словно это было первое чудо, которое она увидела в своей жизни. Конечно, думал я, эта женщина видела сотни тысяч исцелений, все же она так возбуждена, словно это случилось впервые. Не это ли секрет ее служения - что она никогда не теряла ощущения чуда?

Мисс Кульман немного поговорила с человеком, затем протянула руку, чтобы помолиться за него. "Святой Отец...", - начала она, и человек растянулся на полу. То же произошло и со следующим, вышедшим вперед. И еще, и еще. Я пытался осмыслить это логически, но это не поддавалось расчетам. Словно сам Бог говорил мне: "Есть вещи, которые ты не можешь понять, и Сила Моего Святого Духа - это одна из них".

По мере прохождения служения что-то происходило внутри меня. Я становился мягким.

Словно жесткая, ссохшаяся губка, которую поместили под воду, я чувствовал, как становлюсь нежным и податливым. Мои глаза были наполнены слезами, и я начал молиться за Других людей - за совершенно посторонних - на этом собрании. Когда я молился, я чувствовал, как любовь течет из меня. Это было новое и величественное переживание.

Мои молитвы переместились на Арлин, сидевшую рядом со мной. Я молился, прося Бога исцелить ее. За все годы нашего супружества я впервые захотел молиться за свою жену. Я уверовал, что она исцелится; я знал, что Бог ведет нас. Но мое сердце никогда не смягчалось так, чтобы протянуться к ней в любви и просить Господа коснуться и исцелить ее.

Почти мгновенно Арлин наклонилась ко мне: "Ты чувствуешь дуновение? Я почувствовала бриз, - прошептала она, - мягкий, ласкающий бриз по всему телу".

Я осмотрелся, но не нашел, откуда могло прийти дуновение воздуха. Я забыл об этом и сосредоточил свое внимание на сцене. И тут я увидел молодую женщину, сидящую в пяти рядах от нас ближе к сцене, которая наклонилась к нам, пытаясь поговорить с Арлин.

"Господь касается вас?" - спросила она достаточно громко, так что весь ряд мог слышать.

Немного смутившись, Арлин прошептала в ответ: "Я не знаю".

Женщина, которая была нам совершенно незнакома, спросила: "Что у вас там не в порядке?"

"Скажите ей, что у меня рассеянный склероз и проблемы с сердцем", - прошептала Арлин сидящей рядом леди.

Но женщина не была удовлетворена этим. Она продолжала передавать вопросы по рядам.

"Спросите ее, как она себя чувствовала, когда пришла сюда". "Я едва могла двигаться", - прошептала в ответ Арлин.

"Спросите ее, как она чувствует себя сейчас", - почти кричала маленькая леди.

Это грубое вмешательство уже стало мне надоедать, и я повернулся, чтобы попросить Арлин сидеть тихо. Она пристально смотрела себе на руки. "Тремор, - прошептала она запинаящимся голосом. - Он прошел. Опухоль спала. Я могу видеть. Мое зрение прояснилось".

Маленькая леди уже привстала, наклонившись над другими людьми с выражением огромного возбуждения на лице. "Вы должны выйти вперед, - кричала она, - и принять ваше исцеление".

В следующее мгновение Арлин была уже на ногах, перелезла через меня и, наступая на ноги людей, пошла вдоль ряда к проходу. У меня перехватило дыхание. Я тоже знал, что она была исцелена. Я следовал за ней глазами, когда она шла по проходу к сцене. Служитель быстро остановил ее, затем показал ей знаком, чтобы она шла вперед. Она поднималась по ступенькам на сцену как здоровый человек. Прошли спастические движения, ушли спазмы, ушло пошатывание.

Подобно тому человеку у купальни Вифезда, она ждала ангела, возмущающего воду, чтобы войти в купальню, но ждала лишь затем, чтобы обнаружить, что ей не нужно входить в воду - все, что ей было нужно, - это Иисус. Она была исцелена прикосновением Его руки.

На сцене было полно народу, и собрание подходило к концу. И Арлин уже не могла добраться до кафедры, чтобы свидетельствовать. Но это ничего не меняло. Когда могучий хор начал петь, Арлин стояла в дальнем углу сцены, облокотившись на рояль, ее лицо было поднято и ее голос вливался в хор, когда она пела слова старого гимна: Хотя бы и сатана стал бороться, Хотя бы и испытания пришли; Пусть властвует эта блаженная уверенность, Что Христос призрел на мою беспомощную жизнь И пролил Свою Кровь за мою душу.

Служение закончилось, мисс Кульман уходила со сцены, но когда она проходила мимо Арлин, она слегка повернулась и протянула руку в молитвенном жесте. Сразу же Арлин свалилась на пол. Только на сей раз я знал, что это не рассеянный склероз, но сила Божья.

Весь зал был поглощен песней, и тысячи людей начали поднимать руки и снова и снова пели:

"Аллилуйя! Аллилуйя!" Я не видел прежде, чтобы люди так поднимали руки, но прежде чем я осознал это, мои руки уже были подняты, и я делал то же, что и они, - восхвалял Господа.

Арлин наконец-то вернулась на место. Казалось, никто не хотел уходить. В те редкие дни, когда я был в церкви, всегда была безумная атака на двери в ту минуту, когда проповедник говорил: "Аминь". Но эти люди не хотели покидать здание. Они желали оставаться, обнимать друг друга и петь. Совершенно незнакомые люди подходили ко мне, обнимали меня и клали свои руки на меня. И все говорили: "Хвала Господу" и "Аллилуйя"!

До отеля было семь с половиной кварталов, и менеджер пообещал заехать за нами, если мы позвоним. Арлин просто улыбнулась: "Пойдем пешком", - сказала она. И мы пошли.

В номере я напомнил ей, что пришло время принимать лекарство. Без него она могла бы умереть от конвульсий еще до конца ночи.

"Я верю, что Бог действительно исцелил меня, - сказала она, держа пузырьки в руке, - и мне не нужно это лекарство".

"Это между тобой и Господом, милая", - сказал я. Она не стала принимать лекарство и не принимала его с тех пор.

Спустя неделю Арлин буквально ворвалась в офис своего невропатолога. Неделю назад ее почти что приходилось вносить. Он взглянул на нее и воскликнул: "С вами что-то случилось! Что это такое?"

"Я была исцелена, доктор, - сказала она. - Я ездила на "служение с чудесами" в Сент-Луисе. Я знала, что вы бы запретили мне это, так что я пошла к более высокой власти и попросила Его".

Доктор едва не откусил конец своей курительной трубки, но ему пришлось согласиться, что произошло нечто чудесное. Он проверил рефлексы Арлин, ее глаза, даже заставил ее прыгать, чтобы проверить ее координацию. Наконец, он вернулся к своим диаграммам, качая головой.

"За двадцать пять лет медицинской практики я видел только три случая, которые не имели медицинского объяснения. Я знаю, что это были ремиссии рассеянного склероза, но здесь больше этого. Это должно быть от Бога".

И они вместе радостно рассмеялись. "Я не знаю, что вы делали или делаете, - добавил он, - но что бы это ни было, просто продолжайте делать то же самое. И не забывайте воздавать молитву благодарения каждый вечер".

Могло показаться, что исцеление Арлин должно стать кульминацией нашей жизни. Но напротив, это было лишь начало; спустя три месяца я вошел в полное движение Святого Духа. Я посетил маленькое домашнее молитвенное собрание, и в тот вечер было учение из евангельской истории Петра, который по повелению Иисуса пошел по воде. Учитель сказал:

"У нас есть два варианта. Или мы остаемся в нашей безопасной лодке, или мы выпрыгиваем из нее и идем к Иисусу. Если ты еще не сделал этого, то пришло время выпрыгнуть".

И я прыгнул. Буквально! Я вскочил со своего места, приземлившись на обе ноги в центре комнаты. "Я хочу этого, - сказал я, - я хочу этого сейчас". Я был серьезен.

Кто-то притащил стул в центр круга. Я сел, а люди собрались вокруг меня и возложили руки на меня. Баптистский пастор с мягким голосом и светлыми волосами начал молиться, и через мгновение вся моя жизнь была вывернута наизнанку. В отличие от тех первых переживаний, когда Святой Дух сошел на меня, заставив подняться все волосы, на сей раз Он вошел в меня - и изменение стало постоянным.

На другой вечер, когда наша семья сидела вокруг обеденного стола, мы проводили время в обычном поклонении. Каждый из нас читал стих из Библии, мы держались за руки, и затем каждый по очереди молился. Когда мы закончили, я увидел слезы на глазах Арлин.

"Давным-давно, Гид, - мягко сказала она, а наши девочки слушали, - я сказала тебе, что для меня Небеса - это возможность иметь христианскую семью, где отец - как священник в доме. Даже если бы я не была исцелена, просто быть частью этой чудесной семьи - это было бы ценно. Небеса буквально спустились к нам".

Арлин была права. Небеса спустились. Каждое собрание нашей семьи превращается в служение поклонения. Арлин и я по очереди ведем занятия в библейском классе нашей методистской церкви, и к нам приходит все больше народа. Я полагаю, что они просто такие же, какими были мы, - они жаждут услышать о силе Святого Духа, который исцеляет не только больные тела, но и больных мужей тоже.

Глава 6. Прикажи горе - Линда Форрестер

Линда и Джон (Вуди) Форрестер живут в Милпитасе. Калифорния, на юго-востоке бухты Сан-Франциско, у основания горы. Монумент-Пик. Вуди работает программистом в соседнем городе Сан-Хосе. У них две дочери - Тереза и Нэнси.

Эта гора была всегда. Она стоит словно монумент одиночеству, возвышаясь на полмили над бухтой Сан-Франциско. Зимой она порой покрывается снегом, а летом коричневой травой.

Она отстоит от нашего дома на равнине меньше чем на десять миль, и часто облака или смог скрывают ее. Но она всегда там стоит, нависая над нами.

Местные жители в Южной бухте, похоже, принимают гору как само собой разумеющееся.

Дожди разрушают ее. Солнце сияет на ее обнаженных склонах. Немногие смельчаки добираются до ее вершины. Но она всегда просто пребывает там и всегда будет. Ничто не

может сдвинуть ее. Она - как болезнь, которая пришла к нам после греха Адама. Человек научился жить с ней. Некоторые пытаются спрятать ее в облаках, делая вид, что ее нет, и утверждая, что болезни не существует. Другие игнорируют ее, надеясь, что она не придет в их дом. Многие пытались победить ее лекарствами и научными изысканиями. Почти все принимают ее, однако, как они принимают гору, возвышающуюся над ландшафтом жизни и глумятся над теми, кто пытается сбросить ее в море.

Я была одной из тех, кто боялся болезни и пытался игнорировать ее. Члены нашей семьи обычно не болели. Если кто-то заболел, то всегда находился укольчик или пилюлька, и болезнь уходила. Пока не заболела Нэнси. На сей раз все было иначе.

Нэнси, которой было пятнадцать месяцев, всегда была подвижным ребенком с тех пор, как начала ходить. В сущности, она не ходила - она бегала. С недавних пор, однако, она стала вести себя странно. Она часто падала, и каждое падение сопровождалось ужасным синяком. Синяки оставались надолго, и она вся была покрыта ими, словно ее сильно побили.

Затем однажды в понедельник утром в январе 1970 года Нэнси проснулась с сильным жаром.

Я дала ей детский аспирин, но на второй день температура подскочила до 40,5 градусов и держалась на этом уровне. Я позвонила Вуди в его офис в Сан-Хосе, и он велел мне отвезти ее в клинику неотложной помощи при Кайзеровском госпитале в Санта-Кларе. Именно в этом госпитале Нэнси родилась, и мы знали некоторых докторов и медсестер.

Молодой врач осмотрел ее в приемной комнате. Он обнаружил инфекцию в ушах и горле, выписал лекарства и послал нас домой. Спустя два дня, когда ее состояние не изменилось, я снова повезла ее в госпиталь. Всегда до этого случая мы могли победить болезнь лекарствами. На сей раз она мрачно и непреодолимо надвигалась на нас.

В течение недели я отметила еще кое-что. У Нэнси образовался крошечный ярко-красный кровавый волдырь в паху. В первый день он был размером с булавочную головку, затем он вырос до размера ногтя на моем мизинце. Доктор посмотрел на него, сказал, что это вероятно фурункул, который в конце концов созреет; дал нам еще лекарств и отослал домой.

В субботу утром я была близка к панике. Несмотря на все лекарства, Нэнси было хуже, чем прежде. "Мы должны отвезти ее обратно в госпиталь", - сказал Вуди.

Тереза была на заднем сиденье, а я держала Нэнси на руках, когда мы ехали к Санта-Кларе. Раньше она всегда ерзала и вертелась. На сей раз она неподвижно лежала на руках у меня, будучи не в силах даже хныкать. Все ее тело горело.

Доктор Фельдман быстро, но внимательно осмотрел ее. "Это лекарство должно было бы сбить жар. Мне также не нравится вид этой язвочки у нее в паху. Поднимитесь по лестнице, возьмите анализ крови, затем возвращайтесь и ждите здесь".

После лабораторных анализов доктор Фельдман снова пришел. По его лицу я поняла, что он был обеспокоен. "У Нэнси серьезная анемия, - сказал он. - Я хочу, чтобы вы положили ее в госпиталь".

Я почувствовала облегчение. Я боялась, что они снова дадут ей таблетки и микстуру и отошлют нас назад. Анемия не звучала так уж плохо, и я была рада, что они оставят ее в госпитале. Ответственность ухаживания за очень больным ребенком пугала меня.

Лечащим врачом в педиатрическом отделении была женщина, которая знала Нэнси с самого рождения, - доктор Кэтлин О'Брайен. "Нэнси пройдет полное физическое обследование сегодня после обеда, - сказала она. - Я не хочу, чтобы вы оставались здесь. Вы сможете вернуться вечером к шести часам и посмотреть на нее".

Мы оставили Терезу у соседки и вернулись в госпиталь в сумерки. Я была шокирована, когда вошла в палату Нэнси. Она лежала в кровати на спине с закрытыми глазами и в обе ее руки были вставлены капельницы. Доктор О'Брайен появилась в дверях. "Линда, я хочу поговорить с вами и Вуди в моем кабинете. У нас есть некоторые результаты анализов".

Я ощущала, как колотится мое сердце, когда мы шли за ней по отделанному кафелем коридору. Доктор О'Брайен указала нам на стулья в маленьком кабинете.

Я едва не закричала от страха, когда увидела слезы в ее глазах. После обеда, когда вы ушли, у Нэнси пошла кровь из носа, а также два раза был кровавый понос. Мы еще не определили, в чем суть проблемы, но это одно из двух: или широко распространившаяся раковая опухоль, которая неизлечима, или лейкемия".

Я услышала, как Вуди вздохнул сквозь сжатые зубы. Я сжала его руку и почувствовала, что его начало трясти. "О нет, - запинаясь, сказал он. - О, пожалуйста, нет". Я захотела плакать, но Вуди уже сломался. Я знала, что один из нас должен остаться сильным. Я взглянула на доктора О'Брайен.

"Все говорит о лейкемии, - сказала она. - Мы собираемся взять пункцию костного мозга через несколько минут, но вы можете войти и посмотреть на нее до этого, если хотите".

Я повернулась к Вуди. "Пожалуйста, позвони пастору Лангхоффу. Спроси, сможет ли он приехать".

Странно, что люди живут, как жили и мы, - словно Бога нет. Затем, встречаясь со смертью, мы тянемся за духовной помощью.

Я воспитывалась как католичка. Когда я встретила Вуди после развода, мы согласились на компромисс между его евангельской верой и моей католической и стали прихожанами лютеранской церкви в Милпитасе. Мы редко посещали богослужения и почти ничего не знали о Боге. Мы никогда не читали Библию и не молились. Но когда смерть посмотрела нам в глаза, мы позвали единственного человека, которого мы знали и который, как мы полагали, знал Бога, - пастора Лангхоффа из Реформаторской лютеранской церкви.

Пастор Лангхофф, пожилой человек, сам был болен. Однако он встал с постели, чтобы прийти в госпиталь в тот вечер. Он служил нам, как отец может служить своим детям, оставшись с нами, когда пришла медсестра, чтобы увезти Нэнси для пункции костного мозга. Я знала, что они собирались сделать. Я уже видела длинную иглу, которую они вставляют в углубление в бедре, чтобы всосать немного костного мозга. Я стояла в палате и содрогалась, слушая ужасные крики моей девочки.

Вуди и пастор вышли поговорить в коридор. Я была одна в палате, когда я впервые в жизни ощутила духовное присутствие - чувство того, что Сын Божий был там. Я никогда не встречала Иисуса Христа. Я лишь слышала о Нем, и совсем немного. Но в одно мгновение Иисус Христос оказался со мной в палате. Спустя полчаса вернулась доктор О'Брайен. "Прошу прощения, - сказала она, - это определенно лейкемия".

Я разразилась рыданиями, но когда я увидела мучения Вуди, я снова взяла себя в руки и сдержалась. Мне было не на кого больше опереться. Доктор О'Брайен сказала, что мы сможем остаться столько, сколько захотим, но у меня было ужасное чувство, что Нэнси умрет этой ночью, и я не хотела быть там, когда это случится. Я захотела убежать. Но куда ты сможешь убежать, когда горы окружают тебя?

Мы вышли из госпиталя и поехали домой. Луна едва поднималась над Монумент-Пиком, который возвышался над нашим домом на востоке. Болезнь Нэнси была как эта крепкая гора. Ты можешь кричать на нее, подкапывать ее, взрывать динамитом. Но она продолжает недвижно стоять.

Наша соседка позвонила нам, едва мы вошли в дом. "Ну как там Нэнси? - жизнерадостно пролепетала она. - Я надеюсь, с ней все в порядке". "Нет! - прокричала я в трубку. - У нее лейкемия".

Последовала длинная пауза на другом конце линии, а затем она сказала мягким голосом: "Вы хотите, чтобы мы пришли?"

"Нет, - сказала я, взяв себя в руки. - Нам нужно побыть одним. Если вы сможете оставить Терезу у себя, то мы увидимся утром".

Мы провели ночь дома, вместе, но в одиночестве. Мы хотели протянуться друг к другу, но когда все формальности были отброшены, обнаружили, что мы не знаем друг друга. Мы

были два одиноких смертных человека, встретившихся с неразрешимой ситуацией и просто плывших по течению. Я прошла по дому, погруженному в полумрак, переходя из комнаты в комнату, и плакала.

Долгие минуты я стояла в дверях комнаты Терезы, глядя на ее белую кровать со столбиками у стены бледно-лилового цвета. Наказывал ли меня Бог, потому что я развелась? Тереза была ребенком от моего первого брака. Неужели Бог хотел забрать Нэнси, чтобы наказать меня?

"Почему, Боже? Почему? - плакала я. - Почему Ты сделал это с моей малышкой? Она ведь такая беспомощная. Такая беззащитная. Почему Ты так жесток, что мучаешь нас таким образом? "

Я повернулась и вошла в комнату Нэнси. Свет луны отражался от вершины горы в комнате ярко-желтым цветом, и было так тихо, так одиноко. Постель все еще была неубрана с утра. Я протянула руку и подняла с пола маленькую резиновую утку. Я сжала ее, и она свистнула. Я вспомнила, как сотни раз Нэнси сжимала ее в ванне и смеялась, когда свисток пускал пузыри и струйки под водой. Я с нежностью поставила резиновую утку на туалетный столик и потянулась за розовой свинкой, покрытой мехом. Я дотронулась до маленького ключа для завода на боку игрушки, и музыкальный механизм медленно проиграл несколько плаксивых звуков: "Когда обломится сучок, колыбелька упадет... упадет... малышка..."

Я закричала пустым стенам и, пошатываясь, пошла в кухню. Вуди сидел за столом, уставившись в темноту. Было почти три часа ночи, и заснуть не представлялось возможным.

"Нам нужно составить план действий, - сказал Вуди, и его слова звучали механически, а голос был пустым. - Нам надо быть позитивно настроенными. Мы не должны позволить нашему настроению задеть Нэнси. Даже если внутри нас все разрывается на части, мы должны улыбаться для нее".

Как это пусто, думала я. Как фальшиво. Но у нас нет ничего иного. Мы согласились, что это будет нашим планом действий. На следующее утро, в воскресенье, мы вернулись в госпиталь.

"Она ужасно больна, - призналась доктор О'Брайен. - Но она маленькая, и это - ее преимущество. Вскоре мы, видимо, сможем добиться, чтобы началась ремиссия. Но и в таком случае вы не должны слишком надеяться".

"Как долго?" - спросила я. Вопрос звучал, как мелодраматический поворот сюжета из фильма.

"Если удастся сразу добиться ремиссии, то она проживет года два, - сказала О'Брайен с надеждой. - Однако дети в подобных случаях обычно проводят год в ремиссии, а затем очень быстро угасают".

Мы вошли, чтобы увидеть Нэнси. Врачи делали ей переливание крови. Из Стэнфорда ехал гематолог, чтобы помочь сделать окончательный диагноз. Они сказали нам, что нас ожидает: повторные анализы костного мозга и многократные переливания крови. "А как они умирают, когда это происходит?" - запинаясь, спросила я. Но

когда я задала вопрос, я осознала, что я уже превратила Нэнси в объект своего размышления, в некую отдаленную третью личность, которая готовится исчезнуть навсегда.

Доктор О'Брайен сказала очень ласково: "Обычно, когда маленький ребенок умирает от лейкемии, то это происходит от удара. Возможны страдания, но, вероятно, она умрет быстро".

Мы с Вуди посещали групповые собрания в нашем городке. Наш брак был неустойчив, и обратились к этому виду человеческого общения, пытаясь найти помощь. Одна из супружеских пар на групповой встрече услышала о Нэнси, и эти люди позвонили нам. Их маленькая девочка только что умерла от лейкемии, и они хотели прийти и поделиться опытом. Это было ужасно, но мы все же говорили, что нам нужно знать, чтобы мы могли быть подготовлены к тому моменту, когда придет смерть. Они рассказали нам все детали - как их девочка напухла от лекарств, как она потеряла волосы, как она мучилась в ужасной

агонии и, наконец, умерла. Они сказали нам, чего нам следует ожидать в отношениях друг с другом и с другими членами семьи. Ничего не было сказано такого, что могло бы дать надежду.

Доктора мало-помалу взяли под контроль свирепствующую лейкемию Нэнси. На вторую неделю наступила временная ремиссия, когда препараты могли сдерживать болезнь, пока она не выплеснет свою ярость в последней, смертельной атаке. А кровавый волдырь, который они теперь описывали как "кровавую язву", покрыл всю паховую область Нэнси. Доктора сказали, что это - "вторичный эффект" лейкемии и содержит микробы, которые могут убить ее. По иронии судьбы, единственный препарат, который мог вылечить волдырь, был смертельным для большинства больных лейкемией.

Однажды вечером, когда Тереза уже легла в постель, мы с Вуди сидели за кухонным столом. Мы выплакались, и, наконец, я сказала: "Вуди, давай обратимся к Богу". "Ты имеешь в виду, что хочешь отнести ее к "целителю верой"? – спросил он неодобрительно.

("Целители верой" (Faith Healers) - разного рода заклинатели, которые исцеляют через веру, но необязательно в Иисуса Христа. Прим. пер.)

"Разумеется, нет, - сердито ответила я. - Эти люди - сборище шарлатанов".

Вуди был изумлен. "Я подумал, что ты хочешь обратиться к Богу". "Я говорю о молитве", - сказала я. "Но я не знаю, как молиться". "И я не знаю, - сказала я. - Но нам нужно что-то делать".

Он кивнул. Я взяла его за руку и, запинаясь, проговорила несколько слов: "Боже, пожалуйста, дай им найти что-нибудь, чтобы вылечить ее".

Это было такое нерешительное начало - словно я бросала гальку в гору, надеясь, что она поднимется и убежит. Но это было начало, а на следующее утро, когда мы пришли в госпиталь, доктор О'Брайен впервые улыбалась.

"Хорошие новости, - сказала она. - Из Стэнфорда приехали с лекарством, чтобы вылечить язву. Это - маленькое чудо".

Хирург в госпитале вскрыл волдырь, и затем последовали недели болезненного лечения.

Однако Нэнси стало легче.

Эта первая встреча с молитвой убедила меня, что мне было доступно больше силы, чем я предполагала. Я стала молиться каждый день перед тем, как ехать к Нэнси.

Затем случилось еще кое-что. Соседка была членом Ассоциации учителей и родителей.

Однажды после обеда, когда мы закончили обсуждение дел в Ассоциации, она сказала: "Ты знаешь, Линда, Бог любит тебя, и Он любит Нэнси".

Это поразило меня. Никто еще так не говорил обо мне или Нэнси. Это было чудесной новой концепцией. Бог любил меня как человека. И Бог любил Нэнси.

"Библия полна историй о том, как Иисус исцелял людей, - продолжала она. - Церковь, к которой я принадлежу, не так уж верит, что Иисус все еще исцеляет, но я верю. Я верю, что если Бог любит тебя, то Он в состоянии и исцелить тебя". Ее слова были словно свечка в темной комнате. И я ощупью стала продвигаться к ней. За несколько лет до этого, когда я разводилась, я заказала Библию в магазине "Сере Роубак".

Тогда я думала, что было бы здорово иметь в доме Библию. Теперь же я начала понимать, что Библия гораздо больше, чем "талисман на счастье". Я подошла к шкафчику в моей спальне, нашла ее и дала себе обещание, что буду читать по одной главе в день, начиная с Евангелия от Луки.

Почти сразу же один стих всплыл у меня в памяти откуда-то из прошлого. Я не знала, из какой он книги и даже из Библии ли он вообще. Но снова и снова, день за днем он словно колокольчик звенел у меня в голове: *"Приходящего ко мне не изгоню вон"*.

Я стала больше времени проводить в молитве. Я навещала Нэнси в госпитале каждое утро, а затем, после обеда, читала одну главу и молилась, пока Тереза не возвращалась домой из школы. Это стало существенным делом в течение дня.

Однажды после обеда моя соседка спросила меня, слышала ли я о Кэтрин Кульман. "Она верит в чудеса", - сказала она.

Я посмотрела на нее. "Не хочешь ли ты мне сказать, что ты веришь в исцеление верой?" - сказала я с сарказмом. Она мягко улыбнулась. "Прежде чем судить, не послушаешь ли ты ее радиопрограмму?"

Я поверила ей, и на следующий день вернулась домой из госпиталя пораньше, чтобы послушать радиопрограмму в 11 часов. Мне понравилось то, что я услышала. Мисс Кульман говорила о переживании, которое она называла "новым рождением". И хотя я не понимала, о чем она говорит, это звучало правдоподобно. Мне особенно нравился ее позитивный, радостный настрой. Многие из моих друзей были негативно настроены. Один пастор, с которым мы поговорили в госпитале, даже уверял, что "смерть - это лучшее лекарство из всех возможных". Мне нужно было услышать позитивный голос, который бы указывал мне на свет, а не на тьму.

Однажды, прослушав получасовую передачу, я открыла свою Библию, чтобы прочесть главу из Луки. Так получилось, что это был рассказ о распятии Иисуса Христа. Когда я читала, великое осознание истины наполнило меня. Иисус Христос умер за меня. Именно мои грехи прибили Его к кресту. Он умер потому, что Он любил меня. Я начала плакать и всхлипывать.

"О Боже, я сожалею, что Тебе пришлось умереть за меня".

И вот когда я сказала это, я почувствовала, как самый радостный свет наполнил мое внутреннее существо. Это было словно опьянение от хорошего вина, но это было в моем духе, а не в желудке. Внезапно я поняла, что это такое. Я была рождена свыше. Я сидела в гостинной на зеленой софе, крича, смеясь и плача одновременно. "Спасибо, Боже, за мое спасение. Я люблю Тебя! В течение многих лет я знала, что Ты умер за мои грехи. Теперь я знаю, что Ты умер за меня".

И в тот момент я ожила. Я стала новым творением. Все во мне изменилось. И тут же исцеление Нэнси стало больше чем маленькая свечка, мерцающая в темной комнате, - это стало гигантским огненным шаром, подобным солнцу, наполняющим мое существо. Это было возможно. Бог мог исцелить ее. В следующие дни я прочитала Евангелие от Луки и перешла к Евангелию от Иоанна.

Однажды в полдень, прослушав программу мисс Кульман и помолившись, я взяла Библию и стала читать шестую главу Иоанна. И там это и было - тот стих: "Приходящего ко мне не изгоню вон".

И вместе с этим пришло другое откровение, настолько поразительное, что я была уверена: никто не понимал этого прежде. Нигде в Новом завете нет описания того, что кто-то пришел к Иисусу за исцелением и был отослан обратно. Он исцелял всех!

Это казалось таким невозможным. Все - медицинские эксперты, мои друзья, потерявшие ребенка, - говорили, что Нэнси умрет. Не было надежды. Все же внутри меня была вера, бьющая ключом в иссушенной пустыне моей жизни. Она была маленькой, как горчичное зерно, но она была. Я знала, что это так же невозможно для меня - поверить в исцеление Нэнси, - как и обратиться к горе и повелеть ей броситься в бухту Сан-Франциско. Но разве не говорила Библия, что с Богом все возможно? Я прилепилась к этому.

Я приняла решение доверять Ему, даже если я не понимаю чего-то и это не выглядит разумным. Богу придется дать ей новую кровь, новый костный мозг. Но я решила довериться Его Слову, независимо от того, что говорят другие.

"Отец, - взмолилась я, - Ты обещал, что не прогонишь приходящего к тебе. И я прихожу к тебе с этой надеждой, я верю, что ты будешь верен Своему Слову". Это было так просто. Все, что я могла теперь сделать, - это ждать.

Через пять недель доктора позволили нам забрать Нэнси домой. "Она не здорова, - предупредили они нас. - И она не поправится. Если вам необычайно повезет, она проживет еще года полтора. Но после этого лейкоemia пересилит лекарства".

Первые дни по возвращении Нэнси из госпиталя были мрачными. Через два дня после того, как мы принесли ее домой, у нее появились кровоточащие язвочки на губах. И они быстро перешли на десны и в горло. Доктора поставили диагноз, что это скарлатина с осложнениями от лекарств, которые мы давали ей и которые могли вызвать похожие симптомы. Язва размером с ладонь в паху у Нэнси сочилась, и ее приходилось очищать три раза в день перекисью водорода. После очищения нам приходилось привязывать ее на спину в детском манеже в распластанном положении и держать электрическую лампу над язвой, чтобы высушить ее. Медсестра приходила дважды в неделю, чтобы помочь, и постепенно дела стали идти лучше.

Через шесть недель Нэнси могла уже сама немножко двигаться, но она все еще была маленькой больной девочкой. Вуди было тяжело. Он не мог не заметить большие перемены во мне, и он не понимал этого.

"Милая, ты должна следить за собой, - предупреждал он. - Ты не можешь позволять себе быть в таком взвинченном состоянии. Когда Нэнси умрет, это сломает тебя".

"Ты не понимаешь, - сказала я ему. - Я впервые могу принять ее смерть - если она произойдет. Я знаю, что Бог со мной и с ней. И более того, я верю, что Бог собирается исцелить ее".

"Я желал бы тоже верить в это, - сказал Вуди с глазами, полными слез. - Я хотел бы верить".

Однажды днем моя соседка позвонила мне, чтобы сообщить, что мисс Кульман приезжает в Лос-Анджелес, чтобы провести "служение с чудесами". Она дала мне номер телефона, где можно было получить информацию.

Женщина, занимавшаяся бронированием мест, сказала нам, что специальный перелет в Лос-Анджелес и обратно будет стоить 70 долларов. Тогда у нас не было денег, но она сказала, что внесет наши имена в список на июнь, то есть на следующий месяц, если мы сможем достать денег.

Джанет, девушка-подросток, живущая по соседству, была сиделкой у Нэнси с первых дней после рождения. Группа подростков, называвшая себя "Молодая Жизнь", собиралась у Джанет дома по вторникам вечером. Когда они узнали, что мы собираемся взять Нэнси на служение Кэтрин Кульман, они захотели поддержать нас молитвой.

В следующий вторник вечером я принесла Нэнси в квартиру Джанет, где собралось более ста подростков для изучения Библии. Они согласились, что в воскресенье, когда мы должны поехать в Лос-Анджелес, они встретятся в доме Джанет и будут поститься и молиться. Они тоже верили, что Бог исцелит ее.

За неделю до отправления я поехала во Фремонт в библейский магазин. Один приятель упомянул несколько книг, которые он хотел, чтобы я прочла, включая две книги Кэтрин Кульман: "Я верую в чудеса" и "Бог может сделать это снова". В магазине я просматривала поднос с пластиковыми закладками, чтобы купить одну для своей Библии. Я возвращалась к одной и той же и, наконец, купила ее, не обратив внимания, что за стих из Писания был напечатан на ее обратной стороне.

По дороге домой, ведя машину на юг по автостраде Нимитц, я внезапно была переполнена чувством безнадежности. Какая же я дура! Все говорили, что Нэнси неизлечима, а я покупаю книги, наскребаю денег на билет на самолет, планируя взять ее в Лос-Анджелес на "собрание с чудесами", проводимое женщиной, которую я никогда не видела. Я начала плакать. Свернув с автострады на дорогу "Диксон Лэндинг", я посмотрела наверх, на гору, нависающую надо мной. Это было уже больше, чем я могла вынести. Я свернула с дороги и плакала.

Когда слезы утихли, я протянула руку на соседнее сиденье, чтобы взять косметическую салфетку. При этом мое кольцо зацепилось за веревочку на маленькой закладке. Я посмотрела на стих из писания, который был помещен на пластике. Я едва могла поверить своим глазам:

"Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас" (Мат.17:20).

Я посмотрела вверх на гору и почувствовала, что улыбаюсь сквозь слезы. "Убирайся с дороги, гора, Нэнси будет исцелена".

Я с трудом могла охватить взглядом огромную толпу в зале "Святыня". Нам указали на места в партере. Когда мы приехали, было тепло, и я сняла ботинки с Нэнси, попросив Вуди поддержать их. Нэнси капризничала в самолете. Она не получила своего ежедневного сока и беспокоилась, и вертелась, когда мы заняли наши места. Вуди тоже был обеспокоен.

"Для тебя это нормально, - сказал он, - а я не думаю, что смогу высидеть четыре часа в церкви".

Собрание началось, и огромный хор запел. Затем мисс Кульман представила Дино. Я люблю музыку, и я была восхищена этим красивым молодым греком, который нажимал на клавиши большого концертного рояля, словно ангел, играющий на арфе. Но Нэнси не проявляла интереса. Она вертелась и ерзала. Во время тех благоговейных моментов, когда Дино нежно касался клавиш пальцами, словно пером, Нэнси начала плакать.

Сразу же я увидела служителя, стоявшего в проходе, наклонившегося к нам через людей, сидевших между нами. "Мэм, вы должны унести ребенка. Он мешает другим людям".

"Унести ее? - подумала я с негодованием. - Мы копили деньги два месяца, чтобы совершить эту поездку, и вот теперь они велят мне выйти вон".

Я взглянула на Вуди. Он кивнул. "Почему бы не погулять с ней? - прошептал он. - Затем вернешься".

Я почувствовала, как мое негодование возрастает, но я прикусила губы и перелезла через людей, сидящих между нами и проходом. Разрываемая между смущением и гневом, я вышла в холл.

Нэнси было почти два года и мне было тяжело ее носить, но я ходила взад и вперед с ней на руках, пока она, наконец, не успокоилась. Затем я вернулась на свое место. Но через несколько минут она опять начала суетиться. Снова возник служитель. На сей раз он не был слишком дружелюбным. "Мадам, - сказал он строго, - многие из этих людей проделали длинный путь и многим пожертвовали, чтобы посетить это собрание. Вы должны унести отсюда ребенка".

Что ж, я тоже проделала долгий путь. Я начала спорить, но служитель сделал резкий знак большим пальцем руки, словно говоря: "Вон, леди!" Я не хотела устраивать сцену, так что я подняла Нэнси, перешагнула через ноги сидящих и направилась в холл опять. Я была в ярости.

"И это называется христианским собранием, - пробормотала я человеку, стоявшему у двери. - Ты не можешь посетить служение с исцелением с больным ребенком, чтобы тебя не вышвырнули вон. Вот так собранище! "

Я ходила по холлу с Нэнси на руках. Ее башмаки были у Вуди, и я не хотела ставить ее на грязный пол. Я посидела на ступеньках. Я пошла в женскую уборную. Затем расхаживала взад и вперед. Чем больше я ходила, тем больше злилась, и тем больше Нэнси ворочалась и плакала. Это не выглядело справедливым. Мы скопили деньги. Я была одной из тех, кто хотел видеть Кэтрин Кульман. И был еще Вуди, который даже не хотел ехать, и он удобно сидел на собрании, пока я бродила снаружи.

Наконец, я села снова на ступеньки. "Хорошо, Боже, - сказала я в раздражении, - если Ты собираешься сделать это, то Тебе придется сделать это в другой день, поскольку Ты даже не можешь видеть нас здесь, в холле". Я сдалась.

По активности зала я могла сказать, что исцеления уже, вероятно, начались на служении. И тут одна леди средних лет прошла по холлу. Она светилась от радости. "В чем ваша нужда?" - спросила она. Я кивнула на Нэнси, которая ерзала и вертелась у меня на руках. "У нее лейкемия, - сказала я.

- И мы не можем попасть на собрание, потому что она не сидит спокойно и мешает людям".

Женщина просто просияла. "Дорогой Иисус, мы востребуем исцеление этого ребенка. - Затем она начала благодарить Бога: - Спасибо, Господь, за исцеление этого ребенка. Я восхваляю Тебя за то, что Ты сделал ее здоровой. Я воздаю Тебе всю славу".

"Вот так дела, - подумала я, - это место полно чокнутых сегодня ". Но я не могла уйти от любви и радости той женщины. Она на самом деле имела силу верить в то, что Нэнси исцелена. Постепенно мое огорчение и возбуждение начали проходить. И пока она стояла там с поднятыми руками, восхваляя Бога, мое собственное горчичное зерно веры начало возвращаться.

"Вы знаете, там, в зале, происходит множество событий, - сказала она. - Почему бы вам не пройти туда и не постоять в дверях? Таким образом вы сможете все видеть, и если малышка начнет плакать, то вы вернетесь назад в холл".

Я едва могла поверить тому, что я увидела. Там была длинная очередь людей, идущих с обеих сторон к сцене. И все они свидетельствовали, что они были исцелены.

Нэнси, которая билась и напрягалась в моих руках, теперь затихла. Она снова и снова повторяла: "Аллилуйя!"

Аллилуйя? Где она подхватила это слово? Конечно, мы не использовали его дома. Я не слышала, чтобы кто-нибудь на собрании употреблял его. Словарный запас Нэнси был ограничен такими словами, как "мама", "папа", "горячо" и "нет".

"Я пойду на свое место", - сказала я женщине, стоящей рядом со мной. Моя спина болела от тяжести Нэнси, я устала от того, что меня толкали все эти "горы", вырастающие на моем пути. И я снова перелезла через колени и ноги и, наконец, упала на сиденье рядом с Вуди.

Спустя несколько минут Нэнси заснула у меня на коленях. Я слушала, как мисс Кульман продолжала называть исцеления, происходившие по всему залу.

Бедро. Кто-то исцеляется от серьезной болезни бедра.

Кто-то на балконе исцеляется от серьезной проблемы со спиной... Болезнь сердца...

Лейкемия... Лейкемия! Я отвлеклась и почти забыла о главной причине нашего пребывания на богослужении. "Лейкемия. Кто-то исцеляется тут же от лейкемии", - повторила мисс Кульман.

Тогда я поняла. Это была Нэнси. Я заплакала. Я не хотела плакать. Я пообещала себе, что буду оставаться очень спокойной, даже если Нэнси исцелится. Но я не могла удержаться от слез. Я взглянула на Вуди. Он смотрел прямо перед собой, но слезы просто текли из-под его очков.

Внезапно Нэнси ударила меня в живот. Сильно. Ее голова лежала у меня на левом локте, а тело упиралось в меня. Я протянула руку и схватила ее ножки, чтобы она не ударила меня снова, но затем я почувствовала то же самое во второй раз. На сей раз я заметила, что ее ножки были неподвижны. Это был сильный удар, вышедший из глубины ее тела, который я почувствовала в своем животе.

Я посмотрела на ее лицо, обычно такое бледное. Оно было красным, румяным и покрыто бисеринками пота. Что-то происходило внутри ее тела. И в то же время я почувствовала нежное тепло и покаявание, прошедшее через меня. Я больше не могла сдерживаться: "О, спасибо, Иисус. Спасибо".

По пути в аэропорт все, что мы могли делать, - это плакать. Вуди предупредил меня, чтобы я не возбуждалась. "Если она исцелена, то время докажет это", - мудро заметил он. Я знала, что он прав, но было невозможно остановить мои слезы радости.

На следующий вторник мы снова пошли к доктору О'Брайен на плановый осмотр. Я все ей рассказала. Она внимательно слушала, а затем я заметила, как на ее глазах появились слезы. "

Что с вами?" - спросила я.

"Хорошо, - сказала она, - то место, откуда, как вы описываете, пришел удар, - там находится селезенка девочки. Это один из жизненно важных органов, пораженных ее болезнью".

"Вы думаете, она была исцелена?" - спросила я.

"О, - сказала она, протягивая руку и касаясь моей руки, - я хочу верить в это всем своим сердцем".

"А почему же тогда вы не верите?" - спросила я.

"Потому, что я никогда не видела, чтобы подобное случилось, - сказала она. - Это так трудно - верить во что-то, чего вы никогда не видели. Вы можете понять это, не так ли?"

Конечно, я могла понять. Но теперь у меня были глаза, чтобы видеть то, чего у меня не было прежде. Встав и собираясь уходить, я сказала: "И, тем не менее, это случилось. Просто потому, что вы никогда не видели, как движется гора, это не значит, что она не сдвинется".

Доктор О'Брайен похлопала Нэнси по плечу. "Нет никаких анализов, которые могут доказать это. Только время покажет, настоящее ли это исцеление или нет".

Время доказало это. День за днем цвет кожи у Нэнси все улучшался. Вернулись аппетит и подвижность. Мы сократили прием лекарств. Все анализы в течение последних четырех лет давали отрицательные результаты. В ее теле не осталось и следа от болезни.

Как бы прекрасно ни было исцеление Нэнси, исцеление в нашем доме и в нашей жизни было еще более чудесным. Давайте поговорим о горах, которые нужно передвинуть! Ситуация в нашем доме была подобна целой гряде гор - зубчатых, скалистых гор. Но после исцеления Нэнси Вуди принял Иисуса Христа как своего личного спасителя, и мы оба получили крещение Святым Духом. Наш дом, который катился к разводу, пришел в состояние божественного порядка.

Целая гора из чудес! И все это началось с веры величиной с горчичное зерно.

Глава 7. Это протестантский автобус? - Маргарита Бержерон

Я не могла остановить поток слез, глядя на маленький кусок кружева, подаренный мне женщиной из Канады. Каждый стежок в этом рукоделии был сделан с любовью, ибо он вышел из-под пальцев, которые некогда были согнуты и скрючены артритом. Госпожа Бержерон, жительница Оттавы (из Канады) была 68-летней католичкой, которая никогда не входила в протестантскую церковь. В течение двадцати двух лет она была жертвой артрита, мучившего ее, - такого ужасного, что она едва могла выстоять на ногах десять минут подряд. Ее муж, страдавший от болезни сердца, является гордым обладателем редкой медали, врученной ему канадским премьер-министром при уходе на пенсию после пятидесяти одного года службы в почтовом ведомстве. У них пятеро детей и двадцать три внука.

В нашей маленькой квартире в пригороде Оттавы зазвонил телефон. "Дорогая Мария, Матерь Божья, - взмолилась я. - Не дай ему умолкнуть, пока я подхожу".

Я вытолкнула себя из кресла и прижала руку к стене, чтобы удержаться, с болью передвигаясь к телефонному столику. Каждый шаг сопровождался прострелами боли в коленях и бедрах.

Уже двадцать два года я была скручена артритом, и эта зима была самой тяжелой. Я не могла выбраться из дома. Сильный канадский мороз сделал негнущимися мои суставы так, что я не могла ходить. Даже такая простая вещь, как переход по комнате, чтобы ответить на телефонный звонок, требовала от меня больших усилий.

Я схватила свои четки и, наконец, дотянулась до телефона. Мой сын Гай, который жил в Бронвилле, Онтарио, сказал: "Ты знаешь Рому Мосса?"

Я отлично знала мистера Мосса. Он был так же сильно болен, как и я. Хирурги исправляли несколько дисков его позвоночника. Его спина не сгибалась, и он не мог садиться. "А в чем дело? - спросила я Гая, боясь самого худшего и даже высказав это вслух: - Мистер Мосс умер?"

Сейчас, когда я думаю об этом, все выглядит таким странным. Я никогда не считала, что какие-либо новости могут быть хорошими. Я всегда ждала плохих новостей. После того, как я в течение лет слышала от своего доктора: "Вам никогда не будет лучше, только хуже", я

уверовала, что всем больным людям автоматически становится все хуже и хуже, пока они не умрут.

"Нет, мама, - с возбуждением сказал Гай, - мистер Мосс не умер. Он был исцелен! Он может ходить! Он может сгибаться! Он больше не инвалид!"

"Как же так?" - сказала я сердито. Вместо того, чтобы радоваться, я почувствовала угрозу.

Почему он должен быть исцелен, когда мы, все остальные, продолжаем влачить убогое существование?

"Он поехал в Питсбург, мама, - пробормотал Гай в телефонной трубке, - на служение Кэтрин Кульман. Когда он был там, он исцелился. Почему бы и тебе не поехать в Питсбург? Может, и ты получишь исцеление".

Я уже слышала о Кэтрин Кульман и даже видела ее программу по телевидению, но я всегда полагала, что исцеление - это для кого-то другого, а не для меня.

"О, я слишком больна, чтобы просто выйти из дома, - сказала я. - Как я смогу проделать весь этот путь до Питсбурга?"

Гай рассказал мне о заказном автобусе, который каждую неделю курсирует от Броквиля до Питсбурга. "Давай позвоним и закажем для тебя место", - взмолился Гай.

Я чувствовала себя нехорошо. Только то, что я стояла у телефона и говорила с Гаем, одно это отнимало у меня все силы. Мое тело было скрючено и распухло от артрита уже так давно!

Я могла припомнить, как несколько лет назад мы играли на дне рождения одного из моих внуков. Маленькому мальчику завязали глаза и пустили его ходить по комнате; он ощупывал рукой людей и угадывал, кто это такой. Он опознал меня первой, поскольку суставы моих пальцев были ужасно распухшими, а сами пальцы скрючены, как когти.

Зачем был весь этот разговор об исцелении? Неужели Гай думал, что он знает больше, чем доктора, определившие, что мой случай безнадежен?

Я покачала в отчаянии головой. "Нет, Гай, не делай никаких заказов мест, - вдохнула я, - я поговорю с твоим отцом и дам тебе знать завтра вечером".

Я повесила трубку и с трудом доковыляла до своей качалки. Долгое время я сидела в слабо освещенной комнате, плача о том, что я старая, а боль такая сильная. Я пыталась вспомнить, когда мое тело было молодым, подвижным и красивым. Я могла вспомнить, как мы с Павлом впервые встретились и полюбили друг друга. Мы так подходили друг для друга - он был французским католиком, а я вышла из семьи шотландских католиков. Однажды вечером он робко протянул руку и коснулся тыльной стороны моей ладони, медленно сплетая свои пальцы с моими. Он любил дотрагиваться до моих рук, так нежно, мягко, касаясь моего сердца. Теперь мне было бы не выдержать, если бы Павел касался моих рук: такой сильной была боль.

Я была старой и скрюченной, словно высохший дуб на гребне скалистой горы. Я не могла припомнить то время, когда жила без боли. Боль сделала невозможным для кого-либо достучаться до моего сердца.

В тот вечер я говорила с Павлом о звонке Гая. После его отставки из почтового отделения у Павла развился флюид вокруг сердца. Это поразило его ноги так, что он тоже был частично парализован. Но Павел уговаривал меня поехать в Питсбург, он даже сказал, что хочет поехать со мной. "Мы не должны упустить это", - сказал он.

"Но это шестьсот миль, - заспорила я. - Я не знаю, смогу ли я выдержать эту поездку и тряску".

Павел кивнул. Он так хорошо понимал. Все же что-то в нем продолжало подталкивать меня. В конце концов, я согласилась поехать и на следующий день позвонила Гаю.

"Твой отец поедет со мной, - сказала я, - но прежде, чем ты забронируешь места, я хочу повидаться с мистером Моссом. Я хочу своими глазами увидеть, действительно ли он исцелен".

Гай приободрился и сказал, что он договорится, чтобы я смогла поговорить с мистером Моссом, который жил поблизости.

На следующий день, когда я прослушала рассказ мистера Мосса, я едва верила своим ушам. Это была самая фантастическая история, которую я когда-либо слышала. Госпожа Модиллиппс организовала для него поездку в автобусе от Броквилля до Питсбурга. Там он посетил богослужение Кэтрин Кульман, проводимое в Первой пресвитерианской церкви, и был исцелен. Чтобы доказать это, он встал посреди комнаты, согнулся и коснулся пола. Он бегал, притоптывал ногами и вращал спиной во всех направлениях, чтобы показать, что его кости и суставы как новые.

Что касается меня, то самым невероятным было то, что он был исцелен в протестантской церкви. Я всю жизнь была римской католичкой. В Канаде во время моего детства отношения между католиками и протестантами были такими напряженными, что они порой угрожали начать войну друг против друга. Еще маленькой девочкой я была научена, что даже просто войдя в протестантскую церковь, я могу лишиться спасения, и у меня перехватывало дыхание, когда я проходила мимо протестантской церкви.

За все свои шестьдесят восемь лет я никогда не заходила туда. Теперь же мистер Мосс говорил мне, что он был исцелен в пресвитерианской церкви. Эта идея была выше того, что я могла выдержать.

"Дорогая Мария Богородица, как это может быть? Неужели Бог любит так же и протестантов?"

Я содрогалась при одной мысли об этом. Все же нельзя было отрицать того, что случилось с мистером Моссом. Сначала он был инвалидом, и это очевидно так; теперь он совершенно здоров. Я с трудом сглотнула, сжав зубы, и кивнула мужу. Мы поедем.

Гай забронировал места. Автобус отходил в четверг утром. "Должны ли мы сообщать священнику?" - спросил Павел.

"О нет, - живо возразила я. - Уже достаточно плохо то, что Бог знает, что мы собираемся в протестантскую церковь. Не хватает еще, чтобы и священник узнал об этом".

Это довлело над моим умом. Что случится, когда наши друзья-католики узнают, что мы сделали это? Все же я была убеждена, что мы должны ехать.

В четверг утром Павел встал рано. Но когда я попыталась встать, я закричала от боли. Обычно мой артрит мучил меня то в одном месте, то в другом. В то утро, однако, это была сильная боль во всем теле. Каждый сустав был в огне. Все, что я могла делать, это лежать в постели и плакать.

Павел вышел из ванной и стоял рядом с постелью - совсем беспомощный. Когда у меня была боль в ноге или колене, я иногда растирала их, чтобы облегчить боль. Но в то утро любое движение, любое прикосновение вызывало всплески жидкого огня, который бежал внутри меня. Никогда боль не была такой мучительной. От слез намокла подушка под моей головой, и я не могла их даже вытереть, потому что руки болели очень сильно. Пальцы были скрючены вокруг пачек салфеток "Клинекс", которые я взяла в руки прошлым вечером, чтобы мои пальцы не сжались в кулаки. И сейчас их нельзя было открыть и рычагом. Я хотела умереть.

"Я не могу ехать, - сказала я Павлу, всхлипывая, - Бог не хочет, чтобы я поехала в ту церковь. Это Его суд надо мной за то, что я только подумала об этом".

"Это не так, мама, - сказал Павел почти что жестким голосом. - Бог хочет, чтобы ты исцелилась. Он не стал бы делать ничего подобного, что сейчас с тобой происходит. Ты должна встать".

"Я не могу поехать. Я не могу ходить, не могу даже вылезти из постели.

Я ничего не могу делать. Это мучает меня до смерти".

"Ты должна встать, мама, - умолял Павел. - Бог не хочет, чтобы ты лежала здесь и умирала. Попробайся. Пожалуйста, попробайся".

Двигать суставами было словно колоть лед на реке. При каждом движении что-то щелкало.

Боль была нестерпимой, но я сгибала и разгибала суставы, пока, наконец, не сумела подогнуть ноги к краю постели. С помощью Павла я встала на ноги. Мы потрудились, чтобы разжать пальцы.

"Теперь надевай платье, мама, - сказал Павел. - Мы не должны опоздать на автобус".

Одеваться было ужасно тяжело, а надеть пояс было невозможно. Я опять начала плакать.

"Продолжай попытки, мама, - сказал Павел, - продолжай попытки. Это может быть твой последний шанс исцелиться".

"Ты думаешь, я могу пойти без пояса? - плакала я. - Но это будет неприлично".

Но Павел продолжал умолять, и я, в конце концов, была готова идти - без пояса. Мы направились к автомобилю и поехали к тому месту, где стоял автобус.

На парковочной площадке жена Гая представила нас госпоже Модии Филлипс, представительнице мисс Кульман в Оттаве. Она была приветлива и дружелюбна. Она вышла и протянула мне руку. Я отдернула свою руку. "Извините, - сказала я, - но я не могу с кем-либо обмениваться рукопожатиями. Если кто-то коснется меня, я упаду в обморок от боли". Она улыбнулась, и я почувствовала, что она понимает. Это помогло. И все же страх общения с протестантами снова напал на меня.

Я повернулась к Павлу: "Я должна была бы сначала пойти в церковь и исповедать этот великий грех священнику; тогда я не чувствовала бы себя так скверно".

Гай нечаянно услышал это. "Мама, - сказал он, - даже если мне придется вносить тебя на руках, ты сядешь в этот автобус".

Я сдалась, и госпожа Филлипс с водителем помогли мне подняться. Каждый шаг, каждое прикосновение заставило меня кричать, но, наконец, я была в кресле рядом с Павлом. А впереди было путешествие в шестьсот миль. Когда автобус отправился, госпожа Филлипс ходила взад и вперед по проходу, беседуя, отвечая на вопросы и служа людям, и заботилась о нас, как пастух заботится об овцах. Всякий раз, когда она проходила мимо меня, я останавливала ее. У меня было так много вопросов. Многие из сидевших в автобусе уже ездили на эти служения. Немного погодя они начали петь.

Я никогда не слышала такого пения. Автобус был словно церковь, катящая по стране, но это была церковь другого вида, чем та, что я посещала раньше. Я беспокоилась и цеплялась за мисс Филлипс, когда та проходила.

"Это протестантский автобус", - прошептала я.

"Нет, - засмеялась она, - это автобус Иисуса. Обычно с нами едут несколько католических священников. Они даже ведут нас в песнопениях".

"Католические священники в протестантском автобусе? - спросила я. - Как это может быть?"

Миссис Филлипс усмехнулась. "Автобусу все равно, протестантка вы или католичка. Иисусу тоже все равно".

"Но мы едем в протестантскую церковь в Питсбурге, - возражала я, - как они будут там молиться? Как я должна молиться? Могу ли я молиться так, как я это делаю у себя в церкви?" Госпожа Филлипс была такой мягкой, такой терпеливой, такой понимающей. После шести или семи серий подобных вопросов она встала на колени рядом со мной. "Миссис Бержерон, - сказала она, - вы верите, что есть только один Бог для всех нас?"

Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами. Я не хотела. Я не хотела бесчестить свою веру, свою церковь, своих священников. Они все так много значили для меня! Но как могла я объяснить это доброй женщине, в которой сияла сама любовь? "О да! - сказала я. - Я верю в одного Бога для всех нас. Я молюсь Марии Богородице, но я люблю Бога. Я знаю, что только Бог может исцелить меня".

"Тогда просто доверьтесь ему, - сказала она. - Бог любит вас, но Он не может сделать для вас много, когда вы задаете столько вопросов. Почему бы просто не откинуться на сиденье и не позволить Святому Духу послужить вам?"

Я начала понемногу расслабляться, хотя и не была уверена, кто такой Святой Дух. После пересечения границы с Соединенными Штатами я даже погрузилась в сон. Я не знаю, как

долго я дремала. Я была в полусонном состоянии, когда случайно взглянула на свои ноги. Каким-то образом во время дремоты я положила одну лодыжку на другую, словно на скамеечку для ног. Этого не могло быть! Прошли годы с тех пор, как я могла скрещивать ноги. Я заморгала глазами и посмотрела снова. Мои ноги были скрещены. И что еще более замечательно - не было боли. "Что происходит?" - выпалила я.

Павел посмотрел на меня. У него было странное выражение лица. Я была слишком возбуждена, чтобы заметить, что с ним творится что-то особенное. "Что ты сказала?" - пробормотал он, заикаясь.

Затем я обратила внимание на свои руки. Мои пальцы, которые были скрюченными и узловатыми, выпрямились. И боль из них тоже ушла. "Что происходит?" - сказала я снова.

"В чем дело, мама?" - спросил Павел опять.

"Послушай, - прошептала я, - но никому не говори. Они подумают, что я что-то придумываю".

"Придумываешь что?"

"Посмотри на мои ноги, - прошептала я, - посмотри, мои лодыжки скрещены, и боли нет. И взгляни на мои пальцы. Мои руки больше не болят, а пальцы выпрямляются, как у маленькой девочки. Я исцеляюсь еще до того, как доехала до Питсбурга! Я исцеляюсь в этом протестантском автобусе!"

Павел снял очки. Его глаза были полны слез. Вначале я подумала, что он плачет обо мне, но затем я почувствовала, что происходит что-то иное. "Что с тобой такое?" - спросила я.

"Что-то творится со мной, - сказал он, и его слова цеплялись одно за другое. - Когда ты спала, я задремал. Когда я проснулся, я почувствовал тепло словно волна жара, которая проходила сквозь мою грудь и вниз к ногам. Она была такой сильной, что я с минуту не мог видеть. Я ослеп. Затем проснулась ты. Зрение вернулось. И я думаю, что я исцеляюсь".

Тут автобус свернул с автострады, чтоб мы могли подкрепиться. Миссис Филлипс подошла к нашим креслам. "Мы собираемся остановиться и выпить чашечку кофе, - сказала она. - Позвольте мне помочь вам встать на ноги".

"Мне не нужна помощь, - сказала я, смеясь от радости и не заботясь о том, что меня кто-то услышит. - Я могу ходить! Я могу подняться и спуститься по лестнке сама!"

Я встала на ноги и пошла по проходу, а мой муж шел сзади. Затем я спустилась на площадку для парковки.

Все люди сгрудились вокруг меня. "Миссис Бержерон, - говорили они, - что с вами случилось?"

"Я не знаю, что случилось, - сказала я, чувствуя, что радость просто выплескивается из меня. - Но я не чувствовала себя так хорошо в течение двадцати двух лет".

Вечером в четверг мы были уже в отеле в Питсбурге. Ровно месяц назад я ходила к своему доктору и просила его дать мне что-то против боли. "Посмотрите на мои пальцы. Они так сильно болят, что я не могу спать ночью".

Он был нежен, но тверд. "Миссис Бержерон, мы ничего не можем сделать. Моя родная мать умерла от той же болезни. Мы, врачи, ничего не можем сделать, лишь только дать вам таблетки для успокоения боли". И он дал мне таблетки. Таблетки утром, таблетки перед едой, таблетки вечером. И каждый раз, когда я глотала таблетку, я проглатывала одиннадцать центов.

В тот вечер в Питсбурге я оставила таблетки в чемоданчике. Я не приняла ни одной таблетки и заснула в ту же минуту, как положила голову на подушку. Я никогда не спала таким здоровым сном. Более двадцати лет я могла спать лишь на животе или на спине, но в тот вечер я спала на боку, свернувшись калачиком, как маленькая девочка.

Я проснулась в четыре часа утра. В гостиничном номере было тепло, когда я выскользнула из постели, чувствуя себя моложе и здоровее, чем за все годы. Я едва могла дождаться, когда нужно будет идти на "служение с чудесами", хотя оно и было в протестантской церкви.

Прошлым вечером миссис Филлипс сказала мне, что она почувствовала, что я исцелилась в автобусе, когда сказала: "Я люблю Бога и знаю, что только Он может исцелить меня". Она процитировала стих из Писания:

"Они победили его кровью Агнца и словом свидетельства своего" (Отк. 12:11).

Но не важно, когда это произошло. Все, что я знала, это то, что я, как и мистер Мосс, уже не тот человек, что прежде. И Павел был уже не тот. Его боли в сердце прошли, и он чувствовал себя совершенно по-новому. Мы были здоровы.

Нам сказали, что часто людям приходится ждать часами у церкви, прежде чем откроются двери. Я раньше боялась, что мои ноги не выдержат, если мне придется стоять так долго, и я принесла табуретку, чтобы сидеть. Но так получилось, что она мне не понадобилась. Я стояла у Первой пресвитерианской церкви три с половиной часа в центре города, надеясь найти кого-нибудь, чтобы отдать ему табуретку. Прошли годы с тех пор, как я могла стоять более десяти минут; теперь же я стояла часами, постоянно радуясь и держа табуретку в руке. Наконец двери распахнулись, и люди хлынули внутрь. Мисс Кульман вышла на сцену, и служение началось с прославляющей музыки. Через несколько минут она остановила пение и сказала: "Я знаю, что здесь есть леди из Оттавы, которая была исцелена в автобусе".

Она говорила обо мне. Мы с Павлом приняли ее приглашение выйти на сцену. Я забыла, что я была в протестантской церкви. Я даже забыла, что я стою перед двумя с половиной тысячами людей. Я почувствовала особую любовь мисс Кульман ко всем людям, таким как я, и прежде чем я осознала это, я уже отвечала на ее вопросы, притоптывала ногой, хлопала в ладоши и сгибалась, доставая до пола на виду у всех.

Поскольку я была первой, кто вышел на сцену, я не знала, что порой случается, когда мисс Кульман молится за людей. Она протянула руку и положила ее мне на плечо, и внезапно я ощутила, что я падаю. "О нет, - подумала я. - Как может такая пожилая женщина, как я, падать перед всеми этими людьми?"

Но я не могла удержаться. Это было так, словно небеса распахнулись, и сам Бог протянул руку и коснулся меня. Я была рада, что там был крепкий мужчина, который подхватил меня прежде, чем я свалилась на пол. Иначе, я думаю, я провалилась бы сквозь эту протестантскую сцену прямо в подвал. Он легко опустил меня на пол.

Я поднялась на ноги, удивленная, что не было боли в моем теле. "Спасибо, - сказала я мисс Кульман сквозь слезы. - Большое вам спасибо".

"Не благодарите меня, - засмеялась она. - Я никакого отношения не имею к этому. Я даже не знаю вас. Вы были исцелены прежде, чем приехали сюда. У меня нет силы. Только у Бога есть сила. Благодарите Его".

Я вернулась на свое место и начала благодарить Его. Люди пели, как и в автобусе. Только на сей раз мне было все равно, что большинство из них - протестанты. Я тоже хотела петь.

Поскольку я не знала слов песен, я прислушивалась к женщине рядом со мной и пела вслед за ней. Я знаю, что это звучало ужасно, поскольку я все время отставала от людей на полфразы, но я не могла удержаться - и это не играло никакой роли. Я была так счастлива! Когда люди вокруг меня поднимали руки, чтобы восхвалять Бога, я подняла тоже. Впервые за двадцать два года я могла поднимать руки, и на сей раз в поклонении. И я продолжала петь - опаздывая на одно предложение - подняв руки, плача и восхваляя Бога за мое исцеление.

Было два часа утра, когда мы вернулись в Броквилль. Гай стоял в дверях своего дома, когда мы подъезжали к его крыльцу. "Мама, с тобой все в порядке?" - спросил он, когда я вышла из машины, на которой мы приехали от автобусной стоянки.

Все его друзья, ждавшие у него дома, собрались вокруг нас. "Не спрашивай ее, просто посмотри на нее! - закричали они Гаю. - Посмотри на нее! Она исцелена! Бог исцелил ее!" Я танцевала в гостиной посреди ночи. "О, мама", - сказал Гай, обнимая меня. Он плакал, и люди вокруг плакали. Но не я. Я танцевала.

Когда я пришла домой, хотя уже было почти три часа, я позвонила своей дочери Джинн. "Я исцелена! - кричала я в трубку. - Я исцелена!"

"Мама? - ответила она сонным голосом. - Что ты говоришь?"

"У меня больше нет артрита, - смеялась я. - Обзвони всех, расскажи всем. Я больше не больна".

Было уже пять часов, когда я, наконец, легла в постель. Я была на ногах двадцать четыре часа, но и при этом я чувствовала себя полной молодости и силы. И Павел тоже. На следующий же день он пошел на поле для игры в гольф с Гаем и сыграл с ним пять партий. Вот так дела! Бог был так добр к нам.

В воскресенье после обеда один из наших сыновей, Пьер, его жена и трое детей пришли к Гаю, чтобы посмотреть, действительно ли я исцелена. Лицо Пьера расплылось в широкой улыбке, когда он обошел вокруг меня, пристально разглядывая под разными углами. "Мама, ты исцелена. Теперь ты доживешь до старости, если только тебя не задавит грузовик. И даже тогда я буду больше бояться за грузовик, чем за тебя".

Одна из моих внучек, маленькая Мишель, пропищала: "Бабуля, когда ты была в Питсбурге, я пошла в Католическую школу, подняла руки и сказала: "Иисус Христос, вылечи мою бабушку". Он так и сделал".

Мой семилетний внук вступил в разговор: "Теперь, бабуля, ты не будешь ходить как пингвин".

Но Бог сделал еще кое-что. Он не только исцелил мое тело, Он поработал над моим характером. Как и многие люди, живущие с болью, я стала раздражительной и тяжелой в общении. Я не осознавала этого, пока не услышала, как моя невестка говорила с Джинн по телефону. "Произошло еще одно чудо, - сказала она, - мама не только исцелена от артрита, но она не ворчит больше. Что-то необычайное произошло внутри нее".

В воскресенье утром я повела всю свою семью в Церковь Святого сердца. Когда я пришла туда, я сказала священнику: "Отец, Бог исцелил меня от артрита".

Я хотела, чтобы он по-настоящему понял это, поэтому в следующее воскресенье я вручила каждому из священников по экземпляру книг мисс Кульман.

Спустя две недели я пошла к своему доктору. Когда я вошла в офис, медсестра воскликнула: "Почему? Миссис Бержерон, что случилось с вами? Вы так хорошо выглядите!"

Спустя несколько минут доктор вошел в приемную. "Эй, доктор, - сказала я, - у меня больше нет артрита. Посмотрите на мои руки. Посмотрите на мои колени. Смотрите! Я хожу".

Он стоял посреди комнаты, наблюдая, как я хожу. Затем он взял мои руки и обследовал пальцы и запястья. "Я знаю, что вы думаете, - засмеялась я. - Вы думаете: "Отлично, у миссис Бержерон больше нет артрита, но вместо него у нее поехала крыша".

Он рассмеялся и пригласил меня в свой офис. "Нет, я не думаю, что у вас сумасшествие, - серьезно сказал он. - Ваша болезнь была безнадежной, неизлечимой. Теперь вы здоровы. Я не понимаю этого".

Я покопалась в своей дамской сумочке и вытащила одну из книг мисс Кульман. "Почитайте это, доктор, - сказала я. - И вы пошлете всех своих пациентов в Питсбург. А затем вам придется уволиться и найти другую работу".

Он снова засмеялся, взял книгу и положил руку мне на плечо. "Это сделало бы меня счастливейшим человеком в мире, - сказал он. - Просто если бы я смог увидеть, что все мои пациенты так же здоровы, как и вы".

В следующем месяце мы с Павлом снова сидели в автобусе, отправлявшемся в Питсбург. Теперь здесь были семнадцать членов нашей семьи и некоторые друзья. В автобусе был и молодой католический священник, и всю дорогу до Питсбурга мы пели гимны и восхваляли Бога.

"Вы работаете на мисс Кульман?" - спросила меня одна женщина. "Нет, - ответила я, - я работаю на Бога".

Прежде я всегда боялась, когда хотела просить о чем-либо Бога. А потому, вместо того, чтобы идти к Иисусу, я шла к Марии, Матери Божьей, и просила ее походатайствовать за меня.

Теперь я понимаю, что Бог так сильно любит меня, что мне больше не надо Его бояться. Когда я молюсь, я говорю: "Боже, это я, миссис Берджерон". И Он всегда оставляет Свои дела, что бы Он ни делал, и слушает. Вот такой Он Бог.

Глава 8. Исцеление - это только начало - Дороти Дэй Отис

Среди гостей на моей еженедельной передаче "Я верую в чудеса" были врачи и бармены, знаменитые преподаватели и маленькие дети, манекенщицы и домохозяйки. Все они были по-особому затронуты Иисусом и свидетельствуют об изменившейся жизни. Однако некоторые из гостей волнуют меня так же сильно, как и те профессиональные артисты эстрады и телевидения, которые забыли свое искусство, и сквозь слезы подлинного благодарения делятся с миром тем, что Иисус сделал для них. Такое произошло и с Дороти и Доном Отис, когда они появились на моей программе в студии CBS в Лос-Анджелесе. Дороти Дэй Отис руководит одним из самых преуспевающих голливудских агентств по поиску талантов. Она представляет ведущих артистов кино, театра и телевидения. Дон руководит процветающим рекламным агентством. Они хорошо известны и весьма уважаемы в артистических кругах Голливуда. "В течение лет мы с Доном появлялись на телевидении, - сказала Дороти, - но единственное осмысленное шоу, которое мы когда-либо делали, - это программа Кэтрин Кульман". И это потому, что они делали его полностью ради Иисуса.

Я думала, что это естественно - чувствовать себя плохо. Я никогда не чувствовала себя по-настоящему хорошо и с течением лет убедилась, что мое здоровье ухудшается. Я быстро уставала, у меня были постоянные боли в спине, и я пыталась игнорировать это. Но я не могла игнорировать свой желудок, который яростно реагировал почти на все, что я ела. Я жила на большом количестве прессованного творога, сладкого крема (из яиц и молока) и концентрированного желе "Джелло", и я не могла даже смотреть на обычную пищу.

Когда же боль стала нестерпимой, я пошла к докторам. Несколько терапевтов осматривали меня, и все поставили диагноз моей напасти - "острая болезнь живота", - заболевание, которое, похоже, является постоянным спутником многих, вращающихся в голливудских кругах.

Доктора прописали таблетки, которые я преданно принимала, но мне не стало лучше.

В течение лет я ходила с болью в спине, с болями при повороте шеи, без силы и аппетита, проводя большую часть выходных в постели. Иногда я выражала свое удивление, не связаны ли мои проблемы с животом и слабое здоровье с болями в спине, с моей особой походкой и с тем фактом, что мои каблукки неодинаково скашивались. Но врачи лишь смотрели на меня и качали головами; и посылали меня от одной аптеки к другой за новыми таблетками.

В колледже я специализировалась на драме, а затем продолжила карьеру в моде и на телевидении. В течение двух лет я жила в Сан-Франциско, ведя собственную программу с интервью и кулинарией на телевидении, и была ведущей при показе воскресного послеобеденного телефильма. Позднее я переехала в Лос-Анджелес, где работала в модельном бизнесе и на телевидении.

Каждое утро я вставала в 5.30, чтобы вовремя успеть в отделение макияжа и на укладку волос. И весь день я была перед прожекторами, камерами или работала с людьми. Поздно вечером я буквально падала в постель. С моим напряженным графиком я и не думала, что есть что-то необычное в том, что я все время чувствую себя полностью истощенной. В конце концов, казалось, что все вокруг меня чувствуют то же самое.

Спустя шесть месяцев после приезда в Лос-Анджелес я встретила Дона Отиса. Его образование было сходно с моим - артист радио и телевидения, диск-жокей, режиссер программы, а теперь - владелец рекламного агентства.

Я была приглашена в офис Дона, где у меня взяли интервью для телерекламы. Когда я ушла. Дон обратился к сотруднику и импульсивно сказал: "Именно на этой девушке я собираюсь жениться".

"О, действительно? - спросил его друг. - Как ее зовут? "

Дон не знал, и ему пришлось пойти в приемную и выяснить это у секретарши. Вернувшись, он улыбался: "Ее зовут Дороти Дэй, и я все еще думаю жениться на ней ".

Спустя год я заболела - как обычно - но мы должны были пожениться. Дону пришлось делать все приготовления, включая получение разрешения на использование прекрасного зала "Мишен Инн" в Ривер-сайде для церемонии бракосочетания.

В то время я была членом пресвитерианской церкви и изредка бывала на служениях. Дон был методистом, который никогда не ходит в церковь. "Формальные христиане" - вот кем мы были. Дон, будучи более искренним, оглядывается назад и говорит, что мы были "гнилыми христианами".

Несмотря на мое плохое здоровье и полное отсутствие духовности у обоих, мы преуспевали в избранных нами профессиях. Рекламное агентство Дона процветало, а я постоянно появлялась на телевидении. Затем, когда я уже думала, что научилась жить со своим слабым здоровьем, начало ухудшаться здоровье Дона.

Он много курил с пятнадцати лет, и внезапно после всех этих лет у него возникли проблемы с дыханием. Он мог делать лишь короткие вдохи, и мало- помалу ему пришлось сокращать свою физическую нагрузку. Он даже не мог подняться по крутому склону за нашим красивым домиком, разместившемся на холме.

Обследование выявило ужасную болезнь - эмфизему. Лечения не существовало. Дон был так подавлен, что даже не думал прекращать курить.

Он полагал, что раз у него эта болезнь, то ничего не изменится оттого, что он бросит курить. В 1966 году Харольд Чайлз, ведущий голливудский агент, предложил мне работу по представлению детей для драматических ролей и рекламных роликов. Они с Доном полагали, что годы работы на телевидении подготовили меня для новых обязанностей. Это означало освоение новой области деятельности в моей профессии, и я была в восторге. Когда мистер Чайлз умер, я выкупила агентство из его имущества и внезапно оказалась в бизнесе как руководитель одного из самых успешных голливудских агентств по подбору талантов.

Затем стало рассыпаться мое собственное здоровье. При росте в 5 футов и 9 дюймов (175 см) мой нормальный вес составлял 130 фунтов (59 кг). Но я начала худеть. Я отвернулась от всякой еды, даже от прессованного творога, и мой вес быстро упал до 110 фунтов (50 кг). Я выглядела как скелет и снова начала обходить кабинеты врачей. Но никто из них не мог помочь мне. Я заставляла себя ходить на работу, хотя и чувствовала себя ужасно. Только моя любовь к работе поддерживала во мне жизнь.

Один наш близкий друг посещал богослужения Кэтрин Кульман. Он побуждал нас с Доном сходить туда, уверенный, что если мы пойдем, то будем исцелены. Идея о Боге не очень-то интересовала меня, но я купила книги мисс Кульман и прочла их. Дон их также читал. Они были исключительно интересны и даже заставили меня заплакать. Но когда приближались выходные, в которые мисс Кульман должна была приезжать в наш город, я предпочитала валяться в постели, чем посетить служения.

"Однажды мы доберемся до зала "Святыня"", - продолжала я говорить своему приятелю-энтузиасту. Но у нас ушло три года, чтобы сдержать это обещание.

Мы с Доном посетили наше первое "служение с чудесами" в январе 1971 года. И даже теперь я с трудом могу описать мои чувства, когда я ждала перед залом "Святыня" его открытия. Несколько тысяч людей толпились около дверей, но это не были посторонние люди, а друзья, которых мы не встречали раньше. Это напоминало огромный семейный совет. Здесь была такая любовь друг к другу, такое сострадание к больным? Все с радостью думали о том, что с ними должно произойти. Еще до того, как открылись двери, мы с Доном поняли, что здесь был Бог.

Мы вернулись в следующем месяце. Я сидела в зале, плача о происходящих исцелениях и молясь о больных людях вокруг меня. Впервые в жизни я чувствовала присутствие любящего Бога, который проявлял заботу и касался людей в их немощи, и исцелял их.

Но я не была исцелена. Мои боли в спине стали более сильными. И что еще хуже, моя шея стала такой жесткой, что я не могла повернуть голову: приходилось поворачивать всю верхнюю половину тела. Я ходила, словно одна из египетских мумий в старых фильмах ужасов.

В марте 1971 года я пошла к ортопеду-хиропрактику доктору Ларри Хиршу. Он провел предварительный осмотр, а затем дал направление на рентген позвоночника. Когда я вернулась в его офис спустя несколько дней, он держал в руках мою рентгенограмму.

"Посмотрите-ка на это", - сказал он мне. Даже для моего неопытного глаза было очевидно, что мой позвоночник не проходит через центр спины. Доктор Хирш определил, что большие отложения кальция в каждом позвонке - это развивающийся артрит. И словно этого было недостаточно, моя тазовая кость была смещена, что делало мою правую ногу короче левой на один дюйм (2,5 см).

Это объясняло некоторые из моих проблем - почему туфли скашивались неодинаково, почему шея была такой жесткой и почему нижняя часть спины все время болела. Доктор Хирш также сказал, что мои проблемы с животом могли быть вызваны давлением на нервы.

Я припомнила, что когда я училась в Университете штата Айовы, я однажды тяжело упала на лед. Медсестра из студенческого городка перевязала нижнюю часть моей спины, но боль продолжалась еще долгое время после этого случая. Доктор Хирш сказал, что это могло быть началом моих проблем.

"Вы должны быть в постели, - сказал он. - Большинство людей с подобными болезнями даже не могут двигаться".

Он измерил мои ноги и вставил подкладку в правую туфлю. "Если не будет улучшения в течение недели, то вам нужно будет пойти к специалисту", - сказал он.

Была пятница. Я ушла от врача обескураженной, пообещав вернуться в понедельник для еще одного обследования.

В воскресенье мы с Доном поехали в Лос-Анджелес, чтобы посетить "служения с чудесами" в зале "Святыня". Простояв у дверей более двух часов, мы устремились занять места. При одышке Дона и моей шаркающей походке нам пришлось довольствоваться местами на балконе, в пяти рядах от стены. "Есть что-то хорошее в том, что мы сели так высоко, - сказал обессиленный Дон, - по крайней мере, мы ближе к небесам".

В начале собрания я начала рассказывать Богу о всех своих делах, словно Он не знал о них. То и дело во время проповеди мисс Кульман я начинала молиться. Затем я услышала, как мисс Кульман сказала: "Кто-то на балконе был исцелен от болезни живота. Вы не ели в течение долгого времени".

Я почувствовала, как мое дыхание стало частым и неглубоким, словно это была гипервентиляция. "Этот человек также исцеляется от болезни в спине", - добавила мисс Кульман.

Мое дыхание все учащалось, пока я не обрела над ним контроль. Я хватала ртом воздух и в то же время начала бесконтрольно всхлипывать. Я знала, что это привлекает внимание, но ничего не могла поделать. И вот в это время огромное облако тепла опустилось на меня, словно одеяло в холодный день.

Мое сильное всхлипывание испугало Дона. Он пытался помочь, но не мог говорить. Он дал мне свой носовой платок, и когда я повернулась, чтобы взять его, он почти закричал: "Ты повернула голову! Посмотри на меня, Дороти! Ты повернула голову!"

Это было правдой. Я не осознавала этого, но моя шея стала мягкой, гибкой. Все еще тяжело дыша и всхлипывая, я начала крутить головой в обе стороны, затем стала быстро наклонять ее назад и вперед. Вся боль ушла. Я вышла в проход и направилась к служительнице.

"Я исцелена", - сказала я, всхлипывая.

Женщина очень спокойно посмотрела на меня: "Почему вы так решили? "

Я была почти в истерике, качая головой и хватая ртом воздух. "Я могу поворачивать шею, - выпалила я. - И мой желудок был тоже исцелен".

"Ваш желудок? - сказала она. - Как вы можете определить, что ваш желудок был исцелен?"

Я не знала. Я даже не подумала об этом. Слова сами выходили из меня вместе со слезами. "Я просто знаю, - настаивала я. - Если я могу двигать головой, то я знаю, что Бог исцелил и мой желудок".

Женщина, убеждаясь, улыбнулась. Она взяла меня за руку и помогла мне спуститься по ступенькам в партер. На сцене была длинная очередь людей, ожидающих, когда можно будет свидетельствовать о своем исцелении. Я встала в очередь, все еще всхлипывая.

"Где же Дон?" - внезапно вспомнила я. Я осмотрелась в этом море лиц, пытаюсь обнаружить его. Затем я увидела его, он шел по проходу, держась за руку помощника. Он тоже всхлипывал. Заметив меня, он начал тут же смеяться. Мы взяли друг друга за руки.

"Я тоже был исцелен, Дороти, - сказал он. - Это облако тепла сошло на меня, когда ты ушла. Я заплакал. Затем я осознал, что могу нормально дышать. Смотри! - сказал он. - Впервые за восемь лет мне не нужно делать эти крошечные вдохи". Он смеялся и плакал одновременно, но дышал нормально.

И тут мисс Кульман пригласила нас с Доном выйти вперед. Что-то произошло внутри Дона. Не только в его легких, но в его душе. Я смогла понять это, когда он встал у микрофона, глубоко дыша; и радость светилась на его лице. Мисс Кульман пыталась задавать ему вопросы, но он только мог сказать: "Смотрите! Я могу дышать!"

Осознав, что много информации от нас не получишь в нашем истерическом состоянии, она возложила на нас руки и начала молиться. Я почувствовала, как Дон взял меня за руку, и следующее, что я поняла, - мы оба лежим на полу. Я ничего не слышала. Не было никаких чувств, просто восхитительное тепло и покой, сошедшие на нас. Я смутно помню, как мисс Кульман сказала: "И это только начало. Ваша жизнь будет полностью изменена, начиная с этого момента".

О, как она была права!

Я понимаю, глядя теперь на тот момент, что прикосновение Божье сделало гораздо больше, чем исцеление тела. Все же потому, что физическое исцеление было таким сенсационным, потребовалось время, чтобы осознать то гораздо более глубокое, внутреннее изменение, которое произошло тогда же.

Когда мы добрались до дома в тот вечер, вся боль из нижней части спины ушла. Первое, что я сделала, - я убрала подкладку из туфли. Дон был так окрылен своими "новыми" легкими, что мы поднялись по крутому склону за нашим домом. В течение долгого времени он не мог делать этого. Затем мы съели обед с большим бифштексом. Это был первый бифштекс, который я ела в течение последних лет.

На следующее утро я пошла к доктору Хиршу. Он только посмотрел на меня и сказал: "Что случилось?"

Я не очень хорошо знала доктора Хирша и потому стеснялась много говорить ему. "Я хочу, чтобы вы все сказали мне сами", - попросила я.

Ему было легко объяснить мне, что мышцы моего живота расслаблены, но когда он обследовал мой позвоночник, он действительно понял, что что-то произошло. "Это не тот позвоночник, который я обследовал в пятницу", - сказал он.

"У вас есть минутка, доктор?" - спросила я, желая рассказать ему все. Он кивнул, и я начала длинное повествование о вчерашнем собрании Кэтрин Кульман.

"Если здесь есть какие-то изменения, Дороти, - сказал он, - рентген вскрыет их".

Он сделал затем серию снимков и велел мне вернуться через несколько дней. Однако я вспомнила тем же вечером, что забыла сказать ему, что вынула подкладку из туфли. Я позвонила ему домой.

"О нет, - заспорил он, - вложите ее обратно. Вы сведете на нет все то хорошее, что произошло. Даже если Бог исцелил ваш желудок, ваша правая нога всегда будет короче левой". Но эта подкладка создавала чувство неравновесия. Я знала, что обе ноги были теперь одной длины.

Спустя два дня я вернулась к врачу. Дон пошел со мной. Первое, что сделал доктор Хирш, он измерил мои ноги. Затем он измерил их снова. У него было забавное выражение лица, когда он сказал: "Они одной длины".

Я начала плакать. "Я знаю об этом, - сказала я. - Я просто хотела, чтобы и вы узнали тоже".

У доктора Хирша не было времени до нашего прихода сравнить рентгенограммы, и мы посмотрели их вместе. Доктор был ошарашен. Мой позвоночник был совершенно прямым. Изгиб в виде буквы "L" в моем копчике исчез. Все отложения кальция пропали. Моя шея была в правильном положении относительно позвоночника и черепа. И что более всего удивительно - моя тазовая кость заметно повернулась и встала на место.

Доктор Хирш воскликнул: "Если бы такое было возможно, я бы сказал, что вам сделали полную пересадку спины".

Доктор Хирш дал мне два набора снимков, сделанных через интервал в восемь дней. Я держу их в своем офисе и показываю их всем сомневающимся. Они более дороги для меня, чем творения Пикассо. Дона меньше интересовало доказательство его исцеления. Того простого факта, что он мог дышать, было для него вполне достаточно. Он без колебаний немедленно вступил в "Клуб здоровья Беверли-Хилз" и начал работать по несколько часов подряд. Он сразу бросил курить, просто чтобы отблагодарить Господа. Дон изменился внутренне.

Спустя девять месяцев он пошел к своему доктору. После полного осмотра доктор отметил, что Дон в хорошей форме. Дон догадался, что врач пытается увильнуть, и спросил в лоб:

"Доктор, послушайте, а как насчет моей эмфиземы?"

Доктор откашлялся: "С медицинской точки зрения, Дон, нет лечения от эмфиземы. Даже улучшение на один процент было бы классифицировано как задержка развития болезни".

"Хорошо, у меня есть это однопроцентное улучшение, или как?"

"С вашими легкими все в порядке, - ответил доктор. - Это все, что я могу сказать".

Величайшее чудо, однако, произошло гораздо глубже, чем легкие или позвоночник. Мисс Кульман была права. Когда Святой Дух вошел в нашу жизнь, все переменялось. Мы стали членами динамичной, основанной на Библии церкви в Бербэнке. Дон вступил в "Общину полноевангельских бизнесменов", и мы оба часто выступали со свидетельствами перед большими группами. Мы знали, что Иисус - жив, не только потому, что Он исцелил наши тела, но и потому, что Он также изменил наше мировоззрение. И хотя мы теперь более заняты, чем раньше, своей профессиональной деятельностью, мы оба чувствуем, что мы миссионеры, свидетельствующие за Господа Иисуса Христа о чудесном переживании рождения свыше и об исполнении Святым Духом.

Мои помощники по бизнесу и клиенты называют мой офис "счастливым". Я знаю, так говорят не потому, что людям нравятся яркие желтые обои, но потому, что Святой Дух наполняет этот офис Своей радостью и ведет меня в моей работе. Я молюсь за своих клиентов и вижу, как происходят изменения в их профессиональной деятельности и работе, те изменения, которые только Бог может вызвать к жизни. Это замечательно.

Но самое замечательное вот что: мы знаем, что это - только начало.

"Как написано: "Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его"". А нам Бог открыл это Духом Своим" (1Кор.2:9,10).

(Далее перепечатка медицинского свидетельства.) 14 апреля 1972 года Миссис Дороти Отис пришла в этот офис с различными жалобами на позвоночник 3 марта 1971 года. И тогда же мы сделали рентгеновские снимки всего позвоночника (радиографические виды от вершины

до хвостовой кости). Рентгенограммы показали двойной сколиоз с укорочением правой ноги на 1 дюйм и ущемлением нерва по всему кишечному тракту.

Было произведено лечение миссис Отис. Прогресс был слабым. Спустя пять дней она посетила "служение с чудесами" Кэтрин Кульман. На следующий день было произведено повторное обследование и выявлено, что словно новый позвоночник и тазовая кость были помещены на место старых и что нога стала надлежащей длины. Также желудочный тракт пришел в расслабленное состояние и вернулся к нормальному функционированию.

Мы снова сделали рентгеновские снимки миссис Отис на той же неделе и подтвердили, что искривление полностью исчезло. Позвоночник теперь прямой, без зон напряжения.

За мои последние двадцать лет практики я никогда не встречал подобного явления, возникшего без длительного лечения. Произошло чудесное изменение в организме.

С уважением, доктор Ларри Хирш, ортопед-хиропрактик.

Глава 9. Пустота, созданная Богом - Элейн Сен-Жермен

Элиза Элейн Сен- Жермен (ее имя в Голливуде - Элейн Эдварде) была названа одной из самых ярких молодых звезд на телевидении и в кино. Однако подобно многим, втянутым в безумный водоворот богатства и славы, она незаметно стала обращаться за счастьем скорее к сатане, чем к Иисусу Христу.

Святой Августин сказал однажды, что внутри каждого человека есть пустота, созданная Богом. Один юный наркоман описал ее как "дыру одиночества", спрятанную глубоко внутри в душе каждого человека. Ты можешь попытаться заполнить эту дыру, эту пустоту, всеми видами извращенной любви, но она создана для любви Иисуса. Ничто иное не годится.

Оглядываясь на свое детство, я думаю, что мои родители пытались быть благочестивыми. Они всегда посещали церковь, и я все штаны просидела на скамьях Южной баптистской церкви в Дирборне, штат Мичиган. Но это была "религия воскресного посещения церкви". У моих родителей не было той силы, которая помогла бы перенести в жизнь и в семью те принципы, которые они освоили в церкви. У папы были проблемы с пьянством, а у мамы было всегда плохое настроение. Я росла, отождествляя Бога с несчастьем.

В нашем доме было очень мало любви, и мое сердце кричало в поисках ее. Лишенная ее дома, я искала везде, и в возрасте пятнадцати лет вышла замуж за моряка и отправилась с ним в Калифорнию. Когда мой молодой муж ушел в плавание, я обнаружила, что беременна. Не желая обзаводиться потомством и воспитывать детей в возрасте пятнадцати лет, я поехала на автобусе назад в Мичиган и сделала аборт.

Вернувшись в Сан-Франциско, я встретила другого человека - статного капитан-лейтенанта Военного флота, который служил на подводной лодке. Отчаянно нуждаясь в любви, я позволила чувствам овладеть собой и вышла замуж за него, хотя у меня уже был муж.

Вторая мировая война продолжалась, и моего нового мужа отправили в плавание. Вскоре после этого вернулся первый муж. Я встретила его и сказала, что хочу развестись с ним. Он был сильно опечален этим, но, видя, что я полна решимости, согласился.

Это было примерно за год до того, как мой второй муж вернулся из морского похода. Я встретила его в Нью-Йорке и в наш первый вечер решила рассказать ему всю правду, надеясь, что мы сможем начать все сначала. Но вместо того, чтобы, выслушав мою исповедь, полюбить меня еще больше, он отверг меня. В ужасном гневе он аннулировал наш брак.

Продолжая поиски любви, я поехала к нему в Вашингтон, чтобы умолять его вернуться. Он отказался встретиться со мной. В Вашингтоне я познакомилась с человеком старше меня на десять лет. Тут же последовал еще один головокружительный роман, и спустя шесть месяцев я вышла замуж в третий раз.

К семнадцати годам я уже прожила целую жизнь. Я имела одновременно двух мужей, сделала аборт, дважды развелась и вышла замуж опять.

Мой третий муж хотел быть актером. Я работала манекенщицей и предложила содержать нас обоих, если он хочет пойти учиться. Мы перебрались в Лос-Анджелес, где его зачислили в "Пасадена Плейхаус". ("Пасадена Плейхаус" - театральная школа. Прим. пер.)

Он был прирожденным актером, и его назначили на ведущую роль в популярный телесериал.

Наш брак немедленно оказался в опасности, поскольку он начал разъезжать по стране с личными выступлениями. И опять мне стало не хватать любви и признания: он большую часть времени был в разъездах, а я - наедине с собой, в одиночестве; и на сей раз я попыталась найти утешение в карьере. Я тоже устроилась в "Пасадена Плейхаус".

Как и мужу, мне легко давалась актерская профессия. Закончив курс в "Плейхаусе", я пошла в драматический театр. Я с самого начала стала знаменитой. И думала, что наконец-то я нашла то, что принесет мне удовлетворение и заполнит пустоту в моей душе.

Понемногу все встало на свои места. В 1954 году я была выбрана на ведущую роль в постановке "Бернардины" для премьеры на Западном побережье. В первом показе я играла перед двумя тысячами людей, которые пришли в этот прекрасный театр. Это был большой успех для меня. Когда я выходила на сцену, люди не могли оторвать от меня взгляда.

Паттерсон Грин, известный критик, описывая игру, сказал, что она была фантастической.

Я совершенно подходила на роль Бернардины. Но подобно мне, Бернардина была иллюзией, ее не существовало. Стоя на сцене, слушая рев толпы, когда они кричали и аплодировали моему исполнению, я чувствовала себя отстраненной, нереальной. Но это удовлетворяло, и я упивалась всеми аплодисментами, похвалами, восхвалениями и признанием, которые мои поклонники только могли дать мне. Я купалась в них, впитывала их. Для меня это была квинтэссенция любви и обожания поклонников по всей стране.

Вскоре я попала под влияние другой иллюзии. Я подписала контракт с Эдвардом Смоллом и стала сниматься в фильмах. Он сказал мне, что он протестирует меня, чтобы я стала ведущей актрисой в Голливуде. Я играла в фильмах для студии "Эпплайед Артисте" и в некоторых постановках на телевидении. Я исполняла роли в "Плейхаус 90" и "Миллионере", играла в паре с Чаком Коннерсом в некоторых из его первых шоу. Мне все было нипочем - весь день работать над фильмом, а затем улететь куда-то для игры в сценическом шоу тем же вечером. Это было все равно, что нестись на гребне радостной волны успеха.

Но волны, в конце концов, превращаются в пену и пузырьки, а затем всегда возвращаются в море. Я все еще была пустой. Одним октябрьским утром я рано вышла из дома. Мы с Эдом приобрели чудесный особняк в Лакресченга у подножия холма. Ведя мой кадиллак в студию в Голливуд, я начала размышлять. Зачем все это? Почему я все это делаю? Эти философские вопросы рождались из глубокой пустоты моей жизни. У меня было все - слава, богатство, красивый дом, видный муж, известный в своих кругах. И все же я была несчастна. Один отрывок из произведения Роберта Бернса "Тэм О'Шэнтер" пришел мне на ум:

Удовольствия - как мак полевой, Ты срываешь цветок, и лепестков уже нет; Или как снег, что падает в реку, Лишь мгновенье белеет - И его поглощает вода.

Я окружила себя всеми теми удовольствиями, которые могут воспринимать мои органы чувств. Я проделала большую работу по поиску счастья. По дороге на студию я подвела под всем этим черту, просуммировала все и получила ноль. Я вспомнила стих, выученный мной в воскресной школе, которую я посещала в детстве: "Вот, все - суета и томление духа!" И, начиная с того дня, я начала искать духовные истины. Однако я не знала, что есть два различных источника духовной энергии и силы. И в своем невежестве я двинулась в направлении тьмы.

Я начала посещать молитвенную группу, которая собиралась раз в неделю в доме неподалеку от нас. Но там ничего не нашлось для меня. Она была такой же немощной, как и религия моего детства. Подобно мне, все люди там искали, но никто ничего не находил. Мы

проводили вечера в интеллектуальных беседах о молитве. Когда мы, наконец, доходили до молитвы, она была нереальной, и никогда не было никаких ответов. Все это было пустым и бессмысленным.

Я обратилась к "Религиозной науке", и стала членом учебной группы, которая исследовала восточные религии. Южная Калифорния полна опустошенных людей, которые клюют на все, что обещает надежду. Пустота, даже созданная Богом пустота, притягивает все, что может ее заполнить, - особенно злых духов.

Эд уезжал порой на несколько дней, и я впадала в глубокую депрессию. Я даже не хотела вставать с постели. Я теряла интерес к карьере и запинаясь, даже когда выступала на съемках.

"Что-то не в порядке, - сказала я своему психиатру в сентябре 1959 года. - Работа не дает мне радости. Брак не удовлетворяет. Я чувствую себя виновной за все то, что, по идее, должно было бы делать меня счастливой, и это ужасное состояние не проходит".

Она выслушала меня и затем рассказала мне о новом методе лекарственного психоанализа, который был разработан доктором Сиднеем Коганом в Университете Лос-Анджелеса.

Этот новый, но спорный препарат должен был приниматься под наблюдением врача, и он должен был сильно ускорить процесс анализа: пять курсов этого препарата были эквивалентны психоанализу, который обычно занимает годы. Я с готовностью согласилась на эту программу, которая предполагала прием препарата один раз в неделю. Название лекарства было: диэтиламид лизергиновой кислоты (LSD).

Я только что закончила играть совместно с Агнес Морхед и Винсентом Прайсом в экранизации произведения Агаты Кристи "Летучая мышь". И хотя я не верила в злых духов, все же я осознала, что моя роль в "Летучей мыши" просто подготовила меня к тем "путешествиям" на LSD, в которые я собиралась отправиться.

19 сентября я поселилась в частном санатории в Калвер-Сити в качестве амбулаторного пациента. Мой психиатр, обрадованная всей этой затеей, уверила меня, что наркотик расширит мой ум, углубит мое сознание и станет решением всех моих проблем. Она сказала, что она будет в моей палате, делая пометки и задавая вопросы, пока я буду под воздействием наркотика.

Естественно, я верила ей. Но это была трагическая, ужасная ошибка. Вместо свободы я попала в узы, гораздо худшие, чем когда-либо прежде. Вместо пяти курсов LSD я приняла шестьдесят пять курсов - один в неделю в течение полутора лет. Единственным способом уйти от LSD было переключение на другие наркотики или крепкие спиртные напитки. Я стала принимать мескалин, другой галлюциноген, и стала разваливаться на куски.

Скоро мы "доросли" до групповой терапии после одиночных "путешествий" на LSD. Под надзором университетских психиатров где-то с дюжину человек собирались в субботу утром и проводили весь день и часы ночи, "путешествуя" на LSD. Мы психоанализировали друг друга, выплескивая друг на друга свой гнев, и мучая друг друга своими личными проблемами. За короткий промежуток времени я подцепила симптомы всех участников группы - к видимому удовольствию психиатров, которые были убеждены, что мы, наконец, постигаем реальность.

Во время одного из этих "путешествий" на LSD я заново пережила травмирующую автомобильную аварию, которая случилась, когда мне было три года. Весь тот страх и ужас вернулись, сметая все на своем пути. Мой психиатр была вне себя от радости: "О, вы получаете последний кусок мозаики вашей проблемы. Теперь, наконец, ваша жизнь встанет на ноги".

Но вместо этого моя жизнь завязалась в узел противоречий, который все больше затягивался.

За полтора года сплошного ужаса препараты высвободили все злые и демонические силы, которые только обитали в моем разуме. Мой мозг не переставал работать на больших

оборотах, и каждый день воздействие наркотика возвращало меня к страшным воспоминаниям. Я начала поглощать все виды наркотиков, пытаюсь слезть с "кайфа" от LSD. Это было незадолго до того, как я оказалась в тисках наркотической зависимости, которая длилась долгих двенадцать лет.

На съемках фильмов я едва могла работать - я неожиданно впадала во вспышки гнева, отказываясь выполнять распоряжения и появлялась в студии так сильно накачанная наркотиками, что даже не могла вести диалоги. "Элейн, - говорил Эдвард Смолл, - ты могла бы стать одной из величайших актрис на сцене, но ты разрушаешь сама себя. Избавься от этого".

Я не могла контролировать себя. Внешние силы, гораздо более могучие, чем моя собственная воля, ворвались в меня. Я больше не могла быть самой собой.

Я играла совместно с Пики Руни в 1961 году в постановке "Семь маленьких подарков" для одного телесериала. Я едва могла двигаться по съемочной площадке и, наконец, совсем одурела от наркотиков. Я знала, что мои дни как актрисы были сочтены.

В моей последней попытке играть был сверхъестественный подтекст. Одна женщина-режиссер, с которой я работала прежде, позвонила мне из Альбукерке, штат Нью-Мексико.

"Элейн, у нас проблема, - сказала она. - Осталось только два дня до нового показа "Далей", а Джин Кэгни, которая играет главную роль, заболела. Можешь ты подменить ее?"

"Нет проблем, - сказала я. - Я возьмусь за это. Я вылетаю вечером".

Когда я повесила трубку, я начала удивляться, почему я согласилась. Я никогда не играла в комедии. Я медленно учила роли, и обычно у меня уходило недели, чтобы выучить диалоги.

"Далей" - это целое шоу, а я даже не читала роль. Это было смешно.

У меня был назначен курс LSD после обеда, и я отправилась в санаторий для лечения. Когда я приняла наркотик, у меня было видение. Я увидела восхитительный столб света, а в середине этого столба стоял человек, делающий мне знак выйти из тени и встать рядом с ним. Я была испугана, но со мной никогда не случалось так, чтобы свет символизировал что-то негативное. Когда я вышла из тени и встала в столб света, я почувствовала огромный поток силы и энергии. Казалось, что я могу сделать все что угодно, словно я была почти Самим Богом. Я ушла из санатория, все еще чувствуя воздействие этой мощной новой энергии. Я зашла в офис в Лос-Анджелесе, взяла экземпляр "Далей" и прочитала пьесу по дороге на самолет в Альбукерке. Я поняла, что я освоила ее.

Меня встретили в аэропорту, и мы поехали на репетицию в театр. Режиссер ходила взад и вперед, о чем-то размышляя. "Ты никогда не справишься с пьесой, Элейн, - сказала она. - Это невозможно. Тебе предстоит пробыть на сцене в течение двух с половиной часов". Но у меня была сверхъестественная уверенность. Мы начали репетировать.

"Почему ты не записываешь свои "блоки"?" - спросила режиссер. "Блоки" включают в себя все сценические движения, и в пьесе, подобной этой, обычно уходило по меньшей мере три недели, чтобы запомнить все это.

"Мне не нужно записывать", - сказала я, мистически улыбаясь.

Я никогда не чувствовала такой восхитительной энергии и силы за всю свою жизнь.

В тот вечер я пришла домой и работала над своими репликами в течение двух часов. На следующий день в гримерной я закончила работу над диалогами.

Это было крупнейшее шоу, которое когда-либо давалось в Альбукерке. Критики были без ума от меня. "Она - словно свет, когда выходит на сцену, - писал один из них. - Она берет всю труппу и тянет ее за собой".

Пьеса шла две недели и собрала наибольшее количество зрителей за всю историю города. В это время я делала такие вещи, о которых и не мечтала, как чтение лекций на занятиях по теории драмы в Университете Нью-Мексико. Меня, казалось, несло силой этой чудесной энергии, и я даже не подозревала, что это может быть от сатаны.

Мой муж прилетел на заключительное представление, и после шоу развернулся сам ад. Муж набросился на меня. Я никогда не видела столько гнева и ярости, исходящих от одного

человека. И хотя я подозревала, что он завидует моему успеху, я не могла выдержать атаку, сломалась под его натиском, и когда мы возвращались в Лос-Анджелес, вся моя сила исчезла.

Энергия ушла. Я чувствовала себя Золушкой после того, как часы пробили полночь, и погрузилась в глубокую депрессию. Тьма снова опустилась на меня, такая плотная, что я не могла пробиться. Я поняла, что никогда уже не буду играть.

Я снова вернулась к LSD. Наркотик утром, наркотик в полдень, наркотик вечером. Я погружалась все глубже и опускалась все ниже.

Продюсер моего мужа переманил его в Нью-Йорк, чтобы играть главную роль в телесериале. Он увлекся не только программой, но и леди, игравшей главную роль. Наш брак, длившийся девятнадцать лет, был обречен. Он получил развод и женился на той женщине. Я осталась в Калифорнии, разбитая духом и эмоционально опустошенная.

Я начала посещать психолога, который экспериментировал с оккультными силами. Он верил, что может активировать некие энергии "извне", которые сформируют защитные "треугольники света" вокруг меня. Он называл их "вихрями энергии", которые войдут в мое тело и откроют мой разум высшему знанию. Все это ассоциировалось с Шакти, женской силой индуистского бога Шивы.

Я посещала два раза в неделю их занятия в отчаянных попытках найти опору для своей пошатнувшейся жизни. Вместо этого я продолжала погружаться во тьму. Этот путь привел меня на курсы астрологии, в спиритизм и на занятия по контролю альфа ритмов мозга. До меня еще не дошло, что энергия и сила могут приходить и из недобрых источников.

На занятиях по групповой терапии мой психолог велел нам обращаться к неким "вознесшимся мастерам", духам, которые должны были приходить и давать знание. Меня особенно побуждали взывать к одному, известному как "Тибетец", который наделил бы меня великой мудростью. К тому времени я уже так была вовлечена в оккультизм, что, казалось, мне уже никогда не распутать клубок моей жизни.

На поверхность всплыли мои старые поиски любви. У меня начался роман с разведенным режиссером, и я жила с ним почти два года. Этот человек издевался надо мной и несколько раз пытался убить меня. Моя жизнь превратилась в кошмар. В отчаянных попытках разбить эти путы я ушла из дома посреди ночи. Спустя две недели он нашел и чуть не убил меня, прежде чем я согласилась поехать с ним.

Спустя несколько месяцев, когда он смертельно заболел, мне удалось улизнуть, и я переехала в старую квартиру на бульвар Сансет. Это была та самая квартира, в которой жила Карол Ломбард, прежде чем ее убили. Джон Берримор жил напротив по коридору. Мои друзья- оккультисты были без ума от этого места, уверяя, что могут чувствовать духов всех видов, которые обитали там. Они побуждали меня войти в контакт с ними, но я боялась и замкнулась в свой мир наркотиков и одиночества.

Одним из моих друзей был знаменитый еврейский астролог, который был личным другом сотрудника газеты из Торонто (Канада), а тот организовывал спиритические сеансы Бишоп Пайка. Этот журналист брал интервью у Кэтрин Кульман, и мой друг-еврей дал мне почитать отчеты о служении Кэтрин Кульман. Я была в восторге. Впервые я увидела проблеск надежды. Могло ли быть так, что, несмотря на бушующий мир демонов и тьмы, есть настоящий свет, незапятнанный силами преисподней? Я была восхищена этой надеждой и начала посещать ежемесячные собрания мисс Кульман в зале "Святыня" в Лос-Анджелесе.

Несколько раз я слышала, как мисс Кульман выступала против тех самых вещей, в которые я была вовлечена, - оккультизм, астрология, спиритизм. Казалось, она знала то, о чем говорила.

В отличие от моих психиатров, психологов и психоаналитиков, она говорила с властью.

Вместо того, чтобы задавать вопросы, она давала ответы. А когда она молилась, она получала ответы. Я решительно настроилась освободиться от своих пут.

Я начала молиться об исцелении, прося Бога забрать мою потребность в наркотиках. И я решила изгнать бесов из моей квартиры, очистить ее от злых духов. Я ничего не знала о методах изгнания и потому расспросила некоторых из моих друзей об этом. "Я хочу сделать это по-библейски", - объяснила я.

Они давали мне всевозможные советы, и один из них был - воскуривать ладан и мирру (конечно, это было в Библии). Это казалось хорошей идеей для изгнания злых духов, и я решила приукрасить эту смесь еще одним веществом, называемым "порошок из крови дракона", чтобы увеличить мощь состава.

Однажды вечером я наполнила квартиру благовониями и стала ходить по ней, цитируя Псалом 90 на всякий случай, чтобы набраться смелости. Затем я зажгла немного таблеток ладана и мирры, положила горящие таблетки в плоскую тарелку, сделанную в форме сковороды для пирога, посыпала на благовония "драконовской крови" и поставила тарелку на пол у моей постели. В тот момент, когда я отвернулась, я услышала звук удара и почувствовала запах другого дыма. Повернувшись, я увидела, что тарелка лежит на полу перевернутая. Нижняя часть моей кровати была охвачена огнем.

Я бросилась в ванную, набрала стакан воды и побежала назад к кровати. Встав на колени, я подняла левой рукой пружинный матрас, чтобы плеснуть водой на огонь.

Внезапно я почувствовала, как некая сверхъестественная сила нажала на матрас сверху, зажевав мою руку между горящим матрасом и каркасом кровати. Одновременно огонь буквально побежал с кровати по квартире. Я пыталась вытащить руку. Но она застряла. Я была прикована к горячей кровати. Пламя скакало по комнате, охватив занавески и стены. "Боже, помоги мне!" - закричала я. Наконец я в последний раз дернулась, освободила руку и выскочила из комнаты в коридор.

К тому времени, когда прибыла пожарная бригада, моя комната полностью выгорела. Когда угли остыли, я вошла туда. Спальня превратилась в золу, там было как внутри крематория. Я потеряла все, кроме своей жизни.

В феврале 1972 года я снова пришла в зал "Святыня" на очередное "собрание с чудесами". Из-за своей схватки со смертью я едва могла дожждаться, чтобы снова попасть туда и оказаться в присутствии Святого Духа. В то воскресенье, сидя недалеко от середины зала в партере, я начала молиться за тех, кто был рядом со мной. Внезапно я осознала, в какой тьме многие ходят и как много тех - тысячи, миллионы, - кто, должно быть, претыкается, как и я, пытаясь вырваться из когтей дьявола.

Когда я молилась, я почувствовала Присутствие вокруг меня и надо мной. Я сразу поняла, Кто это был. Я никогда не встречала Его до этого, но нам не нужно было представляться друг другу. Я искала Его всю свою жизнь, и вот неожиданно для меня Он был здесь. Иисус был здесь.

Я почувствовала, как огромная волна тепла прошла сквозь мое тело, и начала плакать. Иногда я приводила с собой знакомых на служение, но в это воскресенье я пришла одна. Я была рада тому, что никому не нужно было объяснять, что со мной происходит. Иисус окутал меня Своей любовью. И в тот момент я узнала, что меня любят несравненно большей любовью, чем может дать любой мужчина. Я покоилась на руках Самого Отца. Словно в моем сердце была вакансия все эти годы с надписью: "Зарезервировано для Иисуса Христа". И вот Он пришел, и вся моя жажда любви была напоена.

Я поняла, что мне уже никогда не нужны будут препараты. Это было именно так - определено, абсолютно. Я была исцелена.

После служения я пошла сквозь толпу. Я едва могла дожждаться, когда смогу остаться в одиночестве. Прежде я всегда нуждалась в людях, в огромных скоплениях обожающих меня людей. А теперь я хотела - жаждала - побыть одной. Просто побыть с Ним - этого было довольно.

Я спокойно пообедала в маленьком ресторанчике в стороне от оживленных улиц, а затем поехала в свою крошечную однокомнатную квартирку. Я, прежде всего, пошла в ванную и опорожнила содержимое пузырьков и коробок из аптечки в туалет. Я больше уже не буду рабой препаратов. Затем я выдвинула складную кровать. Было так просто встать на колени около нее, чтобы помолиться и поблагодарить Его за то, что Он сделал.

В тот вечер, впервые за девять лет, я спала спокойно. Никаких таблеток, никаких кошмарных снов, никакой бессонницы. Я осознала смысл стиха: *"Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности"* (Пс.4:9).

Все мои проблемы не закончились с этим переживанием. Все еще были периоды разочарования и одиночества. Большинство моих старых "друзей" оставили меня, и мне пришлось формировать новый круг общения с верующими. Все еще бывают времена скорби и искушений, но теперь я знаю, что я не одна. Я любима. И я учусь позволять Ему вести битву вместо меня.

Иногда вечером, когда я выключаю свет, я чувствую присутствие злых сил вокруг меня. Я уже не исполняю обрядов по изгнанию бесов и даже не разговариваю с духами. Я просто молюсь:

"Иисус, мне нужна Твоя помощь. Они вернулись. Приходи и заставь их убраться!" Он всегда отвечает на мои молитвы.

Глава 10. Скептик в меховой шапке - Джо Гаммельт

Жена бывшего старшего пастора Южных баптистов в Вашингтоне госпожа Джо Гаммельт была признана одним из ведущих помощников конгрессменов на Капитолийском холме. Она родилась в городе Мобил, штат Алабама, закончила Университет Бэйлора, а затем переехала в Форт-Уэрт, Техас, где ее муж Уолтер был аспирантом в Юго-западной баптистской теологической семинарии. С 1958 года семья Гаммельтов живет в Дистрикт-Хайтс, штат Мэриленд, где Уолтер занимал много важных постов в своей деноминации.

Как и большинство южных баптистов, я верила, что Библия - это богодухновенная запись откровений Божьих, данных человечеству. Я благодарила Бога за то, как Он говорил с пророками и апостолами. Я верила, что когда Иисус касался людей, они исцелялись. Я верила, что после Его вознесения на небеса эти сто двадцать верующих в верхней горнице во время Пятидесятницы, как и многие другие в первой церкви, получили силу Святого Духа. Я верила, что эти мужчины и женщины говорили на иных языках, творили чудеса, возлагали руки ни больных и видели, как те поправляются. Но по какой-то причине я не могла понять, что Бог может излить Своего Духа на меня и сегодня тем же самым способом.

Не то, чтобы я не хотела принять Его Дух, почувствовать Его силу и даже иметь дары Духа. Я хотела. Более того, я вела женскую группу в нашей церкви по изучению Святого Духа.

Просто я думала, что Пятидесятница была где-то в прошлом. И мне пришлось почти умереть, прежде чем я в наше время смогла познать Истину Божью о жизни.

Тогда, в 1949 году, когда я закончила школу в Мобиле, штат Алабама, отец привез меня в Вашингтон - это было подарком к окончанию. Папа болел большую часть моей жизни, но он скопил достаточно денег на два билета на автобус фирмы "Серая Гончая" и на поездку к моему старшему брату, который работал в библиотеке Верховного суда.

Мой брат знал Трумена Ворда, клерка группы большинства в Палате представителей. Мистер Ворд предложил мне работу машинистки, и в шестнадцать лет я стала самой молодой стенографисткой на Капитолийском холме. Спустя три дня покойный сенатор Срессард Холланд из Флориды предложил мне три тысячи долларов в год, если я стану одной из его секретарш. Это было больше, чем папа зарабатывал когда-либо в Мобиле, и я решила остаться в Вашингтоне.

Брак не привлекал меня, и я окунулась в суету вашингтонской политики, что вскоре привело к высокооплачиваемой работе с другим конгрессменом.

"Мое стремление к эффективности и совершенству сделали меня идеальной секретаршей - и мне это нравилось. Три часа сна ночью, плюс пятнадцатиминутная дремота в обед после пятнадцатичентовой запеченной сосиски в тесте, - это было все, что мне было нужно. Но я уже выработала схемы жизни и работы, которые почти разрушили меня, когда мне еще не было и сорока лет.

В течение этих первых лет в Вашингтоне я связалась с группой молодых людей из Столичной баптистской церкви, которые отличались от меня. По их радости и постоянному свидетельствованию я могла судить, что у них есть что-то такое, чего нет у меня. У них была победа. Эти молодые люди из Вашингтона возбудили во мне новую жажду - быть как Иисус, отдать всю мою жизнь Ему в полное служение. "Самое полное" служение, о котором я могла только думать, означало стать врачом-миссионером. Может, причиной тому была постоянная болезнь отца, может, чтение о том, как Иисус возлагал руки на больных и исцелял их - но что бы это ни было, я хотела, чтобы люди исцелялись, и медицинская миссия - это единственное служение исцеления, о котором я знала.

Я поступила в Университет Бэйлора в Уэйко, штат Техас. Мой работодатель, покойный член Палаты представителей Принс Претон из Джорджии, помог мне с деньгами и сказал, что когда у меня будут финансовые проблемы, я смогу вернуться в Вашингтон на семестр, и моя работа всегда будет ждать меня. Я воспользовалась его предложением, и, живя то в Уэйко, то в Вашингтоне, наконец, закончила обучение за шесть лет.

Именно в Университете я познакомилась с Уолтером Гаммельтом, статным блондином с волнистыми волосами и атлетической фигурой. Уолтер закончил обучение раньше меня и поехал в Форт-Уэрт, где он поступил в Юго-западную баптистскую теологическую семинарию. Мы поженились, как только я окончила университет. Мои амбиции стать врачом-миссионером сменились еще большими амбициями - стать женой пастора. После того, как Уолтер окончил семинарию, мы вернулись в Вашингтон. Я снова приступила к работе, и Уолтер принял предложение стать пастором Баптистской церкви на Бульваре, новой общины в Дистрикт-Хайтс, штат Мэриленд.

Я немедленно вернулась к своему старому образу жизни, работая невероятно подолгу, скудно питаюсь и выполняя каждое задание с совершенной точностью. Я могла поддерживать себя в хорошей физической форме в течение нескольких первых лет. Но затем постепенно нагрузки, легшие на меня, как на жену пастора, соединенные с неимоверными нагрузками работы в Конгрессе, начали давать о себе знать. Я стала терять в весе. Иногда утром я просыпалась более истощенной, чем когда ложилась спать. У меня было несколько выкидышей, прежде чем я смогла, наконец, выносить ребенка до конца. Я работала до самого рождения Гордона, и затем, после краткого перерыва, я снова вернулась к работе, став уже трудоголиком.

Когда мой босс провалился на перевыборах, Уолтер подсказал, что это - знак от Бога для меня, чтобы я прекратила работать. Однако прежде чем у меня нашлось время обдумать его совет, мне предложили одно из самых "теплых" местечек в политике. Один конгрессмен из Техаса попросил меня стать его административной помощницей - главной ассистенткой в штате конгрессмена.

Эта работа требовала педанта, а у меня была именно такая репутация - активного, эффективного, преданного работника. Я приняла это место и стала "загонять" себя безжалостно, руководя его офисом, управляя всем персоналом, составляя выступления и оставаясь надолго после конца рабочего дня, чтобы провести исследования по законодательству. Вечер за вечером я едва могла дотащить до дому уже затемно, садилась на стул для игры на рояле в передней комнате, раскладывала бумаги перед собой и работала за полночь.

Мой вес продолжал падать. У меня было еще три выкидыша и образовалось три кровоточащих язвы - знак работы в Конгрессе и неизбежное последствие конфликтов внутри офиса и интриг завистливых подчиненных мужчин, которые хотели занять мое место. Я

работала по 70 часов в неделю, оставляя меньше четырех часов на сон ночью и все еще пытаюсь сохранить свое место в церкви рядом с Уолтером.

Затем снова пришли головные боли. Приступы мигрени начинались с низкой, тупой боли в спине и в одной стороне головы. В течение часа боль была как огонь, бушующий в моем мозгу. Это было так, словно череп был в гигантских тисках, зажатый так туго, что я думала, голова взорвется. С болью приходила тошнота, волна за волной, словно мое тело дергалось в агонии.

Доктор сказал, что у меня "классический склад характера для мигрени" и посадил меня на лекарства. Я стала принимать большие дозы "смеси Дарвона". Мне сказали, что к этому препарату нет привыкания, но вскоре я осознала, что психологически "я сижу на крючке". Я увеличивала дозу, когда мигрень усиливалась и учащалась. Затем, как в кошмарной комедии, у меня стали выпадать волосы. Я списала это на выкидыши и на то, что я старею, но перспектива остаться лысой была отнюдь не забавной. Я купила парик.

Одним весенним днем я рано ушла со службы. Наши офисы были в здании "Сэм Рэйберн", и, выйдя на улицу, я увидела, что вся круговая подъездная дорога полна больших черных лимузинов членов Кабинета. И у крыла каждой машины стоял шофер. Я поняла, что идет специальное слушание в комитете. Я сошла с бордюрного камня. Ветер подхватил мой парик и понес его через круговую дорогу на виду у всех этих мужчин, одетых в униформу.

Я закричала о помощи, но никто не сдвинулся с места. Охранники и шоферы стояли с открытыми ртами и смотрели, как мой парик катился по траве и позорно остановился в середине клумбы тюльпанов. Затем они начали смеяться, и я могла лишь представить, как конгрессмены во всем здании устремились к окнам, когда я делала забег до своего парика, нахлобучивала его на голову и вышагивала по подъездному пути к площадке для парковки.

Для мужчин это была потеха, но мне хотелось плакать. Почему я должна носить парик?

Почему я не могу быть как все? Я села в автомобиль на парковочной площадке и заплакала.

Спустя несколько месяцев, разбитая и слабая, я выползла из-под одеяла однажды утром и проковыляла в кухню, чтобы приготовить завтрак Уолтеру. Стоя у плиты, я начала плакать, мои слеза капали на горелки, превращаясь в маленькие клубы пара. Я подумала: "У меня больше нет дома". А у Уолтера нет жены, потому что я вышла замуж за свою работу. Но он все же никогда не жалуется. Он - словно Гибралтарская скала, в то время как я расползаюсь по швам. Я была в ужасе оттого, что на следующий день мне надо быть в офисе конгрессменов. Я почувствовала, как рука Уолтера охватила мою талию сзади, ощутила, как он прижался лицом к моей шее, и почувствовала слабый запах его лосьона для бритья. Как много времени прошло с тех пор, как я стояла и наблюдала, как он бреется? У меня находилось на это время, когда мы грызли гранит знания в семинарии.

Я вспомнила те первые годы нашего брака. Наша маленькая двухэтажная квартира на Стэнли-стрит неподалеку от Семинарского холма, поездки до Вичита Фоллс, где Уолтер проповедовал в выходные дни. У нас не было денег, но мы могли бродить по пустынным улицам в центре Форт-Уэрта поздно вечером и заглядывать в витрины. Иногда, в качестве вечернего развлечения, я шла с ним в студенческий городок и садилась рядом с ним в библиотеке, пока он штудировал комментарии к Библии, готовясь к экзамену.

Или же мы просто ходили вокруг ротонды, смотрели на портреты прошлых президентов семинарии и держались за руки. Сейчас у меня не было времени для подобных забав, не было времени, чтобы просто посидеть и посмотреть на него. Не было времени, чтобы ходить по улицам, держась за руки, и разглядывать витрины. Не было времени, чтобы брызгать лосьон для бритья на его только что выбритое лицо и смеяться, когда мы терлись носами. Слезы продолжали катиться по моему лицу, падая на горячую плиту.

"Это не стоит переживания, Джо, - нежно сказал Уолтер. Он всегда был нежным и добрым. - Оставь это. Нам не нужны дополнительные деньги. Оставь эту работу, пока она не добила тебя".

Он был прав, но было слишком поздно. Я пошла к врачу, и он только покачал головой.

Кровоточащие язвы, мигрень! Он дал мне полную и постоянную инвалидность. "Побольше отдыхайте, - предупредил он, - а не то может произойти нечто роковое". Он не знал этого, и я не знала, но нечто роковое уже случилось. Я начала умирать.

Уолтер решил, что хорошо бы взять наш трейлер и отправиться в горы Аллеганы на недельный отпуск. Мне не очень-то нравилось жить в трейлере. Гордону было шесть лет, и он был сгустком энергии. Все же я поехала, решив извлечь из поездки все самое лучшее.

Оставив трейлер в парковочной зоне в Аллеганском государственном парке в южной части Нью-Йорка, мы поехали к канадской границе, чтобы посетить Ниагарский водопад. Это был изнурительный день, мы ходили по цементным дорожкам, поднимались по лестницам, плыли на лодке к основанию ревущего водопада. По дороге назад к трейлеру, когда Гордон спал на заднем сиденье, я начала ощущать признаки другой болезни, которой у меня никогда не было прежде. Я почувствовала ужасное давление в обеих сторонах нижней части спины, словно вода в Ниагарском водопаде, поднимающаяся у дамбы. Когда я попыталась повернуться на сиденье, боль усилилась. Дорога, по которой мы ехали, ремонтировалась, и каждый ухаб посылал спазмы мучений сквозь мое тело. Затем постепенно я стала осознавать еще нечто - паралич, распространяющийся поперек моей спины. Я стала задыхаться и ухватила за руку Уолтера, впившись в нее пальцами.

"Что это такое, Джо? - спросил он, встревожившись. - Ты белая, как полотно".

"Я не знаю, - выдохнула я, - но я боюсь. Я теряю ощущение своей спины". Это была не просто язва или головная боль. Боль пульсировала в моей спине, проникая в живот. Тошнота, волна за волной, приходящая ко мне, заставила меня замолчать. Впервые в своей жизни я узнала, что значит почувствовать хватку смерти.

Когда мы добрались до трейлера, было уже темно. Я свалилась в постель, а Уолтер взял Гордона и отправился на поиски госпиталя. Он вернулся и сказал, что ближайший госпиталь находится на расстоянии в несколько миль. Я прикусила губы. "Может быть, если я отдохну, мне станет лучше". Уолтер был обеспокоен, но согласился с моим желанием подождать до утра. Но когда кончилась ночь, мне стало хуже. Я чувствовала себя так, словно мое тело разрывалось внутри на куски.

Рано утром я вылезла из постели, чтобы пойти в туалет. У меня что-то вышло из организма, и когда я закончила, боль, похоже, улеглась. Я добралась до постели и, когда солнце взошло над деревьями, задремала. Было уже утро, когда я проснулась. Автофургон был пуст, но я слышала голоса Уолтера и Гордона, доносившиеся снаружи. Когда я стала подниматься, то обнаружила, что лежу в луже крови.

Уолтер настаивал на отправке меня в госпиталь, но я смогла убедить его в обратном: "Просто отвези меня домой. Если я смогу добраться до своей собственной постели, со мной все будет в порядке".

Но мне не полегчало, и Уолтер отвез меня к специалисту по внутренним болезням. Когда я описывала свои симптомы, я увидела выражение тревоги на лице врача. "Вы не должны игнорировать этот вид кровотечения, миссис Гаммельт", - сказал он. А после рентгеновских снимков его голос стал суровым: "Я хочу, чтобы сегодня вечером вы остались в госпитале". Я могла понять, что он обнаружил что-то ужасное. "Что это такое?" - спросила я.

"Мы узнаем больше через несколько дней. Но сейчас это выглядит так, словно из вас выходят буквально куски почек".

Диагноз гласил: форма почечного сосковидного некроза - редкая и очень опасная болезнь почек, которая приводит к ухудшению внутренней почек. Уролог описал ее, сказав, что мои почки подобны двум гнилым губкам, они не смогут противостоять даже хилой бактерии, которая проникнет в организм, атакует их и вызовет дополнительное ухудшение. Почти половина каждой почки уже потеряна, оторвавшись и выйдя из моего организма. Я умирала. Уолтер послал письма в общину, прося их молиться за меня. И хотя молитвы за больных - молитвы с верой и властью - были чужды большинству людей в нашей церкви, нашлась

группа женщин, которые осознали, что Бог подготовил их для этого времени и для этого случая, чтобы молиться о моем исцелении.

Примерно за год до этого, некоторые из молодых домохозяек в церкви пришли ко мне, прося поучить их. Они хотели более насыщенного хождения с Господом, но не знали, как найти его. Похоже, они чувствовали, что, несмотря на мои расшатанные нервы и больное тело, я могу указать им правильное направление.

За много лет до этого, когда я была студенткой в университете Бэйлора, со мной случилось нечто. Однажды после обеда я переходила Восьмую улицу в Уэйко и была поражена переполнившим меня осознанием того факта, что Святой Дух живет внутри меня. Слезы накатились на мои глаза, и я едва смогла найти тротуар на противоположной стороне дороги.

"Как восхитительно, и при том, как чудесно, - выдохнула я. - Я ношу Его всюду, куда хожу!"

В то утро Святой Дух стал для меня личностью. Он слышал все мои слова, знал все мои мысли, видел все мои действия. Неделями я ходила вокруг студенческого городка, забыв о проблемах, погруженная в Святой Дух, в любовь Господа. Я начала давать десятину не только от своих денег, но и от своего времени, проводя его в изучении Библии и молитве. В конце того периода я проводила около пяти часов в день в общении с Господом. Но это не продолжалось долго. Это, скорее, был роман, а не серьезные отношения любви. Все же, хотя мое увлечение Святым Духом угасло, познание Его силы осталось.

А потому, когда эти юные леди пришли ко мне, в поисках более глубокого хождения с Господом, было естественным, что я начала учить их тому, что говорит Библия о Святом Духе. Я знала, что я - новичок. Я подозревала, что хотя я говорила правильные слова, я по-настоящему не понимала, что говорю.

"Пятидесятница не ушла в прошлое", - сказала я.

"Если Библия верна, то тогда, - спросили женщины, - почему мы не можем понимать ее буквально? Почему мы не можем ощущать чудес и исцелений сегодня?"

Будучи баптистами, мы верили, что Библия - это вдохновенное Духом Слово Божье, и подобные вопросы вызывали разочарование. Я хотела быть интеллектуально честной, но поскольку я никогда не видела чуда, никогда не видела в реальности проявления Божьей силы, то у меня были проблемы с тем, чтобы поверить.

Мы копнули Слово глубже, пытаясь найти ответы. Каким-то образом мы поняли, что более глубокое хождение с Богом связано с доктриной о Святом Духе. Но то, чего мы хотели и чего жаждали, была демонстрация силы Божьей, а не только разговоры о ней. Эта демонстрация должна была произойти в субботу утром, через неделю после того, как я поступила в госпиталь на лечение. Это был мой тридцать седьмой день рождения. Женщины из группы по изучению Библии пришли в госпиталь, чтобы навестить меня. Когда они стояли вокруг кровати, я смогла заметить, что что-то стало иным.

"Как вы себя чувствуете?" - спросила Пэт Вандевентер. Муж у Пэт служил в Военно-Морском флоте, и они пришли в нашу церковь не потому, что они были закоренелыми баптистами, то потому что Господь велел им прийти. Очень немногие люди приходили в Баптистскую церковь на Бульваре потому что Бог велел им сделать это, но так было с Пэт Вандевентер.

Я была слаба, очень слаба и находилась под действием сильных успокоительных, но я смогла выдавить из себя улыбку и сказала: "Немного лучше. У меня теперь нет такого сильного кровотечения".

"Слава Господу!" - мягко сказала Пэт и подмигнула другой женщине. Эта же, в свою очередь, улыбнулась и кивнула. Все кивали и улыбались, словно они знали нечто, чего не знала я. И они знали на самом деле - только я не знала этого в течение нескольких недель.

Затем однажды, когда я была одна в своей больничной палате, вошла Пэт и рассказала мне, что случилось тем субботним утром. "Когда мы получили письмо пастора, - сказала она, - все в молитвенной группе поняли, что вы умираете. Мы также поняли, что если все то, что мы

изучали в молитвенной группе, существует на самом деле, то пришло время апробировать это. Или Бог исцеляет, или нет. Это было так просто".

"Похоже, что вы хотели предложить Богу тест", - сказала я.

"Нет, вовсе нет, - сказал Пэт, пододвигая свой стул к кровати. - Мы просто решили собраться вместе и поверить Ему относительно вашего исцеления. В любом случае Бог дал тест нам - Он хотел посмотреть, верим ли мы тому, что Он сказал в Своем Слове. Вся группа, все восемь человек, собрались вместе тем субботним утром на молитвенное собрание на восходе солнца на маленьком холмике в муниципальном парке".

Я молчала, когда Пэт закончила. На ее глазах заблестели слезы. "Это было очень светлое и драгоценное время для каждого из нас. Когда мы ждали Бога, каждая из нас своим особым образом получила демонстрацию силы Божьей. Мы все поняли, что вы будете исцелены чудесным образом".

"Я не понимаю, - прервала я ее. - Я знаю, что мне лучше, но это только потому, что я здесь, в госпитале, и они накачали меня препаратами. Но мой доктор говорит, что мои почки пропали".

"Мы знаем это, - сказала Пэт, и простодушная улыбка снова появилась на ее лице. - Но мы также знаем, что Бог продемонстрировал Свою силу, силу, о которой мы читали в Библии. Мы знаем, что вы поправитесь".

"Вы говорите, Он показал Свою силу? Как?"

Пэт встала и подошла к окну. Она говорила нежно, словно переживая те моменты на рассвете в парке.

"Каждая из нас почувствовала Его одновременно, но по-разному. Я сидела на лавочке, держа голову в руках, и мне казалось, что мое сердце разламывается. И мы все вдруг полюбили вас любовью, гораздо более глубокой, чем мы когда-либо ощущали раньше. Теперь же казалось, что мы теряем вас. Мы начали молиться за вас, но затем, в тот самый момент, когда начало светать, мы все потеряли дар речи. Мы больше не могли молиться, мы просто сидели и тихонько плакали. Затем где-то в глубине моего сердца появилось облако покоя, словно только что выпавший снег, который покрывает мрачную, серую равнину чистой белизной. И я поняла, Джо. Я поняла, что Бог УЖЕ исцелил вас. Не было фейерверков, не было землетрясений, просто глубокая внутренняя уверенность, что вы были исцелены... и, когда Бог даст, вы узнаете это! - Пэт отвернулась от окна и посмотрела на меня. - Я подняла глаза - все остальные девушки улыбались сквозь слезы. В тот же самый момент они тоже получили то же самое послание. Мы ушли из парка, получив познание, и с тех пор мы больше не сомневались".

"Но я не исцелена", - заспорила я.

"О да, вы исцелены, - твердо сказала Пэт, и в ее глазах сияла уверенность и вера. - Мы знаем, что доктора сказали пастору Гаммельту, что ваша болезнь неизлечима, но запомните, наш Бог - это Бог невозможного".

Я знала, что была ужасно больна. Но неизлечима? Я забыла все остальное, что сказала Пэт, и это слово продолжало звучать у меня в голове.

Очень многие специалисты занимались мной в течение следующих нескольких недель. У меня был первый случай положительного диагноза в этой особой разновидности почечной болезни в Вашингтоне. От одного из урологов я узнала, что изучение проводилось на ста двадцати пяти людях в Швеции, у которых была та же самая болезнь и похожие симптомы. Но он уклонился от ответа, когда я спросила его о результатах исследования. Все, что я могла предположить, это то, что все сто двадцать пять умерли. Единственное, что могли дать мне доктора для поддержки, это надежду, что они сумеют стабилизировать мои почки и, видимо, остановить их разрушение. Я знала, что исцелить меня - это выше медицинских возможностей.

Наконец меня выписали из госпиталя и велели проводить 12-14 часов в сутки в постели. Но предупреждение не было необходимым. Я была полностью истощена. Раньше я всегда

находила в себе силы собраться с духом и получить больше силы и энергии, чтобы закончить работу. Но на сей раз, когда я пыталась найти в себе силы, то ощущала одну пустоту.

На следующее утро дома я ждала, пока Уолтер уйдет на работу. Затем я встала, чтобы открыть окно в спальне. Это отняло всю мою энергию - пересечь комнату и потянуть за ручку. Это было такое большое напряжение, как пробежка длиной в две мили по городу. Я свалилась в постель, пытая от истощения, так и не открыв окно. Я могла чувствовать, как мои распухшие почки выпирают у меня из спины.

Моя резервная сила, тот маленький запас, который не дает человеку умереть, когда тот достигает края пропасти, - она была исчерпана. "Одна крошечная бактерия, - сказал врач, - подхваченная из нечистой воды, и вы можете умереть за короткое время".

Были еще другие проблемы, вставшие в то же время. Доктор сказал мне, что я смогу вернуться в церковь так скоро, как почувствую силы, но посещать ее можно не более одного раза в неделю. Перед тем, как я оказалась в госпитале, мой вес упал почти до 100 фунтов (45 кг). А когда меня выписывали, мое тело стало набирать жидкость, и я была распухшей, как пышка. Я не хотела, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии.

В течение следующего года я то попадала в госпиталь, то выписывалась из него. Приходилось постоянно заходить в офис врача для отметок и тестов. Когда мое тело вырабатывало иммунитет к одному препарату, меня переводили на другой - и с ним приходилось проходить все тесты, чтобы убедиться, не убьет ли меня это лекарство. Казалось, что я все время проводила в кабинете врача, делая рентген за рентгеном. Чтобы победить внутренние инфекции, которые все время возникали, меня постоянно лечили новыми антибиотиками. Счет за лекарства неуклонно рос.

Подготовка к смерти - это ужасающее психологическое переживание. Изменился весь мой стиль жизни. Я знала, что умираю, и трудно было привыкнуть к этому факту, пока я еще жива. Мой семейный доктор посоветовал сходить к психиатру. "Может, он сможет чем-то вам помочь от этих мигреней", - сказал он. Я понадеялась на это, молясь только, чтобы я смогла лечь спокойно и справиться с процессом умирания.

Я уже не могла быть ни женой, ни матерью. Я не могла ничего делать по дому. Я могла слышать, как Гордон приходит из школы и тихонько крадется по коридору у моей комнаты, чтобы не побеспокоить меня. Я вспоминала, как я была ребенком, и папа всегда болел, и всем детям приходилось тихонько ходить вокруг дома, боясь разбудить его. И вот это все повторилось. Я чувствовала себя ужасно виноватой. Это все, что мой сын запомнит о своей матери, думала я. Больная, лежащая в постели за закрытой дверью. Неужели эта ужасная вещь будет переходить из поколения в поколение?

Затем начали происходить всякие события. Это началось с письма от моей младшей сестры, которая, услышав, что моя болезнь смертельна, посоветовала мне прочитать книгу Кэтрин Кульман "Я верую в чудеса". Спустя два дня, лежа в постели и слушая местную радиостанцию, я услышала объявление о слете Международной общины полноевангельских бизнесменов, который должен был пройти в зале "Вашингтон Хилтон". Это сообщение ничего для меня не значило, пока я не услышала имя Кэтрин Кульман. Она должна была выступать на послеобеденном собрании. Мне показалось странным, что я два раза в неделю слышала это имя.

Но Бог еще не закончил Свои дела со мной. На следующий день ко мне зашла Пэт Вандевентер. "Джо, пойдемте на слет полноевангельских бизнесменов. Там в четверг будет выступать Кэтрин Кульман".

Три раза за одну неделю - это не могло быть простым совпадением. Но я упорствовала.

"Извините, Пэт, я не куплюсь на болтовню этой бабы-проповедницы", - сказала я.

"Я думала, что у вас широкий ум, - упрекнула меня Пэт, и в ее глазах загорелся огонек. - А вы не широко мыслите, вы всего лишь баптистка".

Она ударила меня по больному месту, и я поняла, что она права. Я судила эту женщину на основании того, что я никогда не видела ее имя напечатанным в какой-либо литературе нашего Объединения южных баптистов. Я читала ее всю, и нигде, ни разу не упоминалось о Кэтрин Кульман. Я сомневалась, от Господа ли она вообще, поскольку так получалось, что южные баптисты не признавали ее.

Я взглянула на Пэт. "Хорошо, вы правы. Мое сердце так же жаждет глубин Духа, как и ваше. И если мы сможем что-то узнать о Боге от кого-то, не являющегося южным баптистом, я готова".

Пэт забрала меня в среду вечером, и мы поехали через весь город в "Вашингтон Хилтон" на первое собрание Слета полноевангельских бизнесменов. Я была в своей жизни на очень многих баптистских собраниях, начиная с собраний местных общин и кончая гигантскими ежегодными Слетами южных баптистов. Но это не походило ни на одно из собраний, которые я посещала. Более трех тысяч людей сидели в роскошном зале для бальных танцев, и все они, казалось, светились от радости. Я никогда не видела столько улыбающихся лиц.

Я сразу стала подозрительной. Люди так не улыбаются на баптистских собраниях, которые я посещала. Признаюсь, никто так не улыбался даже в нашей церкви.

Я принесла магнитофон, чтобы записать то, что будет говорить проповедник, но напрасно.

Человек, сидевший рядом со мной, был так счастлив, что он говорил одновременно с проповедником. И каждое предложение, сказанное за кафедрой, он встречал криком: "Слава Господу!" или "Спасибо, Иисус!"

Я слышала, как говорили "аминь" в Университете Бэйлора или на специальных богослужениях в Юго-западной семинарии, но никогда не было ничего подобного. Это возбуждало. "Почему он не закрывает рот?" - молила я про себя.

Я ушла с собрания в смущении. Неужели это все было на самом деле?

Действительно ли эти люди были счастливы, или же они просто были психологически неуравновешенными? Что касается меня, то я почувствовала, как мигрень снова напала на меня, и попросила Пэт ехать быстрее.

Мигрень все еще не ушла, когда я проснулась следующим утром. Психиатр прописал мне набор препаратов, по одной таблетке каждые тридцать минут в течение трех часов. Таблетки привели к болям в животе, но не сняли боль в голове. Раньше всегда, когда я принимала пятую таблетку, боль утихала, но теперь я была в постели из-за болезни, вызванной лекарствами. Я поняла, что Пэт придется ехать на собрание Кэтрин Кульман одной.

Но на сей раз все было по-иному. Странно, но головная боль ушла, и мое тело окрепло. В конце концов, я захотела пойти на "служение с чудесами".

Уолтер был в тот год президентом Баптистской конференции пасторов. У них было собрание с закуской, и как раз к полудню Уолтер позвонил, чтобы справиться о моем состоянии. Я сказала ему, что мы с Пэт собираемся посетить собрание Кэтрин Кульман.

Уолтер захихикал. "Несколько местных баптистских пасторов собираются тоже сходить, - сказал он. - Большинству из них просто любопытно, и они, вероятно, спрячут лица в плащи, чтобы никто их не узнал". Я не решилась сказать ему, что только что надела свою большую меховую шапку, ту, что закрывает уши, и намеревалась не снимать ее в зале, чтобы и меня никто не узнал.

Я была в изумлении весь остаток дня. Мы приехали в отель спустя полтора часа, но мы нашли парковочное место прямо перед отелем, не осознавая, что все парковки в радиусе четырех кварталов были заняты.

Мы протиснулись в переполненный танцевальный зал, надеясь найти места у стенки, где мы могли бы сидеть и наблюдать. Мы думали, что нам придется стоять у двери, когда внезапно две дамы неподалеку от сцены встали и оставили свои места. Нас усадили прежде, чем мы осознали это. У меня на голове была меховая шапка все это время, я едва могла выглядывать из-под ее края.

Говорила мисс Кульман. В зале стояла такая необычайная тишина, что я почти могла слышать биение своего сердца. Ее голос был таким мягким, очень мягким, почти неразборчивым порою. Мне приходилось напрягаться, чтобы расслышать каждое слово. Она не говорила ничего нового или необычного. Все, что она говорила, я уже слышала. Уолтер уже сто раз говорил это с кафедры Баптистской церкви на Бульваре. Но был какой-то иной дух вокруг этого места и вокруг нее. Люди пришли в ожидании, и она говорила со властью. И хотя я была глубоко затронута, я оставалась еще скептически настроенной.

Там была маленькая слепая девочка позади меня, и я начала за нее молиться. "Господь, пожалуйста, коснись этой маленькой девочки". Я почувствовала, как слезы скопились под моими сомкнутыми веками. Внезапно мы все встали, когда мисс Кульман начала петь:

Господь, я принимаю, Господь, я принимаю. Все возможно; Господь, я принимаю.

"Поднимите руки, - мягко сказала она. - Поднимите руки и примите Святого Духа".

"Поднять руки?" Внезапно я стала снова очень порядочной женой южного баптистского пастора. А что если кто-то увидит меня? Один из друзей Уолтера? Один из прихожан нашей церкви? Но я не могла остановиться. Мои руки уже были на полпути, и, казалось, они были, как у марионетки, привязаны на ниточках. Вверх, вверх, я не могла контролировать их. Я чувствовала, что мое тело было напряжено и что меня словно кто-то поднимает на цыпочки. Я никогда так не вытягивалась, и не поднимала так высоко руки. Когда мои руки были подняты, я почувствовала, как мои ладони повернулись к небу, а голова одновременно склонилась. Я никогда в своей жизни не ощущала подобного смирения. Я полностью себя забыла, кто я, где я, и только знала, что Бог буквально касается меня физически. Это было словно теплая вода лилась на меня от головы до ног.

Затем я услышала голос из прохода. "О Боже, слава на этой женщине".

Это была мисс Кульман. Я даже не знала, что она сошла со сцены.

Она слегка коснулась моего запястья. Я ощутила невесомость и, казалось, поплыла в пространстве и скользила под потолком в руках Иисуса. Один человек позади меня продолжал говорить: "Позвольте мне помочь вам подняться".

Я проигнорировала его, удивляясь, что это он делает со мной на потолке. Я хотела остаться там, где я была, но он не уходил. Его голос продолжал звучать в моих ушах: "Позвольте мне помочь вам подняться. Позвольте мне помочь вам подняться".

"Что он говорит такое "подняться"?" - думала я. Я уже так высоко, как только возможно, прямо под потолком. Наконец, я открыла глаза. Я лежала в проходе, мои руки были подняты вверх, а губы повторяли снова и снова: "Слава Господу! Слава Господу!" Мне было все равно, кто меня видит или слышит.

По дороге домой мы с Пэт переживали каждый момент собрания. До меня не доходило, что я могла быть исцелена. Во всяком случае, я пришла не за этим. Все, что я знала, это то, что я была затронута Богом и что-то внутри меня, в глубине моего существа, стало иным.

"Давайте не будем рассказывать об этом нашим мужьям, - сказала Пэт. - Я не уверена, что они поймут". Я согласилась. Но я знала, что в Божье время Уолтер будет готов услышать и понять.

Божье время пришло через неделю. Уолтер встал рано утром. Он собирался пойти на собрание пасторов с завтраком, чтобы спланировать общегородское пробуждение с доктором Полом Рейдером, баптистским евангелистом. Доктор Джордж Шулер, написавший книгу "Находящийся в тени", тоже должен был прийти туда. Уолтер как президент Пасторской конференции был распорядителем собрания.

Я заспалась тем субботним утром, и меня разбудил телефонный звонок. Когда Уолтер пришел домой, я сидела на кровати и говорила по телефону. Я посмотрела на него, когда он вошел в спальню. Он задержался на минуту, затем вышел. Но потом снова то входил, то выходил из спальни. И, наконец, он прервал мой разговор: "Когда ты оторвешься от телефона, я кое-что скажу тебе".

Уолтер никогда не прерывал меня, и я поняла, что ему нужно поговорить прямо сейчас. Я тут же прервала телефонный разговор и почти поволокла его в кухню. Мы сели за обеденный столик, и я стала ждать. "Я хочу кое-чем поделиться с тобой, - сказал он. - Нечто чудесное произошло сегодня утром".

Он пытался говорить, но я видела, что чувства переполняют его. Я никогда его таким не видела. Уолтер был солидным, уверенным, очень надежным; он редко проявлял какие-либо чувства. Но теперь, всякий раз, как он открывал рот, чтобы сказать, его глаза наполнялись слезами. Наконец он взял меня за руку, и мы просто сидели, глядя в кухонное окно, ожидая, когда его чувства утихнут. Наконец он обрел способность говорить, хотя и запинаясь, с длинными паузами между фразами, словно он боролся, чтобы удерживать под контролем свой голос.

"В комнате было много пасторов, - мягко сказал он, - и председатель комитета по планированию пробуждения начал говорить. И тогда этот стройный, седой человек, доктор Шулер, вошел в комнату. Его волосы были, как непричесанная грива, словно гало, окружающее его голову. Но было еще нечто, окутывающее его, - аура, сияние. Все пасторы в комнате замолчали в тот момент, как он вошел. Наступила мертвая тишина. Мы поняли, все мы поняли, что Святой Дух вошел вместе с этим человеком. Наконец, я заговорил и сказал:

"Почему бы нам всем не преклонить колени и не помолиться?" И тут же все в комнате встали на колени. Я не знаю, что случилось. Все, что я знаю, это то, что в самом воздухе было нечто в той комнате, что вело наше поклонение. Я никогда не ощущал присутствие Божье с такой силой".

Уолтер закончил говорить, все еще, очевидно, пораженный этим переживанием. И тут настал мой черед. Так мягко, как я только могла, я рассказала ему, что случилось со мной всего неделю назад. Он сидел и слушал, серьезный и молчаливый. Я все говорила, рассказывая ему, как молились женщины из моей группы, повествуя о собрании и, наконец, о моем переживании в зале "Вашингтон Хилтон", когда Кэтрин Кульман дотронулась до моего запястья.

Он просто сидел и кивал, словно все знал об этом. Я поняла, что Бог подготовил его в то утро посредством встречи со служителями и через шокирующее переживание, так чтобы вне зависимости оттого, что я скажу, Уолтер был бы готов принять это, как напрямую от Господа.

"Была ли ты исцелена?" - спросил он.

"Я не знаю, - сказала я с улыбкой. - Я не задумывалась об этом. Все, что я знаю, это то, что депрессия ушла. То ужасное облако, в котором я жила, исчезло. Стремление быть совершенной ушло. Неспособность принять себя как несовершенную и в душе и в теле, все это ушло. Я свободна".

"А как ты себя чувствуешь физически?" - допытывался Уолтер.

"Чудесно, - сказала я. - Я прекратила прием всех препаратов и антибиотиков. Впервые за много лет у меня есть новая сила и энергия".

"Я полагаю, ты была исцелена, - сказал Уолтер, и его глаза снова наполнились слезами. - Я думаю, тебе надо пойти к врачу, и пусть он проверит для гарантии".

На следующей неделе я снова была в кабинете врача. Последовали рентгеновские снимки и обследования. Спустя два дня я сидела напротив его за столом.

"Что с вами случилось, миссис Гаммельт?" - спросил он.

"Я думала, что вы это спросите", - улыбнулась я. И я рассказала ему в деталях, что произошло.

Он долго сидел и смотрел на стену, где висели его медицинские сертификаты. Наконец он взял папку со стола. "Я закрываю картотеку вашей болезни, - сказал он. - Вы полностью исцелены. Нет признаков никакой болезни почек, только соединительная ткань от прошлых повреждений. Если у вас будут какие-либо проблемы с почками, то это будет совершенно новая болезнь".

Я хотела плясать от радости, и позднее я так и сделала. Никаких лекарств, никаких опухолей, кровотечений, никакой слабости! Теперь я могла жить нормальной, здоровой жизнью, как жена и как мать. Я знала, что мог чувствовать Лазарь, когда он, щурясь выходил на солнце.

Моя жизнь была восстановлена. Да будет вся слава Богу!

В течение трех месяцев мой вес поднялся от 97 фунтов (44 кг) до 157 фунтов (71 кг). Впервые в моей жизни мне пришлось сесть на диету.

И произошло еще нечто. Приняв Святого Духа в свою жизнь, я смогла также принять и себя такой, какая я есть. Мое напряжение сменилось благодарением. Мигрень исчезла. И не только мое тело было восстановлено, но и мой ум был обновлен. Аллилуйя!

Спустя шесть месяцев я смогла вернуться к работе. Это была новая Джо Гаммельт, которая входила в здание "Сэм Рэйберн" на Капитолийском холме. Я давала обещание Господу, что если Он позволит мне вернуться на работу, я буду отдавать Ему большую часть заработка. Я пошла работать к конгрессмену из Кентукки, желая быть "просто секретаршей", освободившись от всяких стремлений быть на вершине, быть совершенной. В течение короткого времени все девушки в офисе приняли Иисуса как своего Спасителя, а половина из них была крещена Святым Духом. Я никогда не осознавала силы Святого Духа свидетельствовать об Иисусе.

В то время, как я вернулась к работе, мы с Уолтером и Гордоном предприняли совместное маленькое путешествие. Первым же вечером вне дома я пошла в ванную в мотеле, чтобы помыть волосы. Уолтер и Гордон сидели в спальне и смотрели телевизор. Когда я провела руками с шампунем по голове, я почувствовала нечто новое в структуре моих волос. Я подняла взгляд от раковины, смахнула пену с глаз и поняла, что кожа вокруг моего лица стала толще. У меня начали расти новые волосы. Парик можно было спрятать в шкаф.

Люди стали приходить ко мне за советом. Раньше я всегда была слишком слабой, чтобы помочь им. Теперь я могла поделиться личным опытом общения с Богом, Который показал Свою любовь и силу. Я начала проводить долгие часы на коленях в молитве, с открытой Библией, лежащей около меня. После этого на ковре буквально оставались вмятины, когда Господь учил меня, стоящую на коленях, и давал мне абсолютно новый молитвенный язык. А весной, где-то через год после того, как я была исцелена, у меня была слабая инфекция мочевого тракта. Я знала, что когда Бог исцеляет, Он исцеляет навсегда. Но старый страх снова пришел и зарычал на меня, и я побежала к доктору.

Он обследовал меня, затем встал, держа руки на бедрах, и сурово посмотрел на меня. "У вас незначительная инфекция мочевого пузыря, - сказал он. - Я говорил вам, когда вы были здесь в последний раз, что если у вас будут еще проблемы с почками, то это не будет старая болезнь. Вы были исцелены".

Я ушла из кабинета врача, получив нагоняй, но полная благодарности. Вашингтон никогда не был таким красивым. Вишни вокруг пруда были в полном цвету, трава на газонах сочно-зеленой, и даже тюльпаны снова цвели у здания "Сэм Рэйберн". Белый купол Капитолия сверкал на фоне лазурно-голубого неба. Люди спешили на работу, клаксоны автомобилей гудели, на дорогах царил оживленный движение. Все было по-старому, как и в течение многих лет. Только я была иной. Пятидесятница пришла ко мне!

Глава 11. Однажды я умирал... - Кейт Пурдью

В течение последних нескольких лет Кейт Пурдью путешествовал с пианистом Роджером Вильямсом, как барабанщик в его группе. Он родился в Альбукерке, штат Нью-Мексико, изучал музыку в Консерватории Новой Англии под руководством эксперта-ударника для работы в Бостонском симфоническом оркестре. Сейчас он живет в пригороде Лос-Анджелеса.

Я только что закончил сезон в качестве ударника в симфоническом оркестре города Мобил (штат Алабама) и осенью 1968-го переехал в квартиру на Голливудском бульваре в Голливуде, Калифорния. Однако прежде чем подписать контракт, который дал бы мне, наконец, место барабанщика в группе Роджера Вильямса, я решил удалить несколько бородавок.

Я открыл "Желтые страницы" и нашел первого в списке дерматолога - доктора Самуэля Эйриса. Его офис был на бульваре Вилшир, как раз за парком.

Бородавки были обычным делом, и я не ожидал никаких проблем. В кабинете врача я случайно упомянул родинку на внутренней стороне моей правой руки, между запястьем и локтевым сгибом, которая недавно покраснела и воспалилась. Доктор Эйрис только взглянул на нее и сказал: "Ее надо удалить".

Он провел весьма основательное сечение, захватив очень крупный кусок ткани. Он сказал, что это - обычная предосторожность на случай, если опухоль злокачественная. Мне предложили вернуться через неделю, после того как они проведут биопсию.

Когда я вернулся, он провел меня в свой личный кабинет и предложил стул. "Мистер Пурдью, похоже, у нас проблемы. Я послал образец ткани трем ведущим патологам в Южной Калифорнии. Их сообщения о биопсии показывают, что все клетки злокачественные".

"Вот так дела! - присвистнул я. - Ну и что же делать? "

"Я рекомендую немедленную операцию и хочу направить вас к доктору Льюису Гиссу, весьма квалифицированному хирургу в Госпитале святого Винсента. Он сможет предложить вам свое заключение эксперта, как нам быть дальше".

Это не укладывалось в голове. Я всегда представлял себя бездетным молодым холостяком, путешествующим по всей стране, играющим в различных группах и симфонических оркестрах. Теперь же все могло перемениться и даже вообще закончиться.

Доктор Гисс назвал болезнь "меланомой" ("черный рак") самой серьезной формы, распространяющейся через лимфатические узлы. Он надеялся, что поражение не пошло пока дальше моей руки, но заявил, что оно, возможно, уже распространилось по всему телу, особенно в ткани шеи и груди. Немедленная операция была необходима.

"Есть ли риск, что моя рука атрофируется, когда вы перережете мускулы?" - спросил я.

Профессиональный барабанщик, не имеющий полной чувствительности рук, - это все равно, что птица с одним крылом.

"Нынче, - сказал доктор Гисс, - мы используем новый метод, при котором мы не перерезаем мускулы, но просто отрезаем кожу, вынимаем мускулы и рассекаем лимфатические узлы. Я не думаю, что вам стоит беспокоиться о потере двигательной способности руки".

Я как-то не почувствовал, что он уж очень оптимистически настроен. Прежде чем уйти из офиса, я дважды спросил его, и наконец он сознался, что хотя они могут спасти руку, он боится, что рак уже распространился по всему моему телу. Он мог поручиться на семьдесят процентов, что я выживу, если болезнь не зашла слишком далеко.

Я согласился на немедленную операцию, но прежде чем госпиталь сможет принять меня, мне нужно было внести триста долларов. У меня их не было. Я позвонил своей матери в Альбукерке и попросил ее дать денег. Сначала она подумала, что я дурачусь, когда я сказал ей о раке. Затем она осознала, что о подобных вещах не шутят. "Я приеду в Калифорнию", - сказала она.

"Нет, мама, - стал я отговаривать ее. - Нет необходимости в твоём приезде. Это будет для тебя слишком тяжело. Оставайся дома и вышли мне деньги".

Деньги пришли, но за неделю до того, как я должен был лечь в госпиталь, приехала и мама. В моей холостяцкой квартире не было телевизора. Мне нужно было по 5-6 часов в день репетировать на барабанах, и у меня не было времени смотреть на экран. Не зная, сколь долго мне предстоит оставаться в госпитале, и не желая, чтобы мать сидела взаперти в моей квартире без развлечения, я спустился по улице до мотеля и спросил, нет ли у них тихого

номера с телевизором. Мама не большая поклонница телевидения, но я знал, что ей нравится смотреть баскетбол. Это помогло бы ей скоротать время, пока я буду в госпитале. Мама позднее сказала мне, что она была разочарована, что я не дал ей остаться у себя в квартире, но оказалось, что это был Божий план.

В воскресенье перед моей отправкой в госпиталь мама встала около 7 часов утра и пошла в ресторан через дорогу, чтобы позавтракать. Ресторан был закрыт, и она вернулась в свой номер и включила телевизор. Как только телевизор прогрелся, еще до появления изображения она услышала слова "операция по удалению рака". Это изумило ее и немного напугало. Она уже довольно наслушалась о раке в последнее время и без телевизора. Она выключила его.

Затем она подумала: "А о чем же там шел разговор?" и опять включила телевизор. Она увидела Кэтрин Кульман, которая задавала вопросы маленькой девочке, исцеленной от лейкемии. Мама заинтриговано слушала. Она уже приготовилась записать адрес Кэтрин Кульман в Питсбурге, намереваясь написать ей и попросить помолиться за меня, когда диктор сказал: "А для тех, кто живет в районе Лос-Анджелеса, сообщая, что Кэтрин Кульман будет проповедовать в зале "Святыня" сегодня вечером".

В тот вечер мы с мамой сидели в машине. "Ты слышал о Кэтрин Кульман?" - спросила она. "Нет, а кто она?"

"Ну, я думаю, она что-то типа целительницы верой", - ответила мама. Потом я понял, что мисс Кульман не "целительница верой". Более того, она не любила использовать этот термин, подчеркивая всегда, что у нее самой нет силы кого-либо исцелить.

Но слова мамы "целительница верой" возбудили во мне негативное отношение. Мои родные были баптистами в течение нескольких лет, а затем стали прихожанами пресвитерианской церкви. Насколько я знал, все, что звучало как "чудесное исцеление", отдавало Элмером Гэнтри, шарлатаном, который манипулировал невежественными людьми, или же "радио- целителями", которые вопили в микрофон. В сущности, я был разочарован во всякой религии.

Казалось, что все пытаются навесить на людей кучу тяжелых правил, чтобы оправдать христианство. Я не хотел иметь с этим дело и был доволен тем, что удачно играю роль интеллектуального агностика. (Агностицизм - учение, отрицающее возможность познания мира. Оформилось в работах Юма и Канта. Прим. пер.)

Если и был Бог, то это была Его задача - доказать мне Свое существование. Я не пытался найти Его.

Однако когда мы с мамой говорили о мисс Кульман, что-то начало расти внутри меня, словно маленькая травинка, пробивающаяся сквозь черный асфальт на парковочной площадке. Я понял, что это надежда, лучик надежды. Может быть - просто может быть - во всем этом что-то было. Может, я смогу получить исцеление.

"Мисс Кульман будет в зале "Святыня" сегодня вечером, - сказала мама. - Не хочешь ли пойти и посмотреть?"

"Конечно, почему бы нет, - сказал я, - в конце концов, мне нечего терять".

Мы приехали к залу около трех часов. Когда мы въехали на площадку для парковки, служитель сказал: "Я возьму ваши деньги и дам вам припарковаться, но вы не попадете внутрь". Он показал на вход в здание. "Видите эту толпу? Служение началось более часа назад, а некоторые из них ждут с восхода солнца и все еще не могут войти".

"Что ж, мы проделали такой путь и конечно можем сделать последнюю попытку", - сказал я. Мы заплатили деньги и припарковали автомобиль.

Мы подошли ко входу в здание и начали пробираться сквозь толпу людей. "Из этого ничего не выйдет, - сказал один мужчина. - Я только что подергал за ручку - дверь закрыта. Они запирают двери изнутри после того, как зал полон. Единственный способ найти место, это дожидаться, когда кто-то выйдет раньше времени. Затем они выпускают людей по одному".

Мы поблагодарили его, но продолжили свой путь сквозь толпу, пока не добрались до двери. Я дернул за ручку, и дверь открылась. Мы с мамой быстро проскользнули внутрь, и дверь захлопнулась за нами. Я услышал, как лязгнул замок.

Я тогда не понял, что открытая дверь была вторым чудом в тот день. А первое было, когда мама включила телевизор.

Мы прошли по коридору и встали в одном из проходов, ведущих в гигантский зал. И хотя зал был полон людей - там было почти восемь тысяч человек - царила благоговейная тишина. К нам подошел служитель и прошептал: "Если вы подождете минутку, я найду вам пару мест рядом".

Я кивнул, и он отошел почти на цыпочках, чтобы не нарушать атмосферу поклонения. Глядя в прошлое, я вижу, что это было третье чудо; ибо если даже там и было свободное место в битком набитом зале, то не могло быть двух мест рядом. Но спустя несколько минут мы уже сидели под балконом слева в середине зала. Отличные места!

В зале царил мир. Все же, когда я тихонько сел, слушая, как мисс Кульман делала свои заключения, я почувствовал напряжение. Это было то же самое напряжение, которое я чувствовал на Среднем Западе во второй половине жаркого летнего дня, как раз перед началом грозы - ощущение заряженного воздуха, словно молекулы танцуют в атмосфере, готовые соединиться в едином потоке безумия, которое вскоре взорвется силой.

Мисс Кульман ходила взад и вперед по сцене. Она не кричала и не вопила, как я предполагал.

Она даже не проповедовала, просто говорила. Она сказала: "Я не хочу, чтобы кто-либо выходил сюда на сцену, пока он не будет исцелен".

Удивительно, думал я про себя. Я представлял себе, как она возлагает руки людям на лоб, вибрируя и дрожа, выкрикивая повеления, чтобы Господь исцелил какого-нибудь бедолагу. Этого не было, но люди выходили и свидетельствовали, что они были исцелены, пока сидели на своих местах.

Многие из них падали на пол, когда мисс Кульман молилась за них. Я заподозрил, что они были подкуплены перед собранием - естественно, никто в своем уме не будет падать на спину таким образом. Внезапно посреди всего этого со мной стало происходить нечто. Со мной случилось то, о чем я мог бы побиться об заклад, что этого со мной не будет: я потерял контроль над собой. Я не эмоциональный человек, я очень циничен и скептически настроен, но я был в отчаянии. Цинизм, скепсис и отчаяние - плохие друзья. И я начал плакать.

Произошло еще кое-что. Я обнаружил, что не могу двигать руками и ногами. Но еще более поразительно - меня нисколько не беспокоило, что я сижу там парализованный. Фактически, это было чудесным ощущением. Позднее мама сказала мне, будто мисс Кульман объявила, что кто-то исцелился от рака, но я не слышал этого. По сути дела, я немного услышал тогда.

Когда это чудесное чувство прошло, пришло новое ощущение, убеждение - сильное убеждение, что у меня больше нет рака.

Я ни слова не сказал маме, но она знала, что со мной что-то происходит.

Она повернулась и прошептала: "Ты хочешь подняться на сцену?"

Я не хотел идти на сцену. Но прежде чем я осознал это, я уже был на ногах, а мама была рядом со мной.

К нам подошел служитель. "Вы были исцелены?" - спросил он. Мама ответила звонким голосом: "Да, он был исцелен от рака".

Не было никакого внешнего свидетельства исцеления - только внутреннее глубокое чувство. Тот вид рака, что был у меня, не вызывал боли, по крайней мере на той ранней стадии, на которой я был. Поскольку не было боли, которая могла бы уйти, то я, действительно, не мог доказать, что я исцелен. Но у меня было внутреннее глубокое чувство здоровья.

Служитель посмотрел на меня и снова задал вопрос: "Вы были исцелены?"

Я осознал, что шел, пошатываясь, и говорил невнятно. "Да, я думаю, что так", - сумел я выдать из себя.

Затем я оказался на сцене. Мисс Кульман подошла ко мне.

"О, как чудесно", - сказала она и протянула руку, чтобы помолиться. Следующее, что я понял, это то, что я лежу на полу, смотрю вверх на потолок зала "Святыня". Мои руки были подняты над головой. Я увидел, что пальцы мои согнуты, скрючены и сжаты.

Моей первой мыслью было: "О мой Боже! Я парализован. Я обменял свой рак на какой-то вид ужасного паралича". Затем началось электрическое покалывание в верхней части моего тела, и я подумал, что у меня сердечный приступ. Но это чувство было приятным, и, наконец, я перестал волноваться и просто лежал там, пребывая в совершенном покое. Наконец кто-то помог мне подняться на ноги. Мы с мамой вернулись на наши места, а затем вышли из зала.

Спустя несколько минут после того, как мы вышли из здания, я уже был в состоянии разжать пальцы и легко двигать руками.

Когда мы ехали домой, мама отметила, что я выгляжу гораздо моложе. Я сказал ей, что я чувствую такое счастье, словно маленький ребенок. Я был почти что заново рожден.

"Ты хочешь пойти на операцию?" - спросила она. "Да, почему бы нет", - сказал я. Но чувствовал, что в действительности это не нужно. Совсем не нужно. Я пошел в госпиталь в четверг. Моя операция была запланирована на 7.30 на следующее утро. Они подготовили меня к операции, обмазали красной пастой, ввели глюкозу в мою левую руку и дали мне анестезию. Следующее, что я услышал, были слова медсестры: "Вы в палате для выздоравливающих".

Затем меня перевели в мою палату. Там была мама. И папа тоже был там, он приехал из Альбукерке. Я посмотрел на свою руку и увидел, что она помещена в шину. Я размышлял, не парализована ли она.

Спустя несколько дней пришел доктор, чтобы удалить шину и швы. "Что ж, у нас хорошее сообщение, - сказал он. - Биопсия полностью негативная. Мы не нашли никакой злокачественности".

Я не был удивлен, но мне нужно было спросить его. "Я знаю, что первая биопсия выявила тотальную злокачественность".

Он пожал плечами. "Это так, но когда вы пришли снова, все было в порядке. Я не думаю, что у вас будут какие-либо проблемы".

Клетки, бывшие злокачественными ранее, стали доброкачественными, плохое стало хорошим.

Это было внешнее проявление того, что произошло в гораздо более глубоких областях моей жизни. Я хотел уверовать, если получу убедительное свидетельство. И оно было дано неопровержимым образом.

Есть много такого в вопросах о Боге, чего я не понимаю. Но я принимаю Его как Бога - Бога любви и силы.

Недавно я прочел в Библии историю о слепом, которого коснулся Иисус и который обрел зрение. Позднее, когда церковники того времени спросили его, кто такой этот Иисус, он ответил, и его ответ является по-моему одним из самых глубоких заявлений в Евангелии:

"Кто Он, я не знаю. Но я знаю одно - я был слеп, а теперь я могу видеть". Так что не приходите ко мне с просьбой дать вам теологические ответы.

У меня их нет. Все, что я знаю, это то, что когда-то у меня был рак, который очень быстро убивает, а на следующий день его не было. Однажды я умирал, а теперь я живой. Вот это я знаю.

Глава 12. Бренная жизнь - Марвел Лутон

Они женаты уже тридцать пять лет и живут недалеко от мексиканской границы в Чула- Виста, штат Калифорния. Двое их детей живут со своими семьями поблизости. Марвел владела и руководила маленьким салоном красоты, а ее муж Кларенс работал оператором

"Монотайпа" в сандиеговской газете "Юнион Трибун". И хотя миссис Лутон воспитывалась в семье методистов, вскоре после свадьбы она стала прихожанкой лютеранской церкви, куда ходил ее муж. После переезда из Мичигана в Калифорнию восемь лет назад они оба стали активными прихожанами местной Синодальной лютеранской церкви штата Миссури, а Кларенс был президентом общины.

Были сумерки, и красно-оранжевые лучи заходящего солнца светились над Тихим океаном, когда я запарковала машину перед нашим домом и пошла по тротуару. Я была утомлена после тяжелого дня, полного работа в моем салоне красоты. Странно, думала я, что автомобиль Кларенса стоит у подъезда, а в доме не горит свет.

Я открыла дверь и вошла в полутьму гостиной. Я слышала, как щебетали попугаи в клетках, стоявших на скамейках у окна. Кларенс лежал на софе. Сначала я думала, что он спит, но потом услышала, что он тихонько стонет. Я быстро подошла к нему и встала на колени. "В чем дело?" - спросила я.

"Я болен, - сказал он. Он попытался сесть, но его голова упала на мягкую ручку софы. - Меня рвало, пока в желудке уже ничего не осталось. У меня внутри словно огонь горит".

Я положила ему руку на лоб. Он был горячим. "Когда это началось?"

"По дороге с работы домой. - Он застонал и повернулся на софе, а его лицо исказилось от боли. Несколько наших сотрудников решили пойти пообедать. Все, что я съел, - это гамбургер и стакан молока, но у гамбургера был странный вкус. Я не задумывался над этим, пока не заболел. Я думаю, что у меня пищевое отравление".

"Я отвезу тебя в госпиталь", - сказала я, направляясь к телефону.

Доктор Эллиот, наш семейный врач, встретил нас в палате для неотложной помощи в Госпитале Райской долины в Нейшенал-сити. Анализы показали наличие ядовитого соединения в крови у Кларенса и в его почках. Его поместили в отделение для критических больных, где он пробыл пять дней. Постепенно силы вернулись к нему, но прошло еще четыре месяца, прежде чем он стал достаточно здоров, чтобы вернуться к работе. "Мы были близки к тому, чтобы его потерять", - сказал врач.

И хотя Кларенс сказал, что он чувствует себя отлично и может вернуться к работе в газете, я могла бы сказать, что он так и не пришел в норму.

Спустя десять месяцев, в апреле, мне позвонила моя мать. Ее беспокоил артрит, которым были поражены мои руки. "Марвел, друзья говорили мне о женщине, которая проводит "служения с чудесами" в Лос-Анджелесе. Я понимаю, что Бог часто исцеляет людей на этих собраниях.

Одно из них назначено на это воскресенье в зале "Святыня". Не хочешь ли ты сходить? Может, Бог вылечит твой артрит".

Мы с Кларенсом еще поспорили о всяких пустяках, и я стала искать повод, чтобы уйти из дома. Не говоря Кларенсу, куда я иду, я поехала со своей матерью в Лос-Анджелес, посетила служение и вернулась домой тем же вечером. Ближе к ночи, стоя у раковины на кухне, я заметила нечто странное, произошедшее с моими руками. Припухлость ушла, а вместе с нею и боль. Кларенс сидел за столом и пил молоко из стакана. "Кларенс, посмотри на мои руки!" - воскликнула я.

Он подошел к раковине. "Смотри-ка, припухлость исчезла. Ты нашла нового доктора?"

Вместо ответа на вопрос я спросила: "Ты веришь в чудеса?"

"Пожалуй, что да, - сказал он, - но какое отношение они имеют к этому?"

Я рассказала ему, где я была, и что, очевидно, случилось. Он был весьма заинтересован и решил пойти со мной в следующем месяце на собрание в "Святыню". В июле сходил и наш пастор с женой. Он проявил энтузиазм по отношению к собранию и даже предложил, чтобы мы начали проводить служения исцеления в нашей лютеранской церкви. Мы с Кларенсом были несколько скептически настроены. Я была довольна служением в Лос-Анджелесе и была признательна за исцеление, но у меня были опасения по поводу изменения наших

традиций в лютеранской церкви. Однако наш пастор был весьма возбужден. "В сущности, - сказал он, - я сам хочу иметь помазание Святого Духа".

Почти через год после первого приступа болезни Кларенс взял меня пообедать в маленький китайский ресторан в бухте Сан-Диего. Мы оба напряженно работали все время, и подобные "вылазки" были редкими. Нам понравилась пища и атмосфера отдыха. Однако около двух часов ночи Кларенс разбудил меня, когда он с трудом ковылял в ванную, испытывая сильную боль. Когда он вернулся в кровать, стало очевидно, что это не обычное расстройство желудка.

Он был отчаянно болен, с сильной болью, жаром и распухшим животом.

Заподозрив пищевое отравление, я тут же позвонила доктору.

Он отправил нас в палату экстренной помощи в госпитале, где у него взяли кровь для анализа.

Однако на сей раз анализ не выявил яда в организме, и медсестра позвала доктора, чтобы отдать ему результаты тестов. Он сразу же пришел, и поскольку госпиталь был заполнен больными, сделал Кларенсу болеутоляющий укол и велел мне забрать его домой, но привезти обратно в кабинет утром в 9.30.

Кларенс посмотрел на медсестер, затем на меня и покачал головой. "Что-то не в порядке у меня внутри, - сказал он, - нельзя ли мне остаться здесь?" "Простите, мистер Лутон, - сказала одна из медсестер, - но нет свободных коек, а вы не можете оставаться здесь, в палате неотложной помощи. Через несколько минут укол начнет действовать, и вам станет легче. Пусть ваша жена отвезет вас домой".

Он нехотя согласился. Мы не сомкнули глаз остаток ночи.

Майк, наш сын, живший поблизости, согласился отвезти Кларенса в кабинет доктора к 9.30. Я ушла на работу двумя часами раньше. Поскольку мой салон красоты находился как раз рядом с офисом доктора, я ожидала, что получу известия от Кларенса, как только закончится обследование. Но этого не случилось. После обеда я позвонила доктору и поговорила с медсестрой.

"Мистер Лутон поступил к нам с очень распухшим животом сегодня утром, - сказала она, - и его кожа была желтого цвета. Доктор Эллиот прямо в палате поместил его под капельницу. К полудню он забрал его в госпиталь".

Поскольку Госпиталь Райской долины был полон, Кларенс стал пациентом в Главном госпитале Бухты в Чула-Висте. Его болезнью оказался панкреатит, инфекция поджелудочной железы. Опухоль постепенно спала, и примерно через две недели прошла желтизна глаз и кожи, так что ему позволили уехать домой.

Очень слабый, едва в силах выбраться из постели, он продолжал терять в весе. Меньше чем за месяц его вес изменился с 209 до 162 фунтов (с 95 до 73 килограммов). В это время вернулись сильные боли и живот снова опух. Я повезла его к доктору.

Рентген выявил крупную массу в области поджелудочной железы. Так Кларенс снова оказался в госпитале, на сей раз для операции с целью исследования.

Наш пастор был со мной, когда Кларенс вернулся с операции. Он беседовал с Кларенсом за несколько минут до того, как его увезли в операционную. Кларенс говорил о смерти и сказал, что он готов отбыть в мир иной. Почему Кларенс стал говорить о смерти? После того, как пастор ушел, я начала сомневаться: не знал ли он чего-то, с чем не поделился со мной?

Было 8 часов вечера, когда хирург позвонил мне. "Ваш муж выжил после операции, - уверил он меня. - Но я не могу не сказать вам что-то еще. Его поджелудочная железа - это одна сплошная опухоль".

"А вы не могли бы удалить ее?" - спросила я, осознавая, что мало смыслу в хирургии.

"Нет, - ответил он. - Мы боялись трогать ее - даже для биопсии - из страха, что он умрет от потери крови прямо на операционном столе. Однако мы проанализируем дренаж из крупного гнойника и тогда сможем сказать, злокачественная или доброкачественная опухоль".

"Пожалуйста, доктор, - сказала я, чувствуя, что с трудом выговариваю слова. - Мне нужно услышать это на языке, который я смогу понять".

На другой стороне линии наступила длинная пауза.

"Мы оставили дренажные трубы в боку вашего мужа, - медленно проговорил доктор. - Но все, что я могу сказать вам, миссис Лутон, это то, что дни его сочтены. Это все".

В ту ночь я сидела у кровати мужа. Кроме двух трубок, выходящих у него из бока и исчезающих под постелью в каком-то высасывающем агрегате, у него была трубка во рту, которая шла в горло, еще одна в носу и третья в руке. Это была долгая, одинокая ночь. Я сидела и обдумывала все перипетии нашей совместной жизни. Мой дедушка был методистским служителем, и корни моей веры были глубокими. Но мать Кларенса полагала, что если ты не лютеранин, то у тебя нет шансов пойти на небо. Я негодовала, когда мать Кларенса давила на меня, побуждая уйти из методистской церкви и вступить в лютеранскую. Но чтобы порадовать Кларенса, удержать мир в семье и просто на случай того, что моя свекровь права насчет небес, я вступила в лютеранскую церковь. Это было тридцать пять лет назад, в Мичигане. С того времени почти вся моя горечь по отношению к его матери ушла, и, казалось, мы наконец остепенились, чтобы в покое прожить остаток жизни здесь, в Калифорнии. И вот теперь такое.

Я посмотрела на Кларенса, лежавшего без движения. Обе его руки были привязаны к рейкам кровати, чтобы он не мог дергаться и вытащить трубки. Постоянно жужжала и свистела помпа под кроватью, и в палате был странный запах.

Кларенс слегка пошевелил головой, открыл глаза и увидел меня. Он кивнул, улыбнулся, а затем снова заснул. Я сидела и смотрела на его руку. Конец его большого пальца был отрезан в производственной аварии много лет назад. Я вспомнила, как я тогда суетилась вокруг него, говоря ему, что Бог что-то хочет сказать ему и что он слишком упрям, чтобы слышать. Теперь я пожалела, что тогда говорила так.

Казалось, что наша совместная жизнь была постоянной битвой, заполненной спорами и недопониманием. Теперь все наши разногласия были забыты. Все, что я знала, это то, что я люблю его и не представляю, как смогу прожить без него. "Дорогой Господь, пожалуйста, не дай ему умереть". Я положила лицо в ладони, чтобы медсестры, снующие вокруг, не видели, как я плачу.

За палатой я слышала болтовню и смех медсестер, уходящих с работы. Как могут они просто так выходить из этого дома скорби и смерти и забывать о тех, чья жизнь несколько минут назад зависела от них? Я хотела закричать: "Как смеее вы быть счастливыми? Разве вы не знаете, что мой муж находится между жизнью и смертью?"

Дверь лифта закрылась, унося с собой их смех. И теперь я сидела одна, ожидая, и со мной были только мягкое насвистывание кислорода, жужжание всасывающей машины и удары моего собственного сердца.

Тут в дверь кто-то тихонько постучал. В палату молча вошла одна из сестер из предыдущей смены и закрыла за собой дверь.

"Я думала, что вы ушли домой, - сказала я, глядя на часы, - уже больше одиннадцати".

"Я дошла до парковочной площадки, и тут Бог сказал мне вернуться обратно", - ласково сказала она.

"Бог?"

"Я не буду пытаться объяснять сейчас, - мягко улыбнулась она, - но вы не будете возражать, если я помолюсь за вашего мужа, прежде чем уйду?"

"Почему бы нет, я не возражаю", - сказала я, вставая. Но внутренне я изумилась. Это было странным. Я никогда не слышала раньше о медсестрах, молящихся за пациентов, и уж тем паче когда их смена закончилась. Но все же она намеренно вернулась сюда.

Она протянула руку и осторожно положила ее на плечо Кларенса. "Господь Иисус, - мягко сказала она, - мой друг так болен. Только Ты можешь помочь ему. Пожалуйста, коснись его тела и исцели его для Твоей славы. Аминь".

Она посмотрела на меня, и ее лицо было влажным. Едва заметно улыбаясь, она ушла. Я слышала приглушенные звуки ее резиновой обуви на полированной плитке пола, когда она шла по длинному коридору.

Я подошла к постели Кларенса и заметила слезинку, блестевшую на планке кровати, сделанной из нержавеющей стали. Я потянулась стереть ее, но решила позволить ей остаться.

Я хотела, чтобы она осталась там навсегда, как я думала, в качестве напоминания об этой милой молодой девушке, которая проявила такую заботу и вернулась.

Я оставалась у Кларенса до трех часов утра, а затем вернулась на следующее утро с Майком и нашей дочерью Джанет, которая жила в городе Лейквуд. Доктор Эллиот встретил нас у палаты Кларенса в 10 часов. По сути, он сказал нам то же самое, что и хирург сообщил по телефону за день до этого. "Кларенс очень, очень болен. Возможно, он не выживет из-за опухоли на его поджелудочной железе".

"А опухоль злокачественная?" - спросил Майк.

"Мы не знаем. Мы сейчас не можем сказать, поскольку не смогли сделать биопсию. Однако это не важно на данной стадии, поскольку доброкачественная опухоль тоже может убить, если она поражает жизненно важный орган. Похоже, что это один из таких случаев".

"Сколько он еще протянет?" - спросил Майк.

"Мы будем пытаться продлевать ему жизнь день за днем. Это все, что я могу обещать вам", - сказал доктор.

Спустя два дня моя старая подруга Мэри Терпин позвонила мне. Мэри работала в офисе какого-то врача, и я часто укладывала ей волосы в салоне красоты.

"Марвел, - сказала она, - я знаю, это звучит странно, но я хочу узнать, не могла ли бы ты встретиться со мной в госпитале. Я хочу повидать Кларенса".

Был поздний вечер, и я знала, что время посещения больных уже закончилось, но я почувствовала срочность в голосе Мэри, поэтому я согласилась встретиться с ней. Мэри была в холле у двери Кларенса, когда я приехала. Она была женщиной средних лет с мягкими, нежными чертами лица, и в руке у нее была большая Библия.

"Бог велел мне позвонить вам, - сказала она, - Он сказал мне прийти сюда и прочесть место из Писания Кларенсу, а затем помолиться о его исцелении".

Бог велел ей позвонить? Это было для меня чем-то новым. И хотя я активно участвовала в церковных делах всю свою жизнь, я встречала очень немногих людей - исключая некоторых пасторов и миссионеров - которые уверяли, что слышали голос Бога. И вот в этом госпитале я говорила с двумя из них.

Мэри прочитала стих из псалма, а затем легко положила руку на руку Кларенса и помолилась за него.

Кларенс был накачан препаратами, но когда Мэри кончила молиться, он открыл глаза и сказал: "Как здорово. Пастор сегодня был уже дважды. Последний раз он причащал меня. Я не против смерти. Я готов умереть".

"Я здесь не для того, чтобы подготовить вас к смерти, - мягко сказала Мэри, - я молилась, чтобы Бог восстановил вашу жизнь".

"Это мило тоже, - сказал Кларенс, а его губы плохо двигались, и голос был едва слышен из-за трубок, - маленькая медсестра-католичка вошла несколько минут назад и измерила мое кровяное давление. Затем она помолилась за меня. Видимо, многие молятся за меня".

И число молящихся все возрастало. Спустя неделю, когда я пошла навестить Кларенса, он сказал мне, что одна из медсестер только что вышла. "Она член церкви Ассамблей Божьих, - сказал он. - Она приходит сюда по несколько раз на день и молится за меня. Сегодня утром она сказала мне, что у нее был сон по поводу меня прошлой ночью, и она встала в 2.30 ночи и молилась за меня. Она использует особый "молитвенный язык" во время подобных случаев, и, по ее словам, молилась почти весь остаток ночи".

"В половине третьего утра?" - Я покачала головой, удивляясь, почему она молилась не в дневное время, когда это более удобно делать.

"Ага, - сказал Кларенс, - и я тоже проснулся в 2.30. Я думал, что умираю, такие сильные боли были, но через час или около того они ушли, и я почувствовал себя немного лучше".

Но все же я видела, что состояние Кларенса ухудшается. Швы на его разрезе не заживали, и дренаж из трубок в его боку шел постоянно. Отверстие для дренажа тоже не зажило, и часто жидкость сочилась вокруг трубок. Эта жидкость была словно едкая щелочь, и ее нужно было сразу стирать с кожи, иначе она разъедала ее. Повязка была дорогой, и ее надо было менять по несколько раз в час. А запах... Доктора сказали, что это нормально в подобных случаях, и потому они оставили его одного в палате. Ни один пациент не смог бы вытерпеть этот ужасный запах.

Порой его температура подскакивала, и медсестрам приходилось яростно работать, погружая его в алкоголь и запаковывая его тело в лед, чтобы сбить жар. Это были те же медсестры, которые приходили молиться. Католички из Ассамблей Божьих, из Церкви Божьей, белые и темнокожие - они проскальзывали в палату, брали его за руку и говорили: "Мистер Лутон, можно я помолюсь за вас?"

Несмотря на молитвы сестер, Кларенс был в госпитале уже восемнадцать дней, и его состояние постоянно ухудшалось. Он начал страдать от того, что врачи называют "госпиталитис" острой депрессии, вызванной страхом встретить смерть в госпитале.

"Лучше бы он был дома, - сказал доктор Шо, - мы сделали все, что можем сделать для него. Он будет более радостным в привычном окружении".

Мэри Терпин согласилась приходить как практикующая медсестра, чтобы заботиться о нем в течение дня, пока я буду на работе. Мы арендовали одну из всасывающих машин, чтобы подключить ее к трубкам в его боку, взгромодили ее на огромную стопку хирургических повязок и отвезли его домой на "скорой". Доктор велел мне следить за жизненно важными показателями Кларенса и дать ему знать, если в его состоянии будут изменения.

Разрезы оставались открытыми и сочились. Помпа высасывала примерно полгаллона жидкости в день, и еще оставалось много жидкости вокруг трубок. Весь дом наполнился зловонием.

Спустя три недели после того, как Кларенс вернулся домой, из трубок прекратилось течение, а его температура подскочила. Я позвонила доктору.

"Слушайте меня внимательно, - сказал он, - это трудно, но вы сможете сделать это. Возьмите обе трубки и осторожно вытащите их из тела, затем воткните их снова".

Я последовала его инструкциям, и из трубок потекло снова. Но иногда ночью трубки выходили совсем из тела, и когда он просыпался, то из дырок в его боку текло без трубок. Это была ужасная, зловонная, густая жидкость, содержащая комки, напоминающие разложившуюся ткань. Я отвезла мужа назад в госпиталь, где ему сделали еще укол. Стало очевидно, что у врачей не было никакой надежды. И хотя они аккуратно избегали говорить прямо, мы поняли, что у Кларенса рак и он долго не проживет.

Однажды вечером в моем доме зазвонил телефон. Это был торговец, который хотел знать, не желаю ли я купить место на кладбище. Сначала я подумала, что этот звонок - злая шутка, но затем поняла, что нет. Я ответила, что желаю, но предпочла, чтобы агент зашел в мой салон после работы, а не домой.

Спустя три дня я выбрала два места на кладбище "Глен Эбби". Я также выбрала гробы и тип похорон. Затем я подписала контракт и внесла вклад. Не оставалось ничего иного, как заботиться о Кларенсе, пока я в силах, и молиться. Я не знала в то время, но часто ответы Бога на наши молитвы приходят вполне естественными путями.

В ноябре незадолго перед Днем Благодарения моя мать позвонила мне. "Не думала ли ты отвезти Кларенса в "Святыню"? " - спросила она. Я созналась, что думала об этом, но ничего не предпринимала. Она настояла, чтобы я отвезла его.

Ранним утром в воскресенье, ровно за четыре дня до Дня Благодарения, я приготовила Кларенса, обложив его подушками, для двухчасового путешествия в Лос-Анджелес, поскольку малейший удар или толчок вызвали бы боль в его теле. Моя мать поехала с нами, и мы приехали в зал, расположенный всего в одном квартале от автострады в гавань около 10.30 утра.

Мы помогли Кларенсу сесть в инвалидную коляску и отвезли его вокруг здания к боковой двери, где другие пациенты в колясках уже выстроились в очередь. Немного погодя кто-то открыл дверь и впустил нас. Мы нашли места в секции для инвалидов колясок, примерно через шесть мест от прохода.

Кларенс продолжал жаловаться на острую боль, несомненно усилившуюся от длинного переезда. Когда началось служение и мисс Кульман вошла на сцену, никто из нас не обратил внимания на это. Кларенс постоянно вертелся на сиденье, пытаясь удобно устроиться, время от времени постанывая. Посреди всего этого я услышала, как мисс Кульман сказала: "Рак".

Я посмотрела вверх. Она указывала вниз, на секцию инвалидов колясок. "Встаньте и примите ваше исцеление", - сказала она. Я посмотрела на Кларенса. Он пристально взирал на мисс Кульман, но не двигался, сидя в своей коляске.

Мисс Кульман была настойчива: "Пожалуйста, встаньте и примите ваше исцеление". Затем мы заметили женщину, очевидно служительницу, которая ходила по проходу у нашей секции.

"Что она ищет?" - прошептал Кларенс.

Прежде чем я смогла ответить, она подошла к нашему ряду, прошла все пять сидений, посмотрела на меня и спросила: "А что у вас за проблема?"

"Никакой проблемы, - ответила я, - я привезла своего мужа для исцеления".

"Вы можете ходить?" - спросила она Кларенса. "Да, если мне помогут", - ответил он.

"Тогда выходите сюда в проход, сэр", - сказала она.

Кларенс посмотрел на меня с вопросом на глазах. "Иди, - прошептала я. - Они помогут тебе встать".

Он медленно встал на ноги. Люди, сидевшие между нами и проходом, помогли ему выйти, поддерживая его руками, когда он ковылял мимо них.

"Что у вас за проблема?" - спросила служительница.

"О, много всего, - ответил Кларенс, - у меня была операция на поджелудочной железе".

"У вас рак?" - спросила она.

Кларенс покачал головой, но помощница посмотрела на меня. Я живо закивала головой.

"Идемте со мной", - сказала служительница и пошла рядом с Кларенсом, поддерживая его.

Спустя несколько минут я увидела, как Кларенс и еще одна женщина поднимались на сцену по проходу. Я уже могла видеть, что с ним что-то произошло. Он больше не волочил ноги; его голова была поднята, а шаги тверды.

"В чем дело?" - спросила мисс Кульман, когда женщина привела его на сцену.

"Мисс Кульман, это - тот человек, который был исцелен от рака в секции инвалидов колясок".

"У вас были боли, когда вы приехали сюда?" - спросила она с живым выражением лица.

"Да, мадам, конечно" - ответил Кларенс, светясь от радости. "А сейчас болей нет, не так ли?"

"Нет, мадам, точно нет".

"Когда они прошли?"

"Как раз тогда, когда вы указали вниз и сказали: "Кто-то только что был исцелен от рака!"

Только я не знал, что у меня был рак. Но моя жена знала, и, я полагаю, что Бог знал тоже".

"Я полагаю, Он знал", - засмеялась мисс Кульман. Она была как маленький ребенок, который обнаружил любимую игрушку под рождественской елкой. Затем она протянула руку к Кларенсу и помолилась за него. Спустя несколько мгновений, он отшатнулся и упал на пол.

Я видела и прежде, как люди падают на собраниях Кэтрин Кульман и удивлялась, что заставляет их падать. На сей раз я узнала, что это была Сила Божья.

Когда Кларенс вернулся на свое место, я спросила его: "Ты был исцелен?"

"Верю, что так", - сказал он, двигая ногами и нажимая руками на живот.

Я была уверена, что он исцелен. Я могла сказать это по новому цвету его лица и по новой силе и жизненной энергии в его движениях. Он был совершенно иным человеком.

После собрания он толкал свою коляску и шел к автомобилю. "Я чувствую себя новым человеком, - сказал он. - Должен признаться, вы, женщины-водители, пугали меня всю дорогу сюда. Я думаю, что сам поведу машину домой". Поскольку прошло почти шесть месяцев с того времени, как он вел машину, мы все запротестовали. Он же был решителен и сам сел за руль. Если мы пугали его, когда ехали в Лос-Анджелес, то он испугал нас почти до смерти ведя машину в Сан-Диего.

"Почему ты едешь так быстро?" - спросила я.

"Я хочу успеть на вечернее собрание в церковь, - сказал он. - Я хочу пойти туда и рассказать всем людям, которые молились за меня, что Иисус услышал их". И именно так он и поступил. Спустя четыре дня Кларенс съел первую плотную пищу с июня. Это был День Благодарения, один из самых значимых Дней Благодарения во всей нашей жизни.

На следующей неделе Кларенс пошел к доктору. После тщательного обследования доктор Эллиот просто покачал головой. "Это - медицинское чудо! - сказал он. - Нет другого объяснения".

Мы ждали с месяц, а затем Кларенс вернулся к хирургу для еще одного обследования.

Врач сказал: "Мистер Лутон, я не могу обнаружить у вас никаких отклонений".

Что ж, они могут называть это "медицинским чудом", если им так угодно. Но это нечто большее для нас. Это - чудо Божье. Медики сказали, что он умирает. Только Бог мог дать ему жизнь.

Глава 13. Лицом к лицу с чудом - Лоррен Гоген, репортер

После того, как моя статья о Кэтрин Кульман была опубликована, она написала мне письмо, приглашая на "служение с чудесами" в зале "Святыня" в Лос-Анджелесе. "Мы вместе будем удивляться тому, что сотворит Бог", - писала она.

И когда я приехала на собрание в "Святыню", прошел слух, что я писательница. "Возьмите у нас интервью", - стали просить дети на балконе, которые только что вернулись с "Экспо-72". Они хотели рассказать всему миру о своей преданности Христу. "Репортерам, похоже, все равно, - упрекнул один из детишек. - Если бы мы накурились травки или устроили погром, они сняли бы о нас фильм".

"Это печальный комментарий на сегодняшнюю жизнь", - согласилась я. "Но все меняется, - сказал человек средних лет, сидевший в соседнем ряду. - Недавно я принял Иисуса Христа как своего спасителя, и теперь меня слушают те, кто никогда раньше не слушал. Люди начинают прислушиваться".

Это так. Люди слушают и прислушиваются. Христианские книги продаются, как никогда раньше: количество проданных книг выросло с двадцати пяти до сорока процентов. Служения Кэтрин Кульман заполняют бездонную пустоту в сегодняшнем спрессованном, хаотичном мире. Люди с их глубокой, неутоленной жадью ищут, куда бы податься. Они знают: что-то не так, но не могут совладать с этим. Многие расшатаны духовно и физически, браки рассыпаются, падает самооценка. Люди теряют свою личностную цельность. Время летит, и они собираются в зале "Святыня", чтобы послушать об Иисусе, милости прощения грехов и о надежде.

Зал был набит битком. Молодые и старые (не было разрыва между поколениями), черные и белые (никто не намекал на политику или расизм) - семь тысяч счастливых людей были

переполнены радостью. Воздух был напоен эмоциями и благоговением. Я ощущала это. Все, кто мог встать, поднялись на ноги, когда запел могучий хор и вышла Кэтрин Кульман. Они начали гимн "Как Ты велик", и семь тысяч пар рук устремились в небеса. Я видела радость на лицах, когда боль мгновенно оставляла их.

Каждое "собрание с чудесами" дает нечто особенное каждому из присутствующих.

Некоторые получают чудесное исцеление, другие отдают Иисусу свои сердца. Редко кто уходит ни с чем, кто не был затронут духовно. Особенным благословением для меня на этом собрании стала встреча с живым чудом - Джуди Льюис, которую мисс Кульман пригласила на сцену.

Джуди посетила собрание в прошлом месяце в инвалидной коляске. Ее привели из Хьюстона ее босс Раймонд Мак-Дермотт и капитан хьюстонской полиции Джон Леврие.

"Джуди не была исцелена во время служения, - сказала мисс Кульман аудитории. - Но после собрания эти двое мужчин привезли ее за кулисы. Пока они молились, повернувшись спиной к Джуди, она встала из инвалидной коляски и не только пошла, но и побежала, - мисс Кульман засмеялась. - Вы, друзья, все ушли по домам. У нас было свое "служение с чудесами" за кулисами, прямо в моей гримерной".

Мое любопытство было возбуждено. Я слышала о хромы, которые стали ходить, но это было только когда Иисус был на земле. Неужели это еще происходит?

Неужели Иисус все еще исцеляет людей, даже тех, кто прикован к инвалидной коляске? Если бы я только могла лично встретиться с Джуди Льюис, думала я. Если бы только могла столкнуться лицом к лицу с чудом. Тогда я была бы уверена.

На следующее утро один из помощников мисс Кульман позвонил мне. Я едва могла верить своим ушам. Чувствуя, что я скептически настроена, мисс Кульман захотела, чтобы я встретилась с Джуди Льюис и взяла у нее интервью. Конечно, я не могла отказаться от встречи с Джуди!

Был жаркий, влажный августовский день, когда я ехала из Сан- Фернандо-Вэлли через холмы в отель "Сенчури Плаза". Я позвонила из холла, и Джуди ответила. Да, они с мистером Мак- Дермоттом ожидали меня. Я заметила ее издали - высокую, подтянутую, худую женщину лет за сорок, бойко идущую, прихрамывая, по коридору. Она носила ярко-желтый брючный костюм, а ее длинные рыжие волосы были скреплены сзади пряжками. Подойдя ближе, она ударила себя по бедру. "Эти железяки удерживают меня немножко, но я двигаюсь", - сказала она шутя с чистым техасским акцентом.

Мы расположились в гостиной номера "люкс", и она представила меня Раймонду Мак-Дермотту, известному адвокату средних лет из Хьюстона.

"Я хожу еще, прихрамывая слегка, из-за этих стальных палок и штифтов в моем бедре, - сказала она, - но вам нужно было видеть меня месяц назад. Я совсем не могла ходить".

Исцеление произошло всего лишь тридцать дней назад, и Джуди была все еще восхищена тем фактом, что она снова может ходить. Вся эта убивающая боль и неудобства, связанные с болезнью, - они ушли навсегда. Она вынула цветные фотографии из сумочки: в инвалидной коляске месяц назад перед отелем "Сенчури Плаза" на пути к залу "Святыня"; в коляске в гримерной мисс Кульман перед началом "служения с чудесами". Затем она с радостью показала цветные снимки, сделанные сразу после исцеления. Она делала упражнения на веранде отеля!

"Милочка, я думаю, что все в отеле решили, что я сошла с ума. Но я была так возбуждена, что меня это не волновало. Я подходила к совершенно незнакомым людям и рассказывала, что со мной произошло чудо, именно со мной!"

Во время нашего общения мистер Мак-Дермотт тихонько сидел на стуле и улыбался. Я спросила его, действительно ли он верил, что Джуди будет ходить снова. "О да, - быстро заявил он. - Абсолютно. Я знал, что это случится. Из-за веры этой девушки я и сам подчинился Христу".

Джуди все еще болтала, показывая фотографии, похлопывая по бедру и восклицая: "Больше нет боли. Несколько недель назад я не могла и дотронуться до бедра. Боль была нестерпимой.

Но смотрите! Не больно!"

Наконец она остыла и рассказала всю свою историю - годы боли и несчастья, кошмар, в который превратилась ее жизнь.

А все началось одним ранним утром в 1952 году. Было 7.15, когда она склонила голову в молитве над баранкой своего новенького автомобиля. Будучи баптисткой с детства, она начинала каждый день с молитвы, прежде чем идти на работу - она служила секретаршей в центре Хьюстона. Она особо благодарила Бога за любовь своей матери и мужа Лестера, за которым она была замужем вот уже десять счастливых лет.

Движение было плотным в то утро, когда она остановилась на красный свет. В зеркале заднего вида, она увидела шестнадцатиколесный грузовик, несшийся на нее с ужасной скоростью. Было слишком поздно убраться с его пути. Раздался мучительный скрежет - и мир исчез. Грузовик, ехавший со скоростью более шестидесяти миль в час, буквально смял ее автомобиль, вбив его в стоявшую впереди машину, начав, таким образом, цепную реакцию, в которой пострадало пять машин. Джуди была сброшена на пол своего разбитого автомобиля, она получила серьезное ранение и потеряла сознание. Медсестра из толпы назначила наблюдателей, которые следили, чтобы Джуди не двигали, пока не приедет "скорая".

Спустя две недели Джуди очнулась, медленно и болезненно приходя в сознание в стерильной больничной палате. Ее шея и обе ноги были на вытяжке. Смутно она услышала незнакомый голос: "Боюсь, она больше не будет ходить".

Она не могла поверить в то, что услышала. Ей было двадцать восемь лет, и она не проболела ни одного дня в своей жизни. Что же случилось с ней? Почему она не могла двигаться?

Неужели все закончилось для нее в двадцать восемь лет? Она начала бороться на постели, и внезапно почувствовала что-то прохладное на лбу и услышала голос, который, как она настаивает по сей день, был голосом Иисуса, утешавшим ее: "Джуди, все будет хорошо".

"Только это обещание и поддерживало меня", - сказала она мне, когда вспоминала ужасные муки, следовавшие за этим. В списке ее повреждений были четыре разорванных диска (поясничных и шейных), серьезные повреждения шеи и обширное поражение центральной нервной системы.

В течение двух лет она периодически оказывалась в госпитале. В конце концов она стала ходить, но с очень сильной болью и волоча левую ногу. Потеряв работу, с развалившимся здоровьем, она была вынуждена оставаться дома. Ее жизнь сосредоточилась на двух самых важных для нее людях - ее матери и муже, который оставался с ней во время всего этого кошмара, - и на Библии.

Появились и другие аспекты в жизни Джуди, которых не было раньше, - постоянные хождения по госпиталям и кабинетам врачей. У нее была аллергия к обезболивающим препаратам и к снотворным таблеткам, поэтому она была вынуждена терпеть боль и бессонницу. Часто она бродила по дому по ночам, словно мистическое привидение, волоча одну ногу, цепляясь за стулья и стены, стараясь не разбудить мужа. С каждым шагом разбитые диски заставляли ее морщиться от ужасной боли.

Джуди пыталась приспособиться к изменившемуся образу жизни. Библия стала очень дорога ей, и она просила Бога давать ей силу на каждый день. По крайней мере у нее оставались мать и муж.

В сентябре 1960 года, когда Лестер устанавливал центральную систему отопления и кондиционирования воздуха в доме, он дотронулся до высоковольтного провода. Он закричал, чтобы кто-нибудь вырубил электричество, но прежде чем кто-то сумел добраться до выключателя, он был убит током.

Затем, еще до конца этого же дня, Джуди позвонили из госпиталя, где ее мать лежала с раком.

"Приезжайте сейчас же, - сказал доктор, - ваша мать умирает".

Джуди была непреклонна. Она не приняла приговора доктора. Напротив, она поехала в госпиталь и забрала свою мать домой. В течение трех последующих лет она преданно ухаживала за ней и кормила ее через трубочку в животе.

После смерти Лестера известный хьюстонский адвокат Раймонд Л. Мак-Дермотт стал заниматься делами Джуди. Он специализировался на тяжбах, связанных с личными увечьями, и уже помогал семье Льюис с претензиями, возникшими после аварии Джуди. Но их ждало разочарование. То, на что надеялась Джуди, оказалось чеком в пятьдесят тысяч долларов для покрытия стоимости лечения и госпитализации. С больной матерью на руках и лишённая доходов, Джуди почувствовала, как земля стала уходить из-под ног. Она знала, что ей нужно найти работу. Но где? Кто наймет женщину, которая испытывает постоянную боль и ходит, волоча левую ногу? Рэй Мак-Дермотт сказал, что даст ей работу.

Чтобы работать секретаршей адвоката, нужно было пройти специальное обучение, но мистер Мак-Дермотт был уверен, что она научится. Он уговорил ее взяться за дело.

Джуди сразу же приступила к службе. Каждый вечер она привозила домой тяжелые книги по юриспруденции и специальные формуляры для изучения. Продолжая ухаживать за матерью, она проводила бессонные ночи, штудировав документы по праву, пока не стала профессиональной секретаршей адвоката.

Христианская вера Джуди не была поколеблена, и когда она открыла, что несмотря на свою доброту и щедрость, мистер Мак-Дермотт не был христианином, она начала молиться за него, чтобы он принял Христа. Супруги Мак-Дермотт были счастливы в браке и имели шесть детей, которые посещали церковь. Джуди страстно желала увидеть их рожденными свыше. Однако прежде чем эта молитва была отвечена, еще одно несчастье выпало на долю Джуди. Жизнь Джуди дома словно вращалась вокруг кровати. После того, как ее мать умерла, она проводила большую часть времени в постели, читая, слушая радио и разговаривая по телефону. Только здесь она могла получить некое ослабление боли. Поздно ночью в мае Джуди пошла в ванную. На ее часах было 1.15. Она шагнула, почувствовала провод от электрической грелки под ногой, а затем, сильно дернувшись, свалилась на пол.

Следующее, что Джуди ощутила, была нестерпимая боль. Она попыталась сдвинуться, но не смогла. Она не знала, как долго была без сознания, но ее охватил ужас, когда в уме возникло слово "парализована". Она то приходила в сознание, то теряла его. Никто не услышал бы ее, даже если бы она закричала. Обнаружив, что может немного двигать правой рукой, она ухватилась за постельное покрывало и использовала его, чтобы подтащить себя к кровати и телефону. Каждый раз, когда она продвигалась вперед, она погружалась в черную, опаляющую разум кому. Джуди посмотрела на часы, когда дотянулась до телефона. Было 6.30. Она стянула телефон со столика и набрала номер оператора, чтобы попросить помощи. Затем она опять потеряла сознание.

В госпитале доктора обнаружили сильные повреждения. Рентген показал перелом бедра, три трещины в тазу и дополнительные повреждения позвоночника.

Часть одного из сломанных дисков упала в спинномозговой канал, заблокировав и ущемив некоторые нервы и ухудшив работу других. Потребовалась операция, чтобы скрепить ее кости штифтами, пластинами и заколками из нержавеющей стали. Когда Джуди поправилась, она обнаружила, что даже легкое прикосновение или давление на бедро вызывало болезненные мышечные спазмы. Она была парализована ниже пояса. Доктора не оставили ей надежды выбраться из инвалидной коляски или избавиться от боли.

Джуди не работала четыре с половиной месяца и вернулась в офис адвоката в инвалидной коляске. Ее левая нога часто дергалась в сильных спазмах, и нужно было несколько человек, чтобы удержать ее. Ее беспокоила потеря контроля над мочевым пузырем, и часто ей нужна была помощь другой женщины из офиса, чтобы отправиться в дамскую уборную.

Казалось, прошла вечность с тех пор, как где-то в другом мире она чувствовала ту холодную руку на своем лбу и слышала те утешающие слова: "Джуди, все будет хорошо". Действительно ли она слышала их? Действительно ли придет время, когда Иисус сделает так, что все будет хорошо? Могло ли это означать исцеление? На ее вопросы не было ответа. Напротив, ей становилось все хуже и хуже.

Джуди попыталась уволиться с работы, но мистер Мак-Дермотт отказал ей. Каждое утро он заезжал за ней, и они вместе ехали на работу. Вечером он довозил ее до дверей дома. А затем начиналась сплошная мука до следующего утра. Часто Джуди втаскивала себя на кровать в одежде, истощенная и наполненная отчаянием.

Единственную твердую пищу она принимала в офисе. Дома она жила на кока-коле, и ее вес стал опасно снижаться. Ее ситуация казалась совершенно безнадежной. Впрочем, Джуди верила всем сердцем, что нет ничего невозможного с Богом, и более того, что все происходит ко благу тех, кто любит Бога. Она доверяла Ему.

Три юные племянницы Джуди были одним из немногих просветов в ее унылой жизни.

Периодически они проводили субботние вечера с ней, но даже с племянницами в доме Джуди проводила бессонные ночи, обычно читая Библию. Однажды субботней ночью десятилетняя Эми, которая спала наверху, проснулась и спросила тетю Джуди, что она делает. Джуди объяснила, что она читает о Святом Духе.

"А кто Он такой?" - спросила Эми. Джуди объяснила: "Тетя Джуди не может бегать, и прыгать, и играть, как ты. Но мое сердце наполнено радостью и благодарением, хотя я не могу достаточно хорошо выразить это для Господа. А Святой Дух видит эту радость и дает слова для Бога".

Благодаря работе в офисе адвоката Джуди познакомилась с капитаном Джоном Леврие.

Капитан Леврие, дьякон в Первой баптистской церкви, стал хорошим другом. Когда Джуди и мистер Мак-Дермотт узнали, что он поражен смертельным раком, они навестили его в госпитале.

Затем капитан Леврие был чудесным образом исцелен на собрании Кэтрин Кульман в Лос-Анджелесе. Его хорошо знали в Хьюстоне, и он стал свидетельствовать о своем исцелении и о новой силе Святого Духа в своей жизни по всему городу. Это было замечательно, и впервые Джуди узнала о возможности исцеления. Но ей становилось все хуже.

Когда она не смогла больше посещать церковь, ей пришлось довольствоваться домашним просмотром богослужений в Первой баптистской церкви по телевизору. Однажды в субботу, когда программа закончилась, она повернула коляску и собралась выехать из комнаты, как вдруг услышала голос, женский голос, который возвещал: "Я верую в чудеса". "Это был самый необычный голос, который я когда-либо слышала", - сказала мне Джуди. Она была шокирована, когда стала смотреть передачу. Она верила в молитву и чувствовала, что ее собственную жизнь ведет Святой Дух, но чудеса в телевизионной программе казались святотатственными. Однако именно через это служение был исцелен капитан Лаврие. Во всяком случае, ей следует подойти к этому непредвзято. На следующей неделе она купила обе книги Кэтрин Кульман: "Я верую в чудеса" и "Бог может снова это сделать".

Здоровье Джуди стало резко ухудшаться. Ее доктор (который был ее главным лечащим врачом с 1952 года) сказал ей, что за всю свою профессиональную деятельность он не чувствовал себя таким беспомощным. Из-за аллергии он не мог облегчить ее боли. Все, что он мог сделать, это выписать ей легкие лекарства, чтобы попытаться ослабить сильные мышечные спазмы, которые были у нее по несколько раз на день.

Часто Джуди проводила по две бессонные ночи кряду. Затем, на третью ночь, она погружалась в тяжелый нездоровый сон. Утром она была такой же уставшей, как и вечером, когда закрывала глаза; у нее не было аппетита, продолжалось сильное болезненное дрожание, а под глазами были большие темные круги. Жизнь вытекала из нее.

Затем Кэтрин Кульман приехала в Хьюстон для проведения "служения с чудесами". Капитан Леврие и мистер Мак-Дермотт убеждали Джуди посетить собрание, приглашая ее присоединиться к ним. Она приняла их предложение, и 21 июня 1972 года они отвезли ее в "Хофхейнц Павильон". Это произошло спустя двадцать лет после роковой аварии.

Довольно странно, что мысли Джуди были прежде всего направлены не на себя. "Я долго молилась за моего дорогого работодателя, - говорила Джуди, вспоминая тот день. - Даже больше, чем я хотела своего исцеления, я желала, чтобы он принял Иисуса Христа как своего личного Спасителя".

Джуди не была исцелена во время "собрания с чудесами". И мистер Мак-Дермотт не принял Иисуса. Джуди, однако, покинула собрание с глубокой внутренней уверенностью, что обе молитвы будут отвечены.

На следующей неделе мистер Мак-Дермотт вошел в кабинет Джуди, положил какие-то бумаги на стол и сказал: "Вы знаете, Джуди, я много размышлял. Я действительно хочу родиться свыше".

Джуди кивнула, переполненная радостью и не способная говорить. Однако, когда мистер Мак-Дермотт вышел, она воздала хвалу Господу. Бог уже ответил на ее первую молитву.

Интерес мистера Мак-Дермотта к Иисусу все возрастал. Он присоединился к капитану Леврие, и они строили планы взять Джуди на следующее "служение с чудесами" в Лос-Анджелес. Миссис Мак-Дермотт не собиралась ехать, а это означало, что Джуди придется просить помощи у совершенно незнакомых женщин. Но несмотря на опасения по поводу такого путешествия вдали от дома, она чувствовала, что будет исцелена. Она забронировала обратные билеты на самолет, куда не пускали людей в инвалидных колясках.

Последнее, что она сделала перед поездкой, она позвонила своей десятилетней племяннице.

"Пожалуйста, молитесь за меня в воскресенье, Эми, - сказала она. - Пожалуйста, молись, чтобы Бог исцелил тетю Джуди".

В день, предшествующий собранию, мистер Мак-Дермотт и капитан Леврие прибыли в отель "Сенчури Плаза". Мужчины помогли Джуди добраться до ее номера, прежде чем разошлись по своим номерам. Оказавшись в номере, она расплакалась, думая, как она сможет прожить предстоящий день без посторонней помощи. Когда она мучалась от боли, ее нога стала сильно дергаться. Посмотрев вверх, Джуди увидела свое отражение в большом зеркале - истощенная, высохшая, вцепившаяся в свою дергающуюся ногу. "О Господи, неужели я дошла до этого? - простонала она.

- Похоже, это конец, если завтра я не буду исцелена".

После обеда они пошли осматривать местность, но у Джуди была ужасная боль. Она была вынуждена просить помощи в туалете у женщины, которую не знала. Остаток дня был словно расплывающийся калейдоскоп - кошмарный путь по извилистым улочкам, который, казалось, никогда не кончится.

На следующее утро, в воскресенье, мужчины сфотографировали Джуди в коляске на фоне отеля. В зале "Святыня" они завезли ее за кулисы, где мисс Кульман приветствовала капитана Леврие и подписала книги Джуди. Мистер Мак-Дермотт снова делал снимки. А затем началось "служение с чудесами". Джуди начала ревностно молиться, чтобы ее работодатель принял Иисуса. Во время собрания ей пришлось выйти, поскольку снова начались сильные спазмы. Медсестра помогла ей добраться до туалета и сказала: "Вы не сможете вернуться обратно. Вам нужен доктор".

"Я вернусь, - настаивала Джуди. - Единственный врач, который мне нужен, это Великий Целитель". Джуди оттолкнула руки медсестры, которые загораживали ей дорогу, и поехала назад по проходу. Она доехала до конца. Все ее тело было в спазмах. Она продолжала сильно дергаться весь остаток собрания. Даже если бы ей грозила смерть, она собиралась остаться и молиться, чтобы мистер Мак-Дермотт принял Иисуса Христа.

Наконец служение окончилось. Мистер Мак-Дермотт не принял приглашение выйти вперед и принять Иисуса Христа, и с Джуди было все по-прежнему. Капитан Леврие был подавлен, но мужчины отвезли Джуди за кулисы, чтобы попрощаться с мисс Кульман. Затем, уже в гримерной, наконец, заговорил мистер Мак-Дермотт. Несмотря на то, что Джуди не была исцелена, он сказал мисс Кульман, что хотел бы полностью подчиниться Богу. Все склонились в молитве. Мисс Кульман возложила руку на голову Раймонда Мак-Дермотта и помолилась, чтобы Святой Дух привел Иисуса в его сердце.

"Я была так счастлива, - вспоминала Джуди, - я посмотрела вверх и почувствовала, что я действительно могу видеть небеса. Я сказала: "Спасибо, Господи, за то, что Ты сделал больше, чем я просила!" Затем, - сказала мне Джуди, - я почувствовала очень сильные, но все же нежные руки, которые поднимали меня с инвалидной коляски. Я оглянулась и увидела, что ступенька для ног пуста. Я удивилась - где же мои ноги? Затем я осознала, что стою. У меня больше не было боли. Затем я почувствовала, как эти нежные руки коснулись меня снова, и я сделала первый полный шаг".

Капитан Леврие посмотрел через комнату и увидел стоящую Джуди. Он упал в кресло, ошеломленный. Мисс Кульман обежала вокруг, затем остановилась с выражением изумления на лице. Мистер Мак-Дермотт пробормотал: "Слава Господу" - его первые слова после того, как он стал новым человеком в Иисусе. Джуди посмотрела вниз на свои ноги и увидела, что ее левая туфля спала. Раньше пальцы у нее на ногах были подвернуты, но теперь они выпрямились.

"Посмотрите на пальцы моих ног! - закричала она. - Они выпрямились!" Затем, осознав, что произошло, она закричала: "О, спасибо, Иисус. Я готова. Идемте". И она сбросила вторую туфлю и начала ходить взад и вперед по гримерной, уже не падая. Прошло четырнадцать месяцев с тех пор, как она ходила, но ее походка была такой естественной, как если бы она никогда не была без движения.

Слезы заблестели на щеках мисс Кульман, и она тоже сбросила туфли. Вместе они ходили взад и вперед, а мужчины смотрели на это. Наконец мисс Кульман распахнула дверь гримерной. "Вы хотите ходить, Джуди? Что ж, идите". Джуди вышла в коридор в одних чулках, мистер Мак-Дермотт шел за ней с ее туфлями, а капитан Леврие толкал бесполезную теперь коляску.

Мисс Кульман все еще была в одних чулках и шла за ними; и все они смеялись и плакали.

Когда они вернулись в отель, солнце еще сияло, и Джуди выбежала на веранду. И вот в этом чудесном сиянии, в окружении разноцветных горшков с цветами она делала физические упражнения, сгибаясь и растягиваясь, чего не могла делать в течение двадцати лет. Мистер Мак-Дермотт продолжал фотографировать, пока люди взирали на это. Затем Джуди позвонила своей десятилетней племяннице Эми в Хьюстон.

Услышав радостный голос тети Джуди, маленькая Эми начала кричать: "Тетя Джуди исцелилась! Тетя Джуди исцелилась!"

"Тетя Джуди, - сказала по секрету Эми, - я молилась за тебя в церкви этим утром. Я хотела попросить Бога исцелить тебя, но я боялась, что скажу не так, как нужно. Затем я вспомнила, что ты мне говорила о Святом Духе, который передает сообщения. И я сказала: "Мистер Святой Дух, не скажете ли Вы Господу за меня, что я молюсь об исцелении моей тети Джуди сегодня?" И Он ответил на мою молитву!"

Джуди вернулась в Хьюстон на самолете, который не брал пассажиров в инвалидных колясках. На следующий день у нее была обычная встреча с доктором. Мистер Мак-Дермотт пришел как свидетель. Он сидел в зале ожидания, пока доктор обследовал Джуди. Вскоре после этого доктор попросил мистера Мак-Дермотта пройти в кабинет.

"Вы видели это? - спросил он, указывая на Джуди. - Она настоящее чудо". Мистер Мак-Дермотт засмеялся и сказал: "Я рад, что вы сказали это. Я знаю, что она - чудо. Я видел, как это случилось".

Джуди сидела в комнате, и ее лицо сияло сквозь слезы на щеках. На моих щеках тоже были слезы. Уже не будучи скептиком, я не могла сказать ни слова. Видя выражение моего лица, мистер Мак-Дермотт улыбался. "Почему вы молчите?"

Но все, что я могла, это покачать головой. Что можно сказать, когда ты встречаешься лицом к лицу с чудом?

Я отложила блокнот и карандаш. Может, я смогу написать историю, может, нет. Я не знала, должна ли я попытаться запечатлеть на бумаге то, что я увидела и услышала в тот день. Однако было нечто, в чем я была уверена. Божье обещание, данное более двадцати лет назад - "Джуди, все будет хорошо", - оно исполнилось. И ни один скептик, посмотрев на Джуди Льюис, не сможет отрицать этого.

Глава 14. Большой рыболов - Сэм Даудс

В своем воображении я часто пыталась представить, как выглядел Симон Петр. Но пока я не встретила Сэма Даудса, я не думала, что на самом деле знаю, как он выглядел. Сэм - сама мужественность. Он ростом 6 футов 4 дюйма (193 см), и в нем 250 фунтов (113кг) костей и мускулов. Все профессиональные рыбаки на Юго-Западном побережье знали Сэма. Он мог перепить любого, побить любого и ругаться крепче любого. Но однажды Сэма сразило нечто более сильное, чем он, - рак. В отчаянии Сэм обратился к Богу и обнаружил, что Бог уже движется ему навстречу. И вот Сэм оставил сети, чтобы следовать за своим Учителем. Он живет с монахами бенедиктинцами в монастыре Святого Чарльза в Оушенсайде, Калифорния, проводя остаток жизни в служении Господу, и известен ныне как брат Самуэль. Я всегда был "крутым" в жизни. Я был достаточно крупным, чтобы побить любого мужчину, которого я встречал, и достаточно злым, чтобы начать драку без всякого повода. За несколько лет до того, как я стал профессиональным рыбаком, я был водителем одного из тех больших фургонов, что ездят в Южной Калифорнии.

Однажды утром, проведя ночь на стоянке грузовиков, я проснулся в дурном настроении - я часто был в дурном настроении. Я услышал, что два человека, сидя в своем автомобиле, о чем-то громко разговаривают. Если я еще усну, думал я про себя, эти ребята, вероятно, разбудят меня. Чем больше я об этом думал, тем злее становился. Я спустился, захлопнул за собой дверь, рванул на себя дверцу их автомобиля, схватил одного из парней, толкнул его и как следует дал ему. Такой я был человек.

В течение последних четырнадцати лет Санта-Бар-бара была моим домом. До этого у меня не было своего дома. Я проработал какое-то время бульдозеристом, а до этого восемь лет пилил большие деревья на лесопильне в штате Вашингтон. Если ты проработал лесорубом шесть лет, то статистически ты либо покалечен, либо мертв. И спустя некоторое время я переехал в Санта-Барбару, купил 66-футовый океанский траулер и начал ловить рыбу.

Моим настоящим занятием, однако, был алкоголизм. Я рыбачил, только чтобы прожить - купить выпивку и устраивать вечеринки на судне. Думаю, что я был слишком гнусным и слишком эгоистичным, чтобы жениться. И я пил, бегал за женщинами и рыбачил - в таком вот порядке.

Одной из причин моего пристрастия к выпивке было желание убить боль в теле. Работая лесорубом, залезая на эти высокие деревья и спиливая сучья, я порвал сухожилия на руках и на ногах. Я обошел всех ортопедов в Санта-Барбаре, всех до одного. И все они сказали то же самое - они ничего не могут сделать, чтобы снять боль.

В течение восьми лет я принимал большие дозы болеутоляющих таблеток каждый день.

Ежемесячные счета за препараты достигали ста долларов. Я не мог получить достаточно таблеток у одного доктора, так что я ходил сразу к четырем докторам, используя различные аптеки, чтобы меня не поймали. Я запивал все таблетки "Гвардейским джином", что сильно ускоряло действие препаратов.

Еще в 1945 году я попал в аварию в Бровли, Калифорния, недалеко от мексиканской границы.

Я вел автомобиль, и в аварии погиб парнишка. Я был арестован, и хотя меня ни в чем не обвиняли, город хотел линчевать меня. Я не осмеливался выходить вечером на улицу, и через каждые несколько дней попадал в какую-либо драку в баре.

Мне было нечего делать, я сидел в гостиничном номере и читал "Гедеоновскую" Библию.

Частично я делал это потому, что хотел узнать, действительно ли я такой плохой, как говорят люди. Одно место действительно задело меня - это слова Иисуса о том, чтобы помочь больным, накормить голодных и навестить сидящих в тюрьме. Я решил, что смогу расплатиться за убийство того парня тем, что начну брать на поруки из тюрьмы других людей.

Меня не заботило, насколько пьян попрошайка, я всегда давал ему денег. И если я слышал о каком-то парне, которого я знал, что тот в тюрьме, я брал его на поруки. Дошло до того, что начальник тюрьмы в Санта-Барбаре стал обвинять меня, что я - городской поручитель, поскольку всякий раз, когда он сажал кого-то в тюрьму за нарушение порядка, я брал нарушителя на поруки. Тюремщик говорил, что им нужно посидеть в тюрьме и обдумать свое поведение, но я однажды был в тюрьме сам, и мне это не понравилось.

Кроме этого, у меня был только один "религиозный" опыт - это мое посещение собрания Кэтрин Кульман в 1967 году. У моей подруги Грейс была пятнадцатилетняя дочка, которая убежала из дому. Грейс горела желанием разыскать ее. После рыболовного похода я зашел в секретарский офис к Мариан Мак-Кензи, чтобы заполнить некоторые бумаги и сделать ксерокопии. Пока я был там, Мариан начала рассказывать мне о Кэтрин Кульман.

"Она ясновидица, - сказала Мариан, - она выходит на сцену, закрывает глаза и говорит: "Там сидит женщина в белом платье с голубыми пятнами на нем".

И вот тогда я узнал, что Кэтрин Кульман не более ясновидящая, чем я святой отец. Но я ничего не знал о дарах Духа в то время, и не думаю, что и Мариан знала что-то об этом. Все же в Санта-Барбаре было достаточно всяких людей, выдающих себя за ясновидящих, и некоторые из них тоже делали вид, что они - проповедники. Если Грейс пойдет на собрание Кэтрин Кульман в Лос-Анджелесе, думал я, то, возможно, эта женщина сможет помочь ей найти ребенка. Мариан знала Моды Ховард, которая заведовала бронированием автобусов для собраний, так что я дал ей денег на один билет и позвонил Грейс по телефону.

"Эй, у меня есть билет на автобус для тебя, чтобы пойти на собрание этой ясновидящей в Лос-Анджелесе. Может, она сможет найти твоего ребенка".

Я все же не понимаю, почему мне никто не объяснил ситуацию. Может быть, это был Божий план, что я не знал правду в этот момент. Так уж получилось, что Грейс могла пойти туда только со мной.

Мне не нравились подобные поездки, поскольку я знал, что мне нельзя будет выпить. Однако я хорошо принял на грудь перед поездкой и взял с собой пять пузырьков из-под лекарств по четыре унции с джином.

На самом деле я ничего не знал о Кэтрин Кульман и уже захмелел, когда приехал на собрание.

Она вышла на сцену, и это выглядело, как своего рода театральное действо. Теперь я знаю, что она стоит у себя в гримерной и молится, пока не исполнится Святого Духа. Когда она выходит на сцену, она едва может удержать свои ноги на земле. Но когда я впервые увидел ее, мне стало так тошно, что я встал и вышел из зала.

Я дошел до коридора и подумал: "Ну вот, приятель, что ты теперь будешь делать?" Я не заметил ни одного бара у зала "Святыня", где проводилось собрание, единственное место, куда я мог пойти, был автобус. Я не хотел сидеть в этом дурацком автобусе три часа. чувствовал себя, как последний болван, поскольку убедил Грейс поехать, а сам ушел с собрания. Я выкурил сигарету, выпил немного джина из пузырька и зашел обратно.

Когда начались исцеления, я встал, чтобы снова уйти. Это было не очень здорово, сидеть в этом протестантском зале. Я не был таким уж ярким католиком, но я все же не ходил к протестантам. А соединить протестантизм с исцелением - это было уже почти больше того, что я мог вынести. Но затем я вспомнил, что я уже выходил и вернулся. И я не вылез из своего сиденья на сей раз.

Первым, кого вызвала мисс Кульман, был восьмилетний мальчик. "Там сидит маленький мальчик, который никогда не мог ходить без зажимов на обеих ногах, - сказала она. - Теперь он может ходить. Я хочу, чтобы кто-то, кто сидит рядом с ним, думаю, что это его мать, снял зажимы с ног и позволил ему побегать по проходу".

Затем без перерыва она быстро повернулась и указала на другую часть зала. "А там - женщина.

Ей около семидесяти лет, и у нее болезнь позвоночника. Она была исцелена с полчаса назад. Я почувствовала это. Вы не могли стоять без посторонней помощи в течение нескольких лет, но теперь вы сможете сделать это".

Затем я увидел, как маленький мальчик вышел на сцену. Его мать шла сзади, держа его зажимы для ног. Мальчик начал бегать взад и вперед по сцене, и его мать стала плакать. Я подумал: "Отличный актер этот ребенок. Я хотел бы знать, сколько они ему заплатили".

Я решил, что ловко все раскусил, и начал прикидывать, сколько пришлось Кэтрин Кульман заплатить этим двум профессиональным актерам. Я подсчитал, что получается по тысяче долларов каждому.

А за ними вышла семидесятилетняя женщина. Рядом с ней был ее хирург-ортопед. Он мило выглядел. Там, на сцене, были и другие доктора, которые узнали его. Я подумал: "Приятель, им действительно пришлось раскошелиться, чтобы устроить это шоу, которое подорвет его репутацию". Я прикинул, что понадобилось по меньшей мере две тысячи долларов, чтобы подкупить его.

Старая женщина сказала, что это она исцелилась от болезни позвоночника, и мисс Кульман попросила ее согнуться и коснуться пола. Она не только коснулась пола, но дотронулась до него ладонями - двенадцать раз. Она смеялась и плакала одновременно.

Что ж, я сам не могу коснуться пола ладонями и не знаю никого, кто бы мог это сделать. Я подумал: "Они заполучили настоящую семидесятилетнюю акробатку". Я задумался, сколько она взяла денег, чтобы выйти на сцену и делать вид, что она была ужасно больна.

Затем еще выходили люди, а я все считал, сколько надо платить каждому. К середине собрания я подумал: "Боже, они спустили полмиллиона долларов на подкуп". Я не знал никого, у кого было бы столько денег, чтобы выбросить их на ветер, и я повернулся к сидевшей рядом женщине и спросил: "Как часто они это устраивают?"

Она сказала: "Мисс Кульман приезжает сюда раз в месяц. Она также проводит еженедельные богослужения в Питсбурге и в Янгстауне и в некоторых городах по всей стране".

Я сидел ошарашенный. Я начал складывать числа в голове, и это выходило до двух миллионов долларов в неделю. Вот так дела! "Ни у кого не водятся такие деньжищи!" - понял я. Затем я начал думать о том, как ей нужно подкупить всех писателей в Америке, которые могут захотеть разоблачить ее. Я спросил женщину, не было ли враждебных замечаний о Кэтрин Кульман, и она покачала головой.

Мне это не нравилось, но пришлось признать, что исцеления происходят на самом деле. И все равно это - не для меня. Это - для слабаков и тех, кто в нужде, а я был не таков. Я вернулся в Санта-Барбару и снова занялся рыболовством, довольный, что я, наконец, увидел Кэтрин Кульман.

Однако спустя два года во время одного из моих путешествий по морю я наступил на рыбий хребет. Он почти насквозь проткнул мою ногу. Когда я вернулся в Санта-Барбару, я пошел к

врачам братьям Карсвелл. Харольд и его брат Баудер, уважаемые хирурги, положили меня в госпиталь. Но я пробыл там только один день. Когда я не имел возможности выпить, я становился злым, и в ту ночь я кричал и громко сквернословил, доставив медсестрам много хлопот. После десяти звонков из госпиталя доктор Харольд в конце концов отослал меня домой.

После того, как доктор обработал мою ногу, я сказал ему, что у меня сильные боли в животе. Он прописал мне таблетки кодеина, полагая, что боли могут быть вызваны вирусом. В пятницу вечером он прописал мне двадцать таблеток. Я выпил их все за ужином, а затем вернулся и получил еще рецепт в субботу. Когда я пришел в третий раз, фармацевт отказался выдать таблетки и позвонил доктору Баудеру Карсвеллу. Я перегнулся через барьер и выхватил у него телефон. "Послушай, доктор, вели ему дать мне еще этих таблеток. Со мной будет все в порядке".

Был вечер, но доктор настоял, чтобы я пришел в его офис на обследование. Спустя час я сидел на его столе, пока он заканчивал осмотр. "Сэм, - сказал он, - я думаю, тебе надо пойти к терапевту".

Я зауямился, но затем сдался, и он дал направление на начало следующей недели. Боль в нижней части живота все усиливалась, но после визита к терапевту я решил выйти в море на несколько дней. Может, работа отвлечет мои мысли от боли.

Когда я вернулся в порт, я почувствовал себя очень слабым и смертельно голодным. Я отправился прямо в ресторан, заказал два полных обеда и съел их. Затем я позвонил в кабинет терапевта. "Доктор пытался разыскать вас в течение двух дней, - сказала медсестра. - Он хочет, чтобы вы непременно зашли".

У доктора были в руках мои рентгеновские снимки, когда я пришел. Он указал на один отдел длиной в 4 дюйма (10 см) в моем кишечнике, это место выглядело закупоренным. "У меня есть палата для вас в госпитале через дорогу", - сурово сказал он. "Но я не хочу в госпиталь", - буркнул я, собираясь уходить. Доктор повернулся и щелкнул своим карандашом по снимку. "Хорошо, Сэм, но позвольте мне напомнить вам, что ваша мать умерла от рака. Все ваши тети и дяди умерли от рака. Вам нужно отправляться в госпиталь. И пока вы не решитесь пойти туда, вам лучше ничего не есть".

"Вы опоздали, - фыркнул я, - я только что съел два полных обеда".

"Тогда вы будете очень больным человеком, - сказал он, - пища не сможет пройти через эту закупорку".

Я натянул свой пиджак, зло посмотрел на него и вышел под дождь. Я едва дошел до поребрика, как оба обеда вышли из меня наружу. Я повернулся и направился в офис врача. Доктор сказал, что он пошлет мои снимки доктору Карсвеллу и что мне нужно контактировать с ним. Он же посадил меня на жидкую пищу. "Пейте только прозрачные напитки", - сказал он.

Самое чистое, что я мог вспомнить, был "Гвардейский джин", так что я его и выпил. И отправился рыбачить. Я загрузил траулер льдом и вышел в море. В этот вечер я причалил в порту Хьюнем, ниже по побережью, пошел к телефону и позвонил доктору Харольду Карсвеллу. Он уже посмотрел мои рентгеновские снимки. "Сэм, я хочу, чтобы вы были сегодня вечером в госпитале".

"Но, док, я не в Санта-Барбаре, я на берегу южнее".

"Оставьте ваше судно там, - сказал он, - и не возитесь с автобусом. Возьмите такси. Не думайте о том, что вы далеко, берите такси и приезжайте сегодня вечером. Мы будем оперировать".

"У меня судно, полное льда, и команда, которая помогает в ловле. Кроме того, предполагалось, что я возьму еще глубоководных ныряльщиков на выходные. С операцией придется подождать", - отрезал я.

Однако на следующий день мне стало очень худо. Мы были в пятнадцати милях от берега, вылавливая треску и палтуса, и я взял радиотелефон и позвонил брату Харольда, доктору Баудеру Карсвеллу.

"Сэм, что за шум, который я слышу в трубке?" - спросил он.

"Это выхлопы судового двигателя", - сказал я. "Вытаскивайте сеть и приезжайте прямо сюда", - сказал он.

"Я не могу, доктор. Я сказал ребятам, что буду ловить рыбу неделю". "Это ирландское упрямство добьет вас, - проворчал доктор Карсвелл и

продолжил: - Если бы ваша мать легла в госпиталь, когда мы ей велели, то мы могли бы спасти ей жизнь. А теперь вы выкидываете такие же номера".

Тут я понял, что дело обстоит действительно плохо. Я рыбачил следующий день, затем направился к берегу. Я велел людям присмотреть за судном, когда мы пришвартовались в Санта-Барбаре, и позвонил в госпиталь, чтобы забронировать палату.

"Похоже, вы холосты. Это так, мистер Даудс?" - спросила женщина в служебном отделе.

"В чем дело? - прорычал я. - Я хочу получить палату в госпитале, а вы начинаете расспрашивать про мою личную жизнь".

"Мистер Даудс, - снова начала она, - операция, которая вам предстоит, имеет высокий уровень смертности. Исключительно трудно собрать деньги с имущества холостяка, так что вам придется выложить деньги, прежде чем мы сможем принять вас".

Тут я взбесился: "Почему я должен давать вам деньги вперед? Мне не платят авансом за рыбу. Сначала ее нужно выловить".

"Мистер Даудс, - ее голос стал ледяным. - Вы уже были здесь однажды, и это было для всех нас неприятным опытом. Почему бы вам не пойти в другой госпиталь?"

"Вы просто не хотите, чтобы люди умирали у вас в госпитале, - закричал я в телефонную трубку, - ведь так?"

Но она победила. И я снял деньги со своего банковского счета и оплатил пребывание в госпитале.

Я прошел через операцию, но затем ад разверзся внутри меня. Мне было очень плохо. Я не видел, чтобы кто-то был так болен и все еще жил. Я знал, что отброшу копыта, и на вторую ночь я начал молиться. "Послушай, Бог, мне нужна помощь прямо сейчас! Ты слышишь меня?"

Спустя некоторое время я начал соображать, что, может быть, я не смог обмануть Бога, а тем более помыкать Им. Мне нужно было выбрать другой курс. Я поговорил с госпитальным капелланом, священником. Мне нужно было получить помощь, а он, похоже, был выигрышным вариантом.

Затем на третью ночь у меня было видение. Я не из тех парней, что видят видения, но все же оно было настолько реальным, что я почти мог дотронуться до него.

Я увидел деревенский дом, и мне было видно все помещение целиком. В середине комнаты стояли два стула, обращенные ко мне спинками. Иисус сидел справа, Иосиф на другом стуле. Мария стояла рядом с Иисусом. Они были почти на расстоянии вытянутой руки. Видение продолжалось, и я стал сильно молиться. Я не очень понимал, как просить помощи у Бога в молитве, но сообразил, что мне нужно отказаться от ругательств, даже если это будет означать потерю трех четвертей моего словарного запаса. Я пытался вложить большую часть невинного английского в молитву, но никто из Святого семейства не обратил на меня внимания.

Казалось, они специально повернулись спиной ко мне. Я пришел в отчаяние и стал настойчиво изливать душу. Мария повернула голову и посмотрела на меня, но затем двое других встали, и все трое просто ушли.

Я не мог понять этого. Почему они повернулись ко мне спиной? Я снова позвал госпитального капеллана. Он пришел в мою палату, послушал меня и сказал: "Не беспокойтесь об этом". И вышел.

В госпитале лечился еще один католический священник. Я приехал к нему в своей инвалидной коляске. Он подтвердил, что у меня было видение, но и у него не нашлось объяснения.

Мало-помалу я смог выудить информацию из людей о моей болезни. Один из санитаров сказал, что он видел мусорное ведро в операционном зале после моей операции. Оно было почти доверху заполнено моим кишечником. Но доктора словно воды в рот набрали. Мне пришлось давить на них, чтобы они сказали мне хоть что-нибудь.

Баудер Карсвелл приходил ко мне каждый день. Всякий раз, как я его спрашивал, он говорил, что пока еще не видел отчета патолога. Наконец я сказал: "Я уже сыт по горло такими ответами. Если у вас нет этого отчета сейчас, вам следует поискать другого патолога. Кроме того, я знаю, что у вас был отчет прежде, чем вы зашили меня. Я хочу видеть его завтра утром и на понятном мне языке".

На следующее утро он вошел, и я спросил: "А где отчет?" Он сказал: "Как вы себя чувствуете?"

Я сжал кулак и начал громко ругаться. "Убирайтесь отсюда и не приходите, пока у вас не будет отчета".

"Я еще не читал отчет".

Я по-настоящему взорвался. У меня внутри все горело огнем, но я был готов вылезти из кровати и разнести весь госпиталь, если ничего не узнаю. И я сказал ему это.

Доктор ушел по коридору и вернулся с одной из этих записных книжек с алюминиевой коркой. "Сообщение патолога по поводу ткани указывает на массу третьей степени, класса "С" вблизи слепой кишки с метастазами на лимфатических узлах".

"Док, вы знаете, я не понимаю этого. Что это значит?"

Он направился к двери. Я понял, что мне придется заставить его сказать мне нечто такое, чего он не хотел говорить.

"Послушайте, док, просто скажите мне, сколько я еще проживу". Он протянул руку к двери.

"Шесть лет... но не особенно рассчитывайте на последние четыре". Он стоял в дверях и говорил мне, что они обнаружили рак и удалили большую часть моей толстой кишки. Однако я был наполнен опухолями, и рак распространился в другие ткани моего тела, где он был неоперабельным. Доктор посоветовал мне привести дела в порядок.

Я пробыл в госпитале девятнадцать дней. После того, как меня выписали, я большую часть времени спал на своем судне. Спустя два дня во время обычного визита в офис врача я поговорил с доктором Баудером Карсвеллом: "Разные люди говорят мне, чтобы я пил специальный чай и ел всякие травы, потому что их дядя или тетя исцелились таким образом. Мне на самом деле все равно, буду я жить или помру. У меня такие сильные боли, что не стоит и жить. Но я не могу выдержать все эти подъемы и спуски. Я хочу знать".

Он вынул свою книжку и показал мне в цвете, как выглядят мои опухоли. Он сказал мне, что восемьдесят пять процентов опухолей, удаленных из меня, были быстро растущими и злокачественными. Сотни опухолей остались во мне. Видимо, мне осталось жить всего год.

"Эй, подождите минуту, - прогромыхал я, - в госпитале вы мне сказали два года".

Он снял очки и посмотрел мне прямо в лицо. "Сэм, в госпитале вы были в таком состоянии, что ничего нельзя было говорить. Вы заставляли нас сказать, что мы сделали. Теперь же вот вам правда. Все будет кончено через год".

Когда я ушел из госпиталя, доктора посадили меня на диету. Я не мог есть рис, картофель, горох, фасоль, жареное мясо. Я думал, что могу перепить, побить и обругать любого на

Тихоокеанском побережье от Ванкувера до Сан-Диего. Я никогда не был нокаутирован или просто сбит с ног в драке. И вот теперь почти все, что я мог есть, было желе "Джелло".

Однако я все еще мог пить. Доктора предупредили, чтобы я сократил курение и выпивку, но я сказал им, что рак добьет меня раньше алкоголя, так что я не просыхал. Я выпивал больше одной пятой галлона в день и много больше по выходным. Но что-либо иное, кроме выпивки и "Джелло", было для меня словно стопка кирпичей. Однажды я выпил бутылку пива и потом полтора дня приходил в себя. На другой день я съел ложку риса. И после этого тоже приходил в себя полтора дня. Затем я попробовал горох. И это вызвало у меня внутри гигантский переворот. Я был настоящим дураком, но я ненавидел диеты, я ненавидел людей, которые сидели на диетах, и я возненавидел себя. Я возненавидел множество вещей.

Я еще продолжал искать человека, который бы истолковал мое видение. Я был у пяти священников и даже посетил пару протестантских служителей. И ни у кого не было для меня ответа. Мне нужно было найти ответ, и поскольку самое великое, что я видел в религиозной среде, была Кэтрин Кульман, я решил еще раз сходить к ней.

Я пошел к Мариан Мак-Кензи. Потеряв несколько фунтов в весе, я выглядел, как пугало, и был белый, как простыня. Мариан только взглянула на меня и, как обычно, поприветствовала. "Ты выглядишь ужасно, Сэм. В чем дело?"

Я сказал ей, что у меня рак, что я только что из госпиталя и что я хочу посетить Кэтрин Кульман.

"О, ты хочешь пойти туда, чтобы исцелиться от рака", - сказала она.

Я взбесился, казалось, я так и буду злиться все время, и я стал ругаться. "Я не хочу исцеления от рака. Более того, я не хочу, чтобы она или кто-то другой молился за мое исцеление. Я сам могу о себе позаботиться. Я просто хочу выяснить кое-что".

Мариан больше не задавала вопросов, она просто дала мне билет. Когда я ехал на заказном автобусе в Лос-Анджелес, я увидел, как кто-то молится через проход напротив. Я протянул руку, подергал его за плечо и прорычал: "Если вы молитесь за меня, то оставьте это. Я позабочусь о себе сам".

Я не хотел исцеления от рака, если это будет означать сохранение того образа жизни, который я вел. Я был болен от этого стиля жизни, устал до смерти от всей этой борьбы, пьянства и от ненависти. Во всяком случае, рак был лишь одной из моих напастей. Порванные сухожилия на моих руках и ногах постоянно болели. У меня были непрекращающиеся головные боли, и участок головы размером с мою ладонь тоже постоянно болел.

А я нуждался в некотором духовном исцелении и хотел получить его. Я хотел ответа на мое видение. Зная, что я умру в течение года, я отчаянно хотел уладить свои дела с Богом.

На собрании, однако, ничего не случилось. Я вернулся в Санта-Барбару обескураженным, но полным решимости найти ответ к этому сумасшедшему видению.

Однажды я взялся за Библию и прочел в Первом послании Петра: "Потому что очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их, но лице Господне против делающих зло" (3:12).

Это и был ответ - причина, почему Иисус не смотрел на меня. Он отвернулся от меня, потому что я делал зло. Почему же эти священники и служители не сказали мне этого? Я знал, что я плохой, но как мне прекратить творить зло? Как бы сделать так, чтобы из меня ушла вся ненависть, гнусность, испорченность?

Примерно раз в два года я ходил на исповедь и пытался выправить свои отношения с церковью. Но в последний раз, когда я ходил туда, я сидел в маленькой исповедальне и сказал священнику: "Отец, у меня были половые отношения с четырьмя различными женщинами на этой неделе".

"С четырьмя? - прокричал он сквозь маленькое окошко. - Невероятно!"

С тех пор я не ходил на исповедь. Теперь у меня был ответ на мое видение, но я был таким же плохим, как и раньше. Все казалось совершенно безнадежным.

Спустя три месяца, в пятницу вечером, мне позвонила Мариан и сказала, что у Моды Ховард осталось одно свободное место в автобусе, идущем к залу "Святыня" в воскресенье, и она хочет, чтобы я поехал. "Нет, - сказал я. - Я не поеду. Я все проклинал себя с того последнего раза. Что, если бы я исцелился от рака, тогда мне пришлось бы жить стариком со всей этой дрянью внутри меня? Я не хочу еще раз пытаться ехать туда".

"Может быть, ты все получишь", - мягко сказала Мариан.

"Ну уж не я. Мне никогда не везло. Почему Бог должен для меня что-то делать? Он повернулся ко мне спиной".

Но Моды Ховард не приняла моего отказа. Она продолжала держать для меня это место. На следующий день ко мне пришло странное ощущение необходимости поехать. Никто во всем мире не смог бы меня уговорить, никто и не пытался. Но я просто начал чувствовать, что это будет хорошо, и я понял, что нужно ехать.

Во мне стало происходить что-то мистическое. Я всегда был врагом любви. "Не используй это слово, - говорил я. - Оно не означает одно и то же для всех людей. Для одного это - секс, для другого - восхищение. Никто никого на самом деле не любит. И конечно, я не хочу, чтобы кто-то любил меня, и я не собираюсь кого-либо любить".

В воскресенье утром, однако, когда я припарковал автомобиль и перешел через парковочную площадку, я увидел Моды Ховард и Несту Бонато, стоящих у автобуса со списками пассажиров в руках. Когда я посмотрел на них, то столб любви поглотил меня. Я никогда прежде не чувствовал любви к кому-либо. Когда я сел в автобус, я почувствовал, что та же самая любовь текла от людей ко мне и от меня к ним. Я захотел плакать. Ребята вроде меня не плачут, но я хотел плакать. Настолько сильной была эта любовь.

Когда мы приехали в Лос-Анджелес, автобус въехал на парковочную площадку рядом с залом "Святыня". И я почувствовал снова - великая любовь изливалась из меня к этим людям, ожидающим перед зданием. Это было трудно выдержать.

Я стоял перед зданием рядом с маленькой Нестой. Я думал, что она была религиозной дурой, и вот она начала проповедовать мне. Мне пришлось нагнуться, чтобы услышать ее. Люди вроде нее всегда вызывали у меня раздражение. Но хоть она и разглагольствовала о всей этой религиозной чепухе, я ощущал, как любовь исходила из меня к ней все время, пока я нагнувшись слушал ее.

Даже спустя тридцать лет после страшной аварии, в которую я попал, моя спина безумно болела, когда мне приходилось нагибаться. Я знал, что мне скоро станет больно, и я начал говорить женщине, чтобы она отстала от меня. Затем я понял нечто - моя спина больше не болит. И когда я выпрямился, она по-прежнему не болела.

Мы вошли в зал, и я нашел место в партере. И снова я почувствовал любовь, текущую сквозь меня, любовь ко всем этим людям.

Служение началось, и где-то посреди собрания мисс Кульман указала на меня и сказала:

"Здесь происходит исцеление от рака".

В тот момент, когда она сказала это, я почувствовал теплое покалывание внутри моего тела. Это было в точности как то теплое покалывание, которое я чувствовал в автобусе, когда вся эта любовь струилась через меня. Но я был полон решимости не принимать исцеление от рака.

Я пришел за духовным исцелением.

Спустя несколько мгновений мисс Кульман сказала это снова и с небольшим нетерпением:

"Встаньте, сэр, и примите ваше исцеление".

В проходе было полно людей, ожидавших возможности подняться на сцену. Затем я заметил женщину, ходившую взад и вперед по проходу, ожидая исцелений. Она подходила ко мне. Я подумал, что она совершенно обычно выглядит - и все же это была самая красивая

женщина, которую я когда-либо видел. Она раздвигала людей в проходе, как ледокол, нацеливаясь прямо на меня. Я сидел у прохода, и не было способа улизнуть.

Как раз в это время я почувствовал жар в теле. Прежде чем я смог понять это, та женщина уже стояла рядом со мной. Она смотрела с теплотой на меня, и это было такое чудесное приглашение, что я не мог не принять его. Когда она взяла мою руку, я встал с сиденья.

"Это ведь было про вас, не так ли?" - с участием в голосе сказала она.

Я не мог говорить. Я просто кивнул и последовал за ней, словно марионетка. Когда я взошел на сцену со всеми этими людьми - некоторые из них толкали друг друга - я почувствовал, как старый гнев и ненависть пытаются подняться во мне. Я захотел броситься назад и начать ругаться. Затем я посмотрел вверх. Мисс Кульман протянула руку над людьми ко мне и коснулась моего лица подушечками пальцев. Она спросила меня, в чем моя проблема. Я начал что-то говорить - и упал на пол.

Я не знаю, сколько времени я лежал на полу, но когда я встал, я знал, что рак ушел. Я всегда сомневался в тех, кто выходил вперед и свидетельствовал, что рак исчез. Но теперь я понял, что они имели в виду. Я знал, что я был исцелен, знал без тени сомнения - и это было чудесно.

Когда некоторые служители пытались помочь мне уйти со сцены по боковому проходу, я заупрямился. Я пришел по центральному проходу и хотел вернуться тем же путем. Я почувствовал, как старый гнев снова закипает во мне. Я был готов дать по физиономии нескольким людям прямо на сцене, когда я опять услышал голос мисс Кульман. Она указывала на меня. "Подождите минутку. Я хочу взглянуть еще раз на этого человека".

Она знаком велела подойти мне к микрофону. "Вы ждали сегодня исцеления?"

Я помню, как я сказал: "спасибо, спасибо" и снова свалился на пол.

Я был довольно тощим тогда, весил меньше 200 фунтов (90 кг), но потребовалось трое мужчин, чтобы поднять меня. Мисс Кульман сказала: "А теперь возвращайтесь и покажитесь доктору. С вами теперь все в порядке".

Что ж, я не вполне был в порядке. Когда я пошел со сцены, та нога, которая была пробита хребтом рыбы, начала беспокоить меня еще хуже, чем раньше. Это было странным, поскольку все боли мои ушли - рак, спина, мои ноги и руки, головные боли. Я также знал, что мой алкоголизм исцелен. Но теперь заболела нога. Затем, словно кто-то прошептал мне на ухо, я услышал голос, говоривший: "Ты знаешь, у Христа была пробита именно эта часть ноги большим толстым гвоздем".

Всю дорогу к сиденью я кивал головой. Именно так. Ему пробили ноги. Может, это мое распятие - распятие старого испорченного человека, который не мог прекратить творить зло. Может, с этим уходит ненависть и мерзость. Это все распято. И может, я воскресну, чтобы стать совершенно здоровым человеком, рожденным свыше, чтобы начать все снова и очиститься.

В автобусе люди восхваляли Бога и говорили, как чудесно, что я исцелен. Я просто сидел там, думая про себя: "Боже, какой ты глупый!" Затем я осознал, что я не должен называть Бога глупым. Но я посмотрел вокруг на всех этих добрых людей в автобусе, которые все время любили Бога и служили Ему. И это казалось совершенной глупостью, что Он исцелил именно меня.

Один человек прошел по проходу и спросил, как я себя чувствую. Я сказал: "Вот я думаю, что это глупость, что Бог исцелил инвалида вроде меня".

Он посмотрел мне прямо в глаза. "Сэм, неужели ты не понимаешь, что Бог не совершает ошибок?" Это действительно сразило меня.

Когда мы вернулись в Санта-Барбару, Моды Ховард попросила меня пойти и пообедать вместе с группой тем, что у них было. Я согласился, и первое, что они мне дали, было огромной запеканкой с перцем и бобами. Перец убил бы меня и бобы тоже, так что я передал это дальше.

Следующее блюдо было картофельный салат. Картошка и сельдерей с майонезом определенно не входили в мою диету. И я продолжал передавать тарелки, пока кто-то не сказал: "Не будь таким вежливым, Сэм. Возьми что-то и себе". "Я ничего этого не могу есть", - сказал я. Но кто-то сказал: "Разве ты не понимаешь, что Бог исцелил тебя? Он не делает Своих дел наполовину.

Теперь ты можешь есть все, что хочешь".

"Но у меня вырезали кишечник..." И я остановился посреди предложения. Да, подумал я, пожалуй, Он не делает вещей наполовину. И я сказал: "Подайте мне еду".

Я четыре раза накладывал на тарелку все эти совершенно несъедобные для меня вещи и проглотил их. На столе было желе "Джелло", но я к нему не притронулся.

После того, как я вернулся в Санта-Барбару, я узнал, что один человек из моей команды уволился. Я воспринял это как знак от Бога, что мне надо приостановить все дела, пока я не приведу судно в порядок. Я хотел, чтобы оно было очищено, как моя жизнь, чтобы не было стыдно перед Христом взойти на борт.

Примерно на третий день я был в центре и увидел Мариан.

"Ты еще не виделся с доктором?" - спросила она. Я сказал: "Нет, и не собираюсь. Я не хочу рассказывать доктору всю эту историю. Я не думаю, что эта история, которую докторам будет приятно услышать".

"Что ж, - по-доброму сказала она, - Кэтрин Кульман была инструментом в твоём исцелении, и она велела тебе показаться доктору. Я думаю, тебе следует сходить". Я обдумал это и наконец позвонил доктору Баудеру Карсвеллу. Он велел мне зайти в его офис.

"Что нужно сделать, чтобы определить, есть ли у меня еще рак?" - спросил я.

Он с удивлением посмотрел на меня и ответил: "Нам пришлось бы разрезать вас снова".

"Вы не сделаете этого, - сказал я, - но..." И тут я зашел в тупик. Я не мог придумать, как рассказать ему о том, что произошло. Затем я подумал: "Что ж, наплевать". И я отпустил тормоза и выложил ему все.

Он сидел и слушал. В руках у него была моя папка, и когда я закончил рассказ, он начал копаться в ней, словно пытался придумать, как бы лучше мне ответить.

"Что ж, Сэм, - сказал он, остановившись, чтобы откашляться, - я мог бы сказать, когда вы только вошли в комнату, что с вами что-то случилось. Вы выглядите лучше, чем за все десять лет, что я вас знаю. Мой совет вам будет такой: не исследуйте это. Просто живите. - Он остановился, затем посмотрел на меня снова: - И я говорю это, потому что я не думаю, что у вас есть рак. Я думаю, что Бог исцелил вас".

Братья Карсвелл не слыли религиозными людьми, и это действительно поразило меня. "Как вы можете знать, что я исцелен?"

"Я вижу это по вашим жестам, цвету кожи и выражению ваших глаз. Кстати, - продолжал он, - подобное случалось со мной трижды с тех пор, как я в Санта-Барбаре. Я думаю, что Бог пытается что-то сказать и мне".

В течение следующих недель я провел много времени, читая Библию. И не только мое тело было исцелено, но произошло и исцеление внутреннего человека. Это было так, словно я был рожден заново, и я начал жить свежим и обновленным. Моя речь уже не была прежней. Я больше не пил. Больше не было нужды искать любви вне брака, я чувствовал, как любовь струилась сквозь меня.

Однажды вечером, лежа на койке у себя на судне, я читал историю о том, как Иисус призывал своих учеников. Он шел по берегу Галилейского озера и увидел двух рыбаков - Андрея и Петра. "Следуйте за Мной, - сказал Он, - и Я сделаю вас ловцами людей". И они тут же оставили свои сети и пошли за ним.

Казалось, что Он призывает и меня. Он больше не отворачивал от меня Своего лица. Он смотрел на меня. "И я тоже последую за Тобой, Господи", - сказал я.

Спустя три дня я сидел перед священником в католической церкви и рассказывал ему мою историю. Слабая улыбка играла на его лице. Я видел, что он понимает. "Есть приют для

индейцев в северной части Нью-Мексико, где нужен человек для плотницкой работы", - сказал он.

Я умел плотничать. Я знал, что это - призыв Божий. Я продал лодку за гроши, продал дом. Я отправился в пустыню северной части Нью-Мексико, чтобы работать в приюте для сирот-индейцев.

Когда я кончил работу, прошел слух, что группе бенедиктинских монахов в монастыре Святого Чарльза в Оушенсайде, штат Калифорния, нужна помощь в постройке новой пекарни.

Они уже выдавали по тысяче караваев хлеба в неделю, а с новой пекарней смогут производить еще больше. Я поехал в монастырь, и 2 февраля 1973 года меня приняли в Орден святого Бенедикта. Теперь я брат Самуэль. Один раз в месяц, в воскресенье, я езжу в Лос-Анджелес, где работаю помощником на собраниях Кэтрин Кульман. В последний раз, когда я был там, я услышал, как один человек позвал меня по имени. Это был доктор Харольд Карсвелл со своей женой. По улыбке на его лице и по тому, что он подмигивал мне, я понял, что с ним тоже что-то случилось.

Наш монастырь расположен на вершине уединенной горы, возвышающейся над океаном. К нему ведет только одна крутая, выющаяся, грязная дорога. Солнце поднимается на востоке над миссией "Сент Луис Рей" и заходит на западе над Тихим океаном. Каждый день проходит в послушании. Я встаю в 5 часов утра, чтобы пойти с монахами на утреннюю службу. Я провожу день в тяжелой физической работе и после спокойного ужина посещаю вечернюю службу. Я ложусь и сплю ночью как ребенок.

Прежде чем жизнь моя была затронута Святым Духом, никто не смог бы заставить меня работать за деньги так много, как я работаю сейчас. Только теперь я делаю это бесплатно, просто из благодарности и любви... любви Иисуса.

Глава 15. Еще так много надо сделать - Сара Хопкинс

Сара Хопкинс, бывшая восходящая звезда Голливуда, больше всего известна как соучредитель организации "Международные сироты, инкорпорейтед". Она живет со своими двумя сыновьями в Тарзане, пригороде Лос-Анджелеса.

Посреди предрождественской суматохи я впервые узнала, что больна. Я ехала домой после собрания совета попечителей организации "Международные сироты, инкорпорейтед", когда началась боль - нестерпимое сжатие в области груди, которое сделало дыхание почти невозможным, и прострелы в обеих руках. Сначала я подумала, что у меня сердечный приступ. Я только что читала о мужчине, у которого был сердечный приступ, когда он ехал по автостраде "Вентура". Его автомобиль вышел из-под контроля, и погибло семь человек. Я не боялась умереть, ибо я знала, что мои отношения с Иисусом Христом в безопасности. Но мне не нравилась мысль о том, что я могу убить кого-то еще. Я решила съехать с дороги.

Однако, прежде чем я смогла затормозить, чтобы свернуть на обочину, боль отступила, и у меня появилась уверенность, что я смогу доехать домой в Тарзану.

Я припарковалась у подъезда и протянула руку к дверце. И боль снова ударила меня. На сей раз она, казалось, была в области позади сердца; затем боль прошла бок и руку. Как и прежде, это продолжалось всего мгновение.

Я немного отдохнула и подавила в себе предчувствие возможного сердечного приступа. В конце концов, я была у доктора шесть месяцев назад на очередном медосмотре, и у меня ничего плохого не обнаружили. Они не делали кардиограммы, но...

Когда мы вернулись домой из Флориды, я пообещала себе, что схожу к доктору, чтобы выяснить, откуда взялась эта боль.

Мой отец, врач-дантист, был болен раком, и я полагала, что это будет наше последнее Рождество вместе. Семья моей родственницы владела красивым домиком на острове у

побережья Флориды, и наша семья решила провести там Рождество с отцом. Джон и Чак, мои сыновья шести и десяти лет, с нетерпением ждали этого путешествия. Я не могла разочаровать их и тем более папу.

И я не сказала никому в моей семье о боли, хотя она возвращалась несколько раз с большой интенсивностью. Мы провели выходные во Флориде, возвратившись в Калифорнию во вторую неделю января, как и планировали. Затем я назначила встречу с моим доктором в Бербэнке.

Спустя несколько дней я сидела на столе для обследования в его кабинете и описывала свои симптомы. Он прислонился к белому шкафу, наполненному блестящими инструментами из нержавеющей стали, и внимательно слушал.

"Что ж, Сара, - сказал он настраивая свой фонендоскоп. - Я знаю, что вы не любите жаловаться. В сущности, вы работаете так много с этими группами сирот, что мне приходится выкручивать вам руки, чтобы вы прошли даже обычный медосмотр. Я думаю, нам с вами нужно поработать".

Мой доктор - очень методичный терапевт. Я всегда чувствовала себя в безопасности в его присутствии. Но когда он обследовал меня на сей раз, хотя его ответы были, как всегда, уклончивыми, у меня было странное, своего рода шестое чувство, что не все в порядке. Он основательно обследовал меня, задал мне сотню глупых вопросов, кивал головой, ворчал и делал пометки в блокнот из моей картотеки. Похоже, он не был обеспокоен, но внутренний голос продолжал говорить мне: плохо, очень плохо.

После обследования он сказал: "Я не могу обнаружить внешних признаков, Сара. Ни сердечных проблем, ни опухолей. Но я думаю, что хорошо было бы, чтобы вы сходили в Госпиталь святого Иосифа в Бербэнке на рентген. Если что-то не в порядке, они обнаружат это".

"Может быть, боль была от напряжения", - предположила я. Доктор посмотрел на свою сестру и понимающе улыбнулся.

"Девяносто процентов всех болей в Голливуде вызвано напряжением. Это не делает их менее болезненными, но, Сара, вы не из такой породы людей. И поэтому я думаю, что нам нужно пройти дополнительные проверки, чтобы понять, откуда эта боль".

Я согласилась пойти в Госпиталь святого Иосифа этим вечером на рентген. Пока я была там, мне также сделали миелограмму и кардиограмму. На следующий день я снова была в кабинете врача, чтобы узнать о результатах.

"Рентген выявил затемнение в грудной клетке, - сказал он, когда я села в его комнате для консультаций. - Вероятно, ничего серьезного нет, но нам придется оперировать, чтобы выявить что это такое". Но в его голосе не было срочности.

"Что ж, операции придется подождать, - сказала я, вставая. - Я не могу сейчас выкроить время на операцию".

"Международные сироты" поглощали большую часть моего времени. За год до этого мы спонсировали мероприятие по добыче денег в отеле "Сенчури Плаза", и на него прибыла большая часть голливудских знаменитостей. Боб Хоуп, Рой Роджерс, Дэйл Эванс, Марта Рэйе, Нэнси Синатра, Эдгар Берген (и конечно, Чарли Мак-Картти) и другие известные звезды получили призы за участие в этой работе. И теперь мы планировали еще большее событие, и все мое время уходило на подготовку этого мероприятия. И что более важно, мои сыновья нуждались во мне. Были еще и финансовые дела, требующие моего внимания.

Но мой доктор, должно быть, знал, что происходит у меня в голове. Он протянул руку и положил ее мне на спину. "Смирись с этим, мисс Занятая, - улыбнулся он, - я не думаю, что это что-то слишком серьезное - вероятно, просто пятно, которое мы можем удалить. Однако, если мы не позаботимся об этом сейчас, потом может быть слишком поздно".

Внезапно я осознала, что мы оба играли. Но я хотела, чтобы он продолжал эту бледную игру.

Я действительно не хотела правды, во всяком случае в тот момент. Голливуд - это весьма светское место, христиане там в меньшинстве. Но я была активной прихожанкой Голливудской пресвитерианской церкви и даже преподавала там в воскресной школе. В течение лет я говорила о своей вере в Христа. Я верила в исцеление, в чудеса, в сверхъестественную силу сверхъестественного Бога. И вот теперь, предчувствуя болезнь, я хотела спрятаться за что-то. До этого момента я не осознавала, что все мои идеи были фаталистическими:

"Болезнь - это смерть". Мне было трудно признать истину, что Бог может исцелять.

А доктор все еще говорил: "Нам потребуется для этого случая еще четыре доктора, вы получите лучшее медицинское лечение в мире. Но мы не должны ждать. Я хотел бы, чтобы завтра вы легли в госпиталь".

Я почувствовала себя словно на карусели - я цеплялась за жизнь во время вращения. Я кивнула. "Как вы скажете, доктор. Просто позвольте мне сходить домой, упаковать вещи и сделать распоряжения относительно детей".

Позднее на этой же неделе я проснулась и сквозь расплывающийся туман анестезии увидела Дона и Ивонну Феддерсон, стоящих у моей кровати. Мы с Ивонной основывали организацию "Международные сироты" еще задолго до того, как она вышла замуж за одного из выдающихся продюсеров в Голливуде.

"Привет", - прошептала Ивонна, когда я подмигнула ей. Я почувствовала в своей руке руку Дона, его теплые пальцы крепко держали мои. "С вами будет все в порядке", - сказал он с уверенностью.

"У меня рак, не так ли? - спросила я, глядя прямо в лицо Ивонны. - Мне это снилось прямо сейчас, когда я просыпалась".

Ивонна кивнула. Они с Доном так сильно старались выглядеть веселыми, но слезы катились по ее лицу. Она не могла ничего скрыть от меня. "С вами будет все в порядке, все равно", - улыбнулась она, заверяя меня.

"Мне придется сходить к Кэтрин Кульман", - сказала я.

"Кто это такая?" - спросил Дон. ...Я мысленно вернулась к тому дню, когда я задала тот же самый вопрос восьмидесятилетнему плотнику, который кое-что ремонтировал в моем доме. Тогда он сказал: "Вы напоминаете мне Кэтрин Кульман. Вы даже говорите, как она".

"Кто эта Кэтрин Кульман?" - спросила я. Он вытащил из кармана на фартуке горсть гвоздей.

"Ушло бы сто лет, чтобы ответить на этот вопрос, - засмеялся он, встав на колени, чтобы забивать гвозди в плintус. - Вам просто надо пойти посмотреть на нее. В противном случае все, что я скажу вам, будет звучать смешно, - затем, сделав паузу, он посмотрел вверх. - Вы знаете, она будет здесь, в городе, на следующей неделе. Я поеду на собрание с целым автобусом прихожан моей церкви. Почему бы вам не поехать с нами?"

И вот мы поехали - этот восьмидесятилетний плотник и я. Я была поражена служением и проплакала все время, пока была там. Это было глубочайшим духовным переживанием за всю мою жизнь. Конечно, думала я, все так и происходило в Новозаветной церкви.

И хотя расписание работы и занятия в моей церкви не позволяли мне посетить другое "собрание с чудесами" в зале "Святыня", я никогда не сомневалась, что Бог работает через служение Кэтрин Кульман. Если бы я знала до того, как легла в госпиталь, что у меня рак, то я вначале пошла бы на "служение с чудесами"...

"Кто такая эта Кэтрин Кульман?" - снова спросил Дон, прервав мои размышления.

Вспомнив тот ответ, что дал мне мой восьмидесятилетний плотник, я улыбнулась Дону: "У меня ушло бы сто лет, чтобы ответить на этот вопрос. Вы должны просто поехать со мной, чтобы повидать ее. В противном случае все, что я скажу вам, будет звучать смешно".

Я почувствовала холодную руку Ивонны на своей голове. "Вы просто лежите здесь и поправитесь, - сказала она. - Дон собирается остаться здесь, но мне нужно вернуться к нашим сиротам".

"Хорошо, - сказала я, снова засыпая. - Я поправлюсь. Умирать еще не время - слишком много нужно успеть сделать".

Я никогда не думала, что меня так увлечет эта работа для сирот. Еще в 1959 году, когда Ивонна и я были подростками, мы получали удовольствие, внося посильный вклад в работу "УСО" в Японии. Бурные аплодисменты американских солдат на наши избитые шутки на удаленных радарных установках были величайшей наградой, о которой только может мечтать любая восходящая звезда Голливуда.

Там же, в Токио, мы пережили третий тяжелый тайфун за зиму. После того, как ветер утих, мы вышли на улицы, чтобы осмотреться, и не успели далеко уйти, как встретили группу маленьких ребятишек, дрожавших от холода, босоногих, с потрескавшимися до крови руками и голодными лицами. И их было одиннадцать, старшему примерно десять лет, а младшему не более двух. Они плакали и повторяли одну и ту же японскую фразу. С помощью карманного словаря мы, наконец, поняли, что они бормотали: "Нет мамы, нет папы".

И вот что мы сделали. Мы тайком провели их всех по задней лестнице в наш роскошный номер отеля, купали в горячей ванне и заказали для них много риса. Затем мы позвонили нашему армейскому полковнику и спросили его, что делать.

"Позвоните в полицию", - взорвался он. Полицейские приехали, пожали плечами и уехали.

Мы собрали армейские одеяла, укрыли детей на ночь. На следующее утро мы отправились в армейском лимузине со списком приютов в руках.

Нигде не брали детей. "У нас переполнено", - объясняли нам. Было уже за полдень, когда наш водитель, который говорил немного по-английски, объяснил, в чем дело: "Голубые глаза, светлая кожа". Эти дети были нежеланными, и, вероятно, их выкинули именно из этих же приютов, чтобы они умерли.

Шокированные и взбешенные, мы с Ивонной привезли детей назад в наш номер в отеле, заказали еще риса и снова стали штурмовать офис полковника.

"Продлите наше пребывание, - потребовали мы. - Мы не можем уехать сейчас. Это наши дети".

Кто-то посоветовал нам обратиться к директору Японско-Американской Генеральной Миссии в Токио. Через него мы вышли на госпожу Кин Хориучи в огромном Токио. Она собрала двадцать одного "неприкасаемого" ребенка в однокомнатном жилище без входной двери, без оконных стекол, с одной хибати (тип жаровни) для готовки и для тепла, с несколькими тонкими одеялами и с одним пиджаком, который старшие дети по очереди носили в школу.

Госпожа Хориучи взяла еще одиннадцать детей, и мы отдали ей все армейские одеяла, которые мы сумели стащить, все деньги, что у нас были, и пообещали добыть еще денег.

Затем мы пошли с протянутой шляпой, собирая мелкие монеты и доллары у солдат и офицеров. К тому времени, когда мы уезжали домой, еще несколько мальчишек выбросили на улицу в нескольких кварталах от хижины госпожи Хориучи с записками, приколотыми к их убогой одежонке.

Уже в Голливуде мы с Ивонной объединились под названием "Международные сироты, инкорпорейтед" - эта организация лучше известна, как "IOI" - и начали работать. Мы организовали филиалы в городах по всей стране и, когда начали поступать деньги, стали открывать приюты. Скоро у нас было девять приютов, школа и госпиталь.

Многие известные голливудские звезды были вовлечены в наш проект. Пресса дала хорошие отзывы на нашу работу. Мэр Лос-Анджелеса Йорти, генерал-лейтенант Льюис Уолт из Военно-Морских сил и Морской корпус капелланов - все они поддержали программу. И эта организация стала местом работы на полный рабочий день для Ивонны и для меня.

Вот почему я не должна была болеть. Слишком много голодающих, бездомных детей зависело от меня. Если бы я умерла, то умерли бы и они. Я верила всем своим сердцем, что Бог призвал меня на эту работу, а она не была завершена. Я знала, что я должна остаться на земле, - даже если потребуется чудо, чтобы оставить меня в живых.

Доктора отнюдь не были оптимистичны в оценке моих шансов. Они сказали мне, что я пробуду в госпитале долгое время, и что меня ждет многомесячное лечение кобальтом после выписки. Злокачественная опухоль, которая давила на сердце, вызывала боль, и доктора подозревали, что рак уже распространился в грудную клетку и в железы.

В тот день, когда я вышла из госпиталя, я позвонила одному из представителей мисс Кульман в Лос-Анджелесе, чтобы выяснить дату следующего собрания в "Святыне".

Джэнис Форд, вице-президент "Международных сирот", поехала со мной на собрание. Мы не знали, однако, когда начинается служение, и прибыли в зал "Святыня" через час после того, как двери закрылись. Толпы людей ожидали на тротуарах, надеясь, что кто-нибудь выйдет и кого-то впустят на освободившееся место.

Я пробралась сквозь толпу и стала колотить по двери кулаками. Дверь отворилась.

"Леди, нет никакой возможности, - сказала женщина. - Все места заняты".

И дверь мягко, но плотно закрылась перед моим носом.

"Я просто не понимаю этого, - сказала Джэнис. - Ведь, кажется, это так правильно, что мы пришли сегодня. С медицинской точки зрения вам не следовало бы вообще приходить сюда. Ведь у вас еще не сняты швы".

Я положила руку на бок и почувствовала покалывание швов в коже. "Что ж, я не собираюсь уходить, - сказала я ей. - Я верю, что нам предопределено быть здесь".

Мы с Джэинс обошли вокруг здания, пытаюсь сообразить, как войти внутрь, и тут увидели одну из личных помощниц, которая беседовала посреди тротуара с людьми. Я встречала ее раньше, когда приезжала в зал "Святыня". Возможно, она помнит меня?

"Сара! Привет! - крикнула она. - Мисс Кульман послала меня попросить прощения у этих людей. В зале больше нет мест".

"Я все перепутала. Я думала, что собрание начнется в 13.30. Неужели нет никакой возможности?.." - взмолилась я.

Она постояла с минуту, глядя на меня, прежде чем заговорить.

"Ты знаешь, Сара, у меня есть чувство, что мне следует отдать тебе свое место. Мой муж тоже здесь, и он может уступить свое место твоей подруге".

И как только мы заняли наши места на балконе, я увидела, что рядом со мной сидит Глория Овен. Она была старой подругой и работала со мной в "Международных сиротах". Затем кто-то коснулся моего плеча. Я обернулась и увидела сестру Мэри Игнатиус, католическую монахиню. Она тоже была моей старой доброй подругой. Мужчина передо мной обернулся и улыбнулся: "Привет, Сара". Он оказался одним из актеров, с которыми я работала, когда играла в шоу "Оззи и Харриет". Я была в окружении людей, которых знала!

Внезапно мы все встали и запели "Аллилуйя!" Снова и снова мы пели это хором. У меня возникло то же самое ощущение, которое у меня было, когда я погружалась в сон от анестезии. Я понимала, что происходит вокруг меня, но не была частью этого. Когда мы сели, это чувство осталось. Я осознавала, что мисс Кульман проповедует, но не слышала ни слова из того, что она говорит. Я была в вакууме.

И тут я увидела это - розовое облако или туман, движущееся через балкон туда, где я сидела.

Внезапно это облако полностью окутало меня. Я могла видеть сквозь него и хотела протянуть руку, и дотронуться до Джэнис, и спросить, видит ли она его тоже, но опасалась, что оно уйдет, если я заговорю или двинусь.

Затем, все еще окутанная облаком, я услышала голос мисс Кульман, доносившийся со сцены: "Исцеление на балконе, кто-то вылечился от рака".

Я ясно слышала ее, но боялась поверить, что она имеет ввиду меня. Я начала молиться:

"Боже, если это Ты, я хочу это знать. Я не хочу сомневаться. Я не хочу принимать того, в чем не уверена. Я должна знать конкретно".

Внезапно что-то случилось. Словно я схватилась за обнаженный провод под напряжением. Огненные иглы пронзили мое тело, словно я была заряжена до тысячи вольт электрическим током. Я почувствовала сильное тепло, струящееся по моей груди, и меня начало трясти так сильно, что я боялась упасть с сиденья.

И снова голос мисс Кульман сказал: "Девушка на балконе, исцелившаяся от рака, узнает о своем исцелении, по тому, что это словно тысяча игл, прошедших сквозь ее тело".

Да, так оно и было. Позднее я узнала, что люди вокруг меня тоже чувствовали эту силу.

Джэнис, Глория Овен, мой друг-актер, сестра Мэри Игнатиус - все получили щелчок от этих шокирующих волн Святого Духа. Но я все еще боялась требовать то, что, возможно, не принадлежало мне. Мисс Кульман продолжала говорить:

"Девушка, исцеленная от рака, сидит в последнем ряду на втором балконе. Встаньте и примите свое исцеление".

Я осмотрелась. Именно на этом месте я и сидела. И невозможно, чтобы мисс Кульман узнала обо мне, если Господь не открыл ей это. Я встала, и служитель проводил меня до сцены, а розовый туман все еще окружал меня.

Я пыталась сказать мисс Кульман о своем исцелении, но прежде чем я смогла что-либо сказать, она коснулась меня. Мои ноги подогнулись, и я свалилась на пол под переполняющим потоком силы. Я едва помню, как вернулась на свое место.

После собрания мы с Джэнис пошли в дом Феддерсонов. Когда я рассказала Дону и Ивонне о своем исцелении, они были возбуждены, но я подозреваю, что оба они предпочли бы иметь больше свидетельств, чем просто мой рассказ об иголках, проходящих через тело.

И такое свидетельство нашлось! В тот вечер, когда я разделась, я обнаружила его. Еще раньше в тот день я заметила болезненные покалывания швов на месте операции. Но в тот вечер моя кожа была на ощупь гладкой, необычайно гладкой, по всей длине восемнадцатидюймового зигзагообразного шрама спереди и сбоку моей грудной клетки. Я подошла к зеркалу и едва могла поверить в то, что увидела. Кожа, новая кожа выросла везде поверх швов, уничтожив их. И рубец, и швы почти полностью исчезли. И только сильно нажимая, я могла чувствовать уплотнения от швов под кожей.

Я была убеждена. Я не стала тратить времени и утром, позвонив Ивонне, попросила ее пойти со мной в кабинет врача.

Мы были первыми в офисе. После того, как доктор обследовал меня, он оставил меня с сестрами, а сам вышел поговорить с Ивонной. Я услышала его через открытую дверь. "С вашей подругой произошло нечто странное: ее кожа выросла поверх моей работы. Возможно, нам придется провести еще одну операцию, чтобы вывести швы наружу". Он был доволен, но озадачен.

Сестры работали со мной, пытаясь удалить стежки, но безуспешно. Наконец пришлось вмешаться доктору. Он использовал скальпель, чтобы надрезать кожу, и иглу с крючком на конце, чтобы вытащить нитки одну за другой. Это было больно, но это была счастливая боль. Спустя неделю мой отец умер в Теннесси, и семья собралась на похороны. Никто, исключая моего брата, не знал, что я была оперирована по поводу рака, но все они поняли, что в моей жизни произошло что-то чудесное. Я тоже это знала. И не только мое тело было исцелено (позднее анализы подтвердили, что все следы рака пропали), но у меня появилась новая сила, новая радость - достаточная, чтобы поддержать всю семью во время похорон отца. Это было так, словно Бог сделал меня живым свидетельством силы Иисуса Христа, необходимой нам во время стресса.

Сейчас, более чем через год, оглядываясь назад, я воздаю Богу хвалу за то, что у меня был рак. Я осознаю, что когда Иисус протягивает и возлагает свою исцеляющую руку на тело, это

прикосновение просачивается в самые глубины души. Его прикосновение заставило меня полностью переосмыслить свою жизнь, взглянуть на приоритеты и определить, что важно, а что нет.

Голливудская жизнь с ее безумным темпом все еще бурлит вокруг меня. Моя работа для "Международных сирот" занимает все больше времени, но уровень моей энергии возрос до фантастических величин. Я в состоянии закончить в три раза больше дел, чем раньше, - и все с половинным усилием.

Я знаю, что Бог дал мне эту победу с целью. Это, возможно, позволит мне воспитать моих собственных мальчиков. Возможно, мне потребуется помощь, чтобы обеспечить дома для сотен тысяч бездомных детей по всему свету. Может быть, я смогу оставаться на этой голливудской карусели, наблюдая спасающую и исцеляющую силу Иисуса Христа. Какова бы ни была причина, я знаю, что каждый новый день - это подарок от Бога, чтобы в радости проживать его во всей полноте, отдавая Ему всю славу.

Глава 16. То, о чем надо кричать - Эвелин Аллен

Умиравшую от "миастении гравис" [Myasthenia Gravis] Эвелин Аллен принес в зал "Святыня" ее муж и устроил на двух подушках. Она была едва в состоянии дышать. В то воскресенье я проповедовала всего несколько минут, когда начали происходить чудеса. Одной из первых, затронутых силой Божьей, была Эвелин Аллен. Никто из нас не забудет, как она встала со своего места и пошла, подпрыгивая и прославляя Бога.

"Миастения гравис" - это неизлечимый, смертельный недуг, настоящий убийца. Он атакует центральную нервную систему, словно маньяк, разносящий телефонную коммутационную панель топором. И все происходит, как короткое замыкание.

Мой муж Ли в те годы служил на флоте, и меня беспокоили приступы слабости, головокружения и обмороки. Я не думала, что это серьезно. Затем Ли ушел в отставку и получил ответственный пост в "Юнайтед Эйрлайнс" в международном аэропорту в Сан-Франциско. Мы купили маленький домик напротив бухты в Сан-Лоренцо, и я надеялась, что тут мое здоровье восстановится.

Но вместо этого боль усилилась. Казалось, каждый орган в моем теле был в беде. Я несколько раз в неделю ходила в Морской госпиталь Окленда, пока доктора искали причину. Три большие операции ничем не смогли помочь.

Однажды в воскресенье после обеда один назарянский пастор из Аламеда позвонил мне, чтобы узнать, буду ли я играть на церемонии венчания в его церкви. Я согласилась, хотя чувствовала себя так плохо, что едва могла ходить. Когда солист встал, чтобы запеть Господню молитву, я испугалась, что потеряю сознание прямо на скамейке у органа. Ноты замелькали перед глазами, и я не ощущала рук и ног. "Я не смогу сыграть эту мелодию, - думала я. - Пожалуйста, Боже, помоги мне".

Он помог, и я справилась, хотя не видела нот и не знала даже, касаются ли мои руки клавиатуры. После этого Ли отвез меня домой и уложил в постель. Я болела три недели.

Всякий раз, когда я пыталась подняться, моя грудная клетка словно опускалась на легкие, выдавливая из меня весь воздух. У меня было странное чувство, что меня разорвало на куски изнутри.

Невролог из Морского госпиталя честно признался, что не может определить мою болезнь. К тому времени у меня было два или три обморока в неделю, и я часто теряла контроль над руками и ногами. Мое тело было наполнено бушующим огнем боли, которая опаляла каждое нервное окончание. Я могла дышать лучше, если лежала; сердце билось, словно автомобильный мотор, когда педали газа и сцепления вжаты в пол.

Ли организовал круглосуточное дежурство. Наш маленький дом из уютного гнезда превратился в дом ухода за умирающей женщиной.

Я начала молиться: "Господи, пусть следующий вздох будет последним. Я не могу выдержать больше этой боли". Но я не умирала. Я только чахла. Дни и ночи нанизывались на одну сплошную нитку боли.

Военно-Морской флот оплатил все наши медицинские расходы, пока я продолжала посещать Морской госпиталь. Но врачи госпиталя не смогли помочь мне, а я жаждала найти источник помощи. Деньги не имели значения. Это был вопрос жизни и смерти.

В отчаянии я обратилась к гражданскому терапевту доктору Фелпсу в Сан-Линдро. Он взял все мои медицинские карты из Морского госпиталя, принял меня в мае в Мемориальный госпиталь Сан-Линдро и немедленно начал интенсивную серию анализов. С самого начала доктор Фелпс понял, что у меня не в порядке - хотя ни один врач не хотел произносить неопровержимый смертный приговор.

В августе того года я пошла в его офис после серии серьезных приступов. Обычные болеутоляющие, даже наркотики, не могли помочь мне, поскольку они все действуют на нервную систему - а именно моя нервная система и была замкнута накоротко.

"Эвелин, - сказал мне доктор Фелпс, - я должен сказать вам начистоту. В диагнозе нет ошибки.

У вас наследственный периодический паралич и миастения гравис. Это, видимо, началось пятнадцать лет назад и сильно ухудшилось с тех пор. Я хотел бы помочь вам, но я абсолютно ничего сделать не могу. Организация Миастения Гравис Фаундейшен провела некоторое исследование этой болезни, но на этой стадии и они ничем не могут помочь вам".

Я была слишком больна, чтобы удивиться. В течение некоторого времени я уже знала, что умираю. Все, что он сказал мне нового - это имя убийцы.

Доктор Фелпс не пожалел времени и терпеливо описал природу болезни. "Наследственный периодический паралич - это редкая болезнь, - сказал он, - которая обычно протекает в юном возрасте. Она отмечается повторяющимися атаками быстро прогрессирующего паралича, который поражает все тело. Миастения гравис - это хронически прогрессирующая мышечная слабость, поражающая все жизненно важные органы тела. Смерть, когда она приходит, наступает обычно от сердечной или респираторной недостаточности. Все, что я могу сказать, - это то, что большинство пациентов в вашем состоянии уже не живут".

Я кивнула. "Доктор Фелпс, я отдала все свое сердце Иисусу в детстве в Методистской церкви Уэсли в Ясли, штат Южная Каролина. Я благодарна Богу за то, что выросла в христианской семье, где учили Библии. Я готова пойти туда, куда Он хочет взять меня". Я не могла сдержать слезы и уронила голову на руки.

Один друг баптист дал мне экземпляр книги "Я верую в чудеса" и посоветовал мне слушать радиопрограммы Кэтрин Кульман. Я стала ждать очередной передачи. Я была полностью согласна с теологией мисс Кульман и верила, что исцеление - это часть Божьего плана для сегодняшнего дня. Однако это не казалось Его планом для меня. Я отчаянно молилась, чтобы Бог или исцелил, или забрал меня. Он не сделал ни того, ни другого. Казалось, что Он забыл обо мне, оставив медленно умирать от приступов нестерпимой боли.

Ли позвонил моим родителям Фрэнку и Грейс Крокс в Южную Каролину и сказал им, что он не думает, что я протяну очень долго. Они оба были старыми и больными, но захотели повидать меня еще раз, прежде чем я умру. Они вылетели из Гринваля, Южная Каролина, пробыли две недели и вернулись домой, обещая, что все в Методистской церкви Уэсли и в баптистской церкви будут молиться за меня.

Многие в нашей округе тоже молились. Пастор из церкви по соседству, большой церкви христианско-миссионерского альянса, пришел повидать меня. "Пастор, доктор сказал, что они ничего не могут сделать для меня", - сказала я, заплакав, когда он вошел.

"Что ж, так может быть с людьми, - сказал он. - Но Бог все еще на троне, Эвелин. Его раны для вашего исцеления, и мы собираемся просить Бога о чуде. - Затем, сделав паузу и осмотревшись, он спросил: - Есть ли у вас в доме масло?"

"Все, что у нас есть, это немного масла для ванны" , - ответила я. "Отлично, Бог не сказал, какого вида масло использовать, - сказал он. -

Принесите его мне".

Он и его спутник возложили руки на меня и помазали меня маслом. "Господи, мы молимся в вере и послушании, - сказал он. - Мы требуем исцеления для этой Твоей дочери".

На дворе был сентябрь. К тому времени единственной яркой частью моего дня были передачи по радио Кэтрин Кульман. Однажды во вторник ведущий рассказал о богослужениях в зале "Святыня" в Лос-Анджелесе. Я знала, что мне невозможно проделать это путешествие длиной в четыреста пятьдесят миль. Я едва могла встать с постели, чтобы дойти до ванной. Программа заканчивалась музыкой из "Святыни". Чудесный хор пел гимн "Моя надежда". Посреди песни я услышала глубокий голос Кэтрин Кульман, она обратилась к общине: "Пойте все".

Это было больше, чем я могла выдержать. Я много лет играла на органе в церкви и знала, что должна присоединиться. Я выбралась из постели и поползла по полу к органу на другой стороне комнаты. Взобравшись на скамейку, я нажала на переключатель и открыла книгу с нотами гимна, что они пели. Но когда я положила пальцы на клавиатуру, слабость скрутила меня, я упала на клавиши, и орган издал рев диссонанса, словно это было мое страдание.

Это было безнадежным. Я выключила инструмент и легла на клавиатуру, плача от боли и разочарования. У меня не было сил даже поклоняться Богу.

Программа кончилась. Мисс Кульман ушла, и радио стало передавать какие-то коммерческие объявления. Когда я посмотрела вверх, мои глаза сфокусировались на книге с гимнами, и третья строфа этого грандиозного старого гимна была набрана жирным шрифтом. Я играла его сотни раз в дюжинах разных церквей. Но каким-то образом я никогда не видела слов - по меньшей мере не позволяла им запоминаться. Видимо, я должна была в состоянии отчаяния лечь на клавиатуру, чтобы истина смогла дойти до меня.

Когда все вокруг моей души расплывается, Он - вся моя надежда и опора. На Христе, на твердой скале я стою;

Всякая другая почва - это зыбучий песок. Всякая другая почва - это зыбучий песок.

Я положила голову на орган и сказала вслух: "Господи, я поеду на это "собрание с чудесами" в Лос-Анджелесе - даже если умру по дороге".

Я снова подползла к постели и разрыдалась, продолжая громко молиться. "Иов был избавлен от страдания. Люди в той книге мисс Кульман избавлялись от своих страданий. Господи, я намереваюсь тоже избавиться от этого. Если Ты не хочешь, чтобы я поехала на это собрание, то заberi меня лучше сейчас, поскольку я поеду", Я потянулась к телефону и позвонила подруге, которая иногда посещала службы в церкви по соседству. Она отличалась от многих моих христианских друзей, поскольку молилась особым образом - "в Духе", как она называла это. Если кто-то и мог помочь мне, то это она.

"Не поедешь ли ты со мной на собрание Кэтрин Кульман? - закричала я в телефонную трубку.

- Я должна поехать, даже если умру".

"О да! - почти кричала она в ответ. - Я поеду с тобой. Я молилась". Я знала, что сотни других христиан тоже молились.

Ли зарезервировал места на специальном самолете, который вылетал из аэропорта в Окленде.

Но в пятницу, за два дня до того, как мы должны были вылететь, у меня был ужасный приступ. Ли позвонил доктору Фелпсу.

"Дайте мне поговорить с вашей женой, - сказал доктор. Ли приставил трубку к моему уху, и доктор Фелпс сказал: - Эвелин, прошу прощения, но здесь никто ничего не сможет сделать. Большинство пациентов в вашем положении не живут".

"Хорошо, я скажу вам, что я собираюсь сделать, доктор, - прохрипела я. - Я собираюсь на "собрание с чудесами" Кэтрин Кульман - если я еще буду жива, когда придет время выезжать".

"А теперь скажите мне, как вы собираетесь сделать это, - мягко сказал он.

- Я могу сказать, слушая вас, что у вас серьезные респираторные проблемы". "Я справлюсь с этим, - сказала я, задыхаясь. - Просто подождите и увидите".

Последовала пауза. "Я хочу увидеть вас в своем офисе во вторник, после того, как вы вернетесь, - сказал он. Затем последовала еще одна пауза. - И, Эвелин, я буду молиться за вас, когда вы поедете".

На следующий день, в субботу, я была так слаба и чувствовала такую боль, что когда подруга позвонила мне по телефону, я попыталась уклониться. "Я не могу поехать, - заплакала я. - Я даже не могу поднять голову от подушки, чтобы не задохнуться. Как, ты думаешь, я смогу полететь на самолете и доехать до зала?"

Ее голос звучал в телефоне, как голос Бога. "О Господи, я знаю, что Ты собираешься использовать ее; я знаю, что Ты собираешься исцелить ее; я знаю, что Ты хочешь сделать ее великой свидетельницей. О, спасибо Тебе, Господи".

Я была слишком слаба, чтобы как-то судить ее молитву. Все, что я знала, что она пытается пробиться к Богу. Я была признательна.

В субботу вечером я лежала на постели и смотрела на часы.

"Все в порядке, Господи, - сказала я. - Завтра вечером я войду в этот дом или в противном случае я буду гулять по улицам из золота. Если я не смогу вернуться домой исцеленной, я хочу умереть прямо там, в зале "Святыня"".

Я не торговалась с Господом. Это был, скорее, ультиматум. Он мог взять меня, или Он мог исцелить меня; я принимала любой вариант. Но я не хотела останавливаться на чем-то половинчатом.

Воскресенье было самым жестоким днем для меня во всей жизни. Ли подхватил меня, словно мешок с картошкой, и посадил в машину. Инвалидная коляска ждала меня в аэропорту, и меня посадили в нее.

"О, не везите меня так быстро", - простонала я, когда Ли повез коляску по пандусу.

"Эвелин, мы едва двигаемся", - сказал он.

Мне приготовили место на самолете, чтобы я могла лечь. Мне стало плохо, поскольку вес моих мышц давил на дыхательную систему. "Я не смогу добраться, - задыхаясь, прошептала я, подруге. - Я умру прямо здесь, в самолете".

"О нет, ты не умрешь, - сказала она властно. - Боже, не дай ей умереть! О Господи, исцели ее.

Мы востребуем твоё исцеление". Я была убеждена, что Бог слышит эту красивую женщину с золотисто-каштановыми волосами.

Ли захватил с собой подушки, и, когда мы сели в автобус в аэропорту Лос-Анджелеса, мне опять опустили сиденье, чтобы я могла лечь.

Мы поздно приехали в зал "Святыня". Здание было наполнено людьми, но для прилетевших на самолете были зарезервированы места. Ли пронес меня по проходу до моего места и положил на сиденье подушки. Я чувствовал, что все глаза в этом большом зале устремлены на меня. Но когда ты умираешь, тебе все равно, что думают люди. Ты сделаешь все, чтобы выжить.

Я страдала больше, чем прежде. Хор запел "Отче наш", и я прошептала Ли: "Положи меня навзничь на пол у двери. Я думаю, что я больше не смогу сидеть". Но прежде чем он шелохнулся, это случилось.

Мисс Кульман подошла к микрофону. "Я не буду проповедовать, поскольку сегодня так много страждущих. Святой Дух жаждет начать действовать". Она начала называть исцеления. Одно, второе, третье - и затем я услышала, как она сказала: "Справа от меня исцеление от нарушения дыхания...".

"Это я!" - прошептала я Ли.

Я взялась руками за спинку стула впереди меня и попыталась подняться. И не смогла. И упала назад на подушки. Мое тело было словно мокрая тряпка. Я попыталась снова, но не смогла даже дотянуться пальцами до спинки стула. "Господь прошел мимо меня, - простонала я, обращаясь к Ли. - Я не смогу вернуться домой".

И тут леди, одетая в белое вязаное платье, пошла по проходу. "В этом секторе было исцеление?" - спросила она у Ли.

Затем она увидела меня на подушках. "Вы принимаете исцеление?" "Нет, - ответила я, - но я уверена, что мне бы оно не помешало". "Не попробуете ли вы пойти во имя Иисуса?" - спросила она.

"Я не могу встать".

"Может быть, попробуете?" - уговаривала она. Я почувствовала, что большая сильная рука Ли обхватила мою талию, и прежде чем я смогла ответить, он поставил меня на ноги.

Затем я почувствовала нечто необычное. Это было легкое покалывание, словно прикосновение пера, и оно началось у моего левого уха и прошло по левой части моего тела, как будто по мне провели щеткой. И это покалывание было очень легким. Внезапно я ощутила невесомость.

Паралич ушел. Боль ушла. Я стала сильной - сильнее, чем была прежде. Прежде чем я поняла это, я уже бежала по проходу к сцене. Я могла слышать рев большой толпы, когда люди увидели, что произошло.

Я слышала, как Ли кричал сзади: "О, она исцелена! Боже, не дай ей сломать ногу".

Я пробежала весь проход к сцене, оставив помощницу далеко позади.

Когда я поднялась на сцену, мисс Кульман подошла ко мне. "Вы приняли исцеление?" Тут я испугалась. Я взглянула на это огромное море лиц. Я посмотрела на свои ноги и, словно Петр, когда он шел по воде, начала тонуть. Я вздохнула со страхом и отчаянием: "Мисс Кульман, паралич возвращается. Пожалуйста, помогите мне".

Она обхватила меня вокруг талии. "Я не могу помочь вам. У меня нет силы помогать или исцелять. Обратитесь к Иисусу". Затем она повернулась к собранию: "Я хочу, чтобы все присутствующие помолились, чтобы исцеление этой женщины было полным".

Я услышала, что хор снова начал петь, и все люди вокруг меня молились. Мисс Кульман прикоснулась к моему лбу. Я почувствовала, что Святой Дух потек через мое тело. Вернулось ощущение прикосновения перышка, и это чувство прошло по всему телу - от головы до пальцев ног. Я была в полном сознании. Я не упала в обморок. Но это было величайшим отдыхом, который я когда-либо знала. Я летала, хотя и лежала на полу - сраженная силой Бога.

Кто-то помог мне подняться на ноги, и мисс Кульман сказала: "Потопайте этой ногой во имя Иисуса!" Я потопала немного, потом топала снова и снова, смеясь и плача, я бегала взад и вперед по сцене. Затем мисс Кульман начала обращаться к дьяволу. Я подумала:

"Боже, с кем же она говорит?".

"Сатана, - сказала она, - эта женщина принадлежит Всемогущему Богу, и ты никогда больше не будешь связывать ее". Весь зал стоял, аплодируя и воздавая хвалу Богу.

"Есть ли в зале доктор, который мог бы подняться сюда на сцену и осмотреть эту женщину?" - спросила мисс Кульман в микрофон.

Спустя немного времени на сцену вышел мужчина и представился, как хирург из Анахайма.

Он пощупал мои мышцы, послушал пульс, дыхание, а затем повернулся к мисс Кульман. "Я сидел там с тремя моими коллегами, - сказал он. - Я не сомневаюсь в том диагнозе, который поставили ей врачи. Это именно сила Божья, ибо никто с миастенией не может делать того, что делает эта женщина". На его лице были слезы, когда он свидетельствовал.

После собрания водитель автобуса только взглянул на меня, и его лицо расплылось в большой улыбке. "Вы исцелены! - воскликнул он. - Я никогда больше не буду сомневаться в силе Божьей. Я видел вас до служения и вижу теперь". Когда мы доехали до аэропорта, люди из нашей группы остановили и удержали Ли. "Мы хотим увидеть, как ваша жена сама поднимется по лестнице", - попросили они.

Я сама пробежала по пандусу и по ступенькам. Это был день проведения финальной игры "Всемирной серии", и мы прибыли в Окленд одновременно с командой "Окленд А", которая только что победила команду "Цинциннати Редс". Тридцать пять тысяч человек пришли в тот маленький аэропорт приветствовать победителей. У нас ушло три часа на то, чтобы выбраться оттуда. Ли и моя подруга жаловались на боль в ногах, но я чувствовала, что у меня словно крылья вместо ног. "Эти ребята из команды А думают, что у них есть повод праздновать, - закричала я сквозь шум толпы. - Ни у кого в мире нет лучшего повода кричать, чем у меня. Я была исцелена".

В следующий вторник я отправилась в офис доктора Фелпса. Его медсестра немедленно заметила перемены во мне. "Ничего не говорите, - предупредила я ее, когда она помогала мне раздеться. - Я хочу, чтобы доктор сам все обнаружил".

Доктор Фелпс вошел и с симпатией посмотрел на меня. "Эвелин, как вы сегодня себя чувствуете?" - спросил он своим глубоким низким голосом.

"У меня проблемы с большим пальцем на ноге, - хихикнула я. - Думаю, что это от обуви".

Он слегка улыбнулся и начал обследование. Он измерил мое кровяное давление, и я заметила, что он слегка нахмурился. Я едва могла сдерживать смех. Затем он проверил мои рефлексы.

Впервые за несколько лет все работало. Отступив, он сложил свой фонендоскоп и засунул его в карман халата. "Эвелин, я хочу знать, что с вами случилось".

Я спрыгнула со стола и немного потанцевала на полу кабинета. "Доктор Фелпс, - засмеялась я, - вы можете заняться другими больными - я была исцелена".

"Я верю, - широко улыбнулся он. - Бог сделал это! А теперь идите и воздайте Ему славу". Я ушла из кабинета врача в то утро и стояла на тротуаре, глубоко дыша. Чайки вились над головой, а отлив в бухте обнажил морское дно. Но мои ноги не были погружены в ил, они стояли на прочном основании, которое никогда не сдвинется. Я начала петь, когда села в машину, чтобы ехать домой.

На Христе, на твердой скале я стою; Любая другая основа - это зыбучий песок. Любая другая основа - это зыбучий песок.

Глава 17. Бог любит нас всех - Клара Куртеман

Клара Куртеман живет в маленьком городке Фортуна в Северной Калифорнии. Она работала официанткой в ресторане и баре Фреда Део, пока паралич не превратил ее в инвалида. Она преданная католичка. И у них с Верном, который работает на лесопильном заводе, пятеро детей.

Все это началось однажды вечером в ресторане Фреда Део, где я обслуживала столики. Когда я поднимала поднос с грязной посудой, я внезапно почувствовала волну тошноты, которая сопровождалась стреляющими болями в голове и животе. Я почти упала, но одна из официанток поспешила мне на помощь, а другая девушка сообщила Фреду о моем состоянии.

Он позвонил моему мужу Верну, который приехал и забрал меня.

Я смогла добраться до софы в нашей крошечной гостиной и упала. Мне никогда не было так плохо. Верн велел нашим пятерым детям самим ложиться в постель. Затем он уложил меня на софу, где я и провела ночь.

Когда я проснулась на следующее утро, лучи солнца проникали в гостиную. Я попыталась сесть. И не смогла. Моя левая нога и левая рука не двигались. Я попыталась позвать Верна,

но с моих губ слетали только смешные звуки. Я почувствовала, как панический ужас сковал мой разум. Парализована! Наконец мои неразборчивые звуки разбудили Верна. По моим глазам он понял, что случилось нечто ужасное.

Было субботнее утро, и Верн позвонил нескольким докторам, прежде чем смог найти того, кто взялся осмотреть меня. Доктор провел короткое обследование и сказал: "Я думаю, что все дело в ущемлении нерва. Вам станет легче, когда вы немного отдохнете".

Озадаченный Верн забрал меня домой. Моя способность говорить постепенно вернулась, но я оставалась в кровати. Боль в левой руке и ноге стала сильнее.

Спустя две недели Верн позвонил доктору Диксону в Рио-Делл, маленький городок к югу от Фортун. Доктор Диксон, который лечил мою бабушку, согласился осмотреть меня. Когда я,ковыляя, вошла в его дверь, он сказал: "Я могу сказать прямо сейчас, что у вас был приступ. Вам следовало идти не сюда, а в госпиталь".

Я стала возражать. У меня было пятеро детей, о которых нужно заботиться, и мы были стеснены в деньгах. Доктор Диксон неохотно позволил мне вернуться домой.

Мое состояние продолжало ухудшаться. Однажды вечером за обеденным столом наш шестилетний Майкл сказал: "Папа, почему мама не учится говорить правильно?"

Я заплакала. Верн попытался сгладить ситуацию:

"Мама ничего не может поделать со своей речью, Майк. Она больна".

И даже тут никто из нас не осознавал, насколько я больна на самом деле. В октябре я легла в госпиталь Университета штата Калифорния в Сан-Франциско. Верн отвез меня туда за триста миль, и меня приняли в субботу вечером. Доктора начали делать анализы в тот же день. Спустя три дня один из докторов подошел к моей постели в палате. "Миссис Курteman, похоже, что у вас церебральная артериальная закупорка. Это медицинское название непроходимости кровеносных артерий мозга. Это вызвало приступ, приведший к параличу левой части тела".

Верн заехал за мной незадолго перед Днем Благодарения. Доктора не хотели отпускать меня, настаивая на том, что им нужно удалить часть моего правого легкого, где образовались тромбы. Они предупредили меня, что у меня может случиться еще один приступ в любой момент. Однако мне разрешили остаться дома с детьми на выходные.

Это была долгая поездка домой. Даже езда по лесам из красного дерева ничего для меня не значила. Я всегда восхищалась этими высокими красными деревьями в Северной Калифорнии. Они стояли там со времен Христа - немые свидетели вечной доброты Божьей.

Теперь, однако, вечность казалась такой близкой.

А в Фортуне доктор Диксон велел сделать мне скобу для левой ноги и трость. Моя нога стала подворачиваться, и единственное, что могло выпрямить ее, - это была специальная обувь и скоба, которая доходила мне до колена.

За неделю до Рождества мне снова стало очень плохо.

Вернулись рвота, страшные головные боли и спазмы мышц в спине. В начале января у меня был еще один приступ. Однажды утром я проснулась и увидела, что моя левая рука неестественно вывернута и выглядит словно лапа. И при этом я чувствовала сильное жжение.

Доктор Диксон снова обследовал меня и, наконец, велел мне опять лечь в госпиталь в Сан-Франциско. Спустя еще неделю, когда я прошла сотню тестов, ко мне зашел один из врачей.

"Если бы у вас был выбор, - сказал он весело, - то что бы вы предпочли потерять - руку или ногу?"

"Вы шутите, не так ли, доктор?" - спросила я.

"Это только вопрос, - сказал он. - Но почему бы вам не подумать об этом и не дать мне ответ в ближайшие дни?"

Я пыталась забыть то, что он сказал, но эта фраза продолжала возвращаться ко мне. Почему он это спросил? Он шутил или говорил серьезно? Доктора знали больше, чем они говорили мне?

Спустя три недели меня выписали из госпиталя с условием, что я буду возвращаться через каждые две недели для дополнительного лечения.

Поскольку Берн работал, а наши финансы были на пределе, то это означало, что мне придется ездить туда и обратно на автобусе.

Чудесный священник, отец Райэн из католической церкви святого Иосифа в Фортуне, регулярно навещал меня. Однажды вечером я лежала на софе и испытывала такую боль, что думала: я умираю. "Святой отец, что мне делать?" - заплакала я.

"Все, что вы можете сделать, - это попросить Бога исцелить вас, - сказал он добрым голосом. - И я присоединюсь к вам в этой просьбе".

Затем он помолился обо мне.

Уходя, он встретил пастора из церкви Форсквер, который шел со своей женой ко мне. Эти два милых человека служили моему отцу во время его болезни, и они заходили повидать меня после того, как я заболела.

Мне становилось все хуже. Мое зрение ослабло, все расплывалось перед глазами, и я не могла сфокусировать взгляд. Левая нога не двигалась, и мою речь было очень трудно понять. Однажды в воскресенье после обеда после еще одного сильного приступа Берн отвез меня к доктору Диксону, который стал настаивать, чтобы меня сразу отправили в Сан-Франциско.

"Не тратьте время даже на то, чтобы переодеться, - сказал он Верну. - Я позвоню туда и зарезервирую место. Я вижу симптомы, которые мне не нравятся". Доктор Диксон думал, что я умираю. И я тоже так думала.

И снова доктора в университетском госпитале пропустили меня через серию тестов. На четвертый день один из нейрохирургов зашел в мою палату. "Что ж, миссис Куртеман, я думаю, нам нужно сделать маленькую операцию на вашей голове", - объявил он напрямую.

"Почему? У меня в мозге опухоль?" - спросила я. "Похоже на то, - признался он, - но мы не можем сказать наверняка, пока не вскроем и не посмотрим".

"Вы ведь не собираетесь обрить всю мою голову, не так ли?" - спросила я. Удивительно, но я тогда думала об этом. Нейрохирург говорил мне, что они собираются вскрыть мой череп и посмотреть на мозг, а я заботилась о том, как я буду выглядеть.

Но он засмеялся, и это сняло напряжение. "Я постараюсь спасти большую часть ваших волос", - пообещал он.

И он спас их, но сделал порядочную дырку сзади на моем черепе. После операции доктор Бертон принес мне результаты операции. "Хорошая новость и плохая, - улыбнулся он. - Прежде всего, у вас нет опухоли мозга. Это хорошо. Однако у вас есть заболевание, известное как васкулит - очень редкая болезнь крови".

"И это плохо?" - поинтересовалась я. Он кивнул. "Боюсь, что так. Это - ухудшение кровеносных сосудов в вашем теле, оно и вызвало те приступы, которые были у вас, - и, конечно, может вызвать новые. И любой из них может убить вас". Затем он сообщил, что и сама болезнь может убить меня, и что нет никакого известного метода лечения. "И что произойдет?" - спросила я. Он пододвинул стул к моей кровати и сел. "Клара, я не знаю, к чему это все приведет, - сказал он мягко. - Мы действительно ничего не можем сделать с этим недугом. Я считаю, что вам следует подумать о том, чтобы кто-то позаботился о ваших детях". Я поняла: он полагает, что я умру. Меня выписали из госпиталя, и я стала ездить туда каждую вторую неделю для лечения. Моя болезнь прогрессировала, и врачи сказали мне, что я могу ожидать мощного - даже смертельного - приступа каждый день. Они начали говорить об ампутации ноги, чтобы продлить мою жизнь.

Затем мне позвонила Катерина Део, жена моего босса. Мы были в близких отношениях с ней с тех пор, как началась моя болезнь, но в тот ноябрьский день она позвонила с восхитительной новостью.

"Клара, родственник Фреда Дон только что вернулся с замечательного собрания в Лос-Анджелесе. Оно называется "служение с чудесами" и проводится женщиной из Питсбурга. Он сказал, что видел, как сотни больных людей были исцелены силой Божьей".

"О, это так замечательно!" - сказала я.

"И это еще не все, - продолжала Катерина. - Фред и я, мы оба верим, что ты тоже можешь быть исцелена".

Я довольно хорошо знала Фреда и Катерину. Они никогда не проявляли большого интереса к духовным вещам. Но Катерина продолжала болтать: "Дон принес нам экземпляры книг Кэтрин Кульман. Я знаю, ты плохо видишь, и я подумала, что, может, ты захотела бы, чтобы я прочла их тебе по телефону".

Я согласилась послушать.

Однажды вечером, спустя несколько недель, Катерина прочла мне историю о маленьком несчастном клоуне из книги "Бог может сделать это снова". Этот клоун был исцелен, хотя он ни разу не был на "служении с чудесами". Читая это, Катерина стала плакать. Фред взял телефонную трубку и продолжил чтение. Затем и Фред заплакал. Я услышала, как Катерина сказала: "Дай мне дочитать. Я действительно хочу, чтобы Клара услышала эту историю".

Катерина кончила читать, и я поняла, что мне нужно поехать на "служение с чудесами".

Я подумала о моих дедушках и бабушках, которые были истинными христианами. Когда я болела, будучи ребенком, то моя бабушка молилась за меня, и я выздоравливала. Я поняла, что она все еще молится обо мне. Меня наполняло чувство возбуждения, я лежала на софе в гостиной и вспоминала о том, как Бог отвечал на ее молитву, - и я серьезно задумалась о собраниях Кэтрин Кульман.

Но я не могла организовать поездку в Лос-Анджелес. Мы с Верном помолились об этом, веря, что Бог найдет способ. Когда Фред и Катерина предложили отвезти меня, то я поняла, что Бог запланировал это.

Я также знала, что это "служение с чудесами" - мой последний шанс. Чтобы поехать, мне пришлось отменить визит в госпиталь. Доктора готовились к ампутации моей ноги. Но я была так уверена, что Бог исцелит меня, что взяла с собой только пару туфель на высоких каблуках, намереваясь выйти из зала "Святыня" здоровым человеком.

И так вот получилось, что мы ехали на юг по автостраде 101 на "кадиллаке" Фреда Део в то воскресное утро; напевая, и молясь, и плача, держа друг друга за руки. Это была странная компания. Фред проработал в алкогольном бизнесе двадцать два года. Катерина была верной лютеранкой, но курила одну пачку сигарет за другой. На заднем сиденье рядом с матерью и теткой Фреда сидела его сестра Донна, прихожанка пятидесятнической церкви в Санта-Мари.

Мы выехали из северной части штата и остановились на два дня у Донны и ее мужа в Санта-Мари. Два вечера мы засиживались допоздна, пока они рассказывали нам об исцеляющей силе Божьей. Будучи католичкой, я с легкостью верила в Божью способность исцелять и творить чудеса. В течение веков римско-католическая церковь придерживалась такой доктрины. Но здесь было нечто иное. Мы ехали в особое место в особое время и ожидали особенного чуда.

Родственник Фреда говорил нам, что одной из любимых песен в зале "Святыня" была песня "Он коснулся меня". Никто из нас не знал ее, но Катерина выписала слова. Она пыталась разучить с нами эту песню, пока мы ехали в Лос-Анджелес.

И хотя автомобиль был наполнен дымом сигарет и голос у Катерины был хриплым и сопровождался присвистом, она пыталась научить нас этой песне.

"Нет, неправильно, - говорила она, останавливаясь посреди фразы. - Должно быть вот так..."

И затем мы снова начинали песню.

"Давайте возьмемся за руки, когда будем молиться", - сказала Катерина, стряхивая пепел с сигареты в пепельницу. И мы взяли за руки и плакали, молились и пели гимны все вместе. Потом Катерина повернулась ко мне: "Клара, ты молилась за всех, кроме себя. Теперь попроси Бога исцелить тебя. Помолись о себе".

В течение долгого времени я верила, что Бог исцелит меня. Не я ли взяла пару туфель на высоких каблуках, чтобы надеть их, когда сниму свои скобы, и не я ли оставила свою трость в Санта-Марии? Но молитва за себя - это было нечто новое.

"Давай, - потребовала Катерина. - Вы, католики, все ходите вокруг да около. Мы, лютеране, обращаемся прямо к Верховному начальству, а вы, католики, идете по всем святым. Теперь обращайся прямо к Главному Целителю".

"Дорогой Боже, - сказала я, наконец, запинаясь. - На сей раз, я прошу о себе. Пожалуйста, коснись меня и исцели меня".

"Аллилуйя! - проговорил Фред, а слезы катились по его щекам. - Она действительно просит этого, Боже. Я знаю, это так. И мы тоже хотим, чтобы Ты исцелил ее".

Я закрыла глаза и мысленно воздала хвалу Богу, когда автомобиль въезжал на автостраду у залива, и мы направились на юг через город к залу "Святыня".

Люди помогли мне подняться по лестнице, и мы нашли места на балконе. Там мы сидели, пока не началось богослужение, держась за руки и молясь о моем исцелении.

Где-то на середине собрания мисс Кульман сказала: "Там, на балконе, исцеление ноги". Ей пришлось повторить это трижды, и наконец один из помощников подошел ко мне и сказал: "Я думаю, мисс Кульман говорит о вас. Снимите скобы и пройдите".

Меня так сильно трясло, что я едва могла расцепить скобы. Все в нашей группе плакали и всхлипывали. Я сняла скобы и начала ходить взад и вперед по проходу. Я чувствовала, что словно огонь проходит по моему телу. Я повернулась к помощнику и сказала: "Я не могу дышать, так мне жарко".

Я услышала, как кто-то сказал: "Не трогайте ее, на нее сошло помазание". Затем я упала на пол. Позднее Донна сказала мне, что когда я лежала на полу, моя левая нога продолжала дергаться так сильно, что она боялась, как бы она не сломалась.

Служители, наконец, помогли мне подняться на ноги и довели меня до сцены. Мисс Кульман улыбалась. Я все еще держала в руках скобы и туфли. Мисс Кульман сказала: "Так, в чем вы поедете теперь домой? Ведь вы сняли обувь".

"О, у меня есть другая пара обуви в машине, - сказала я в возбуждении, совершенно забыв о том, что стою перед более чем семью тысячами людей. - Я знала, что Бог собирался коснуться меня и исцелить".

Мисс Кульман протянула руку, чтобы помолиться за меня. "Дорогой Иисус..." - это все, что я помню. Когда кто-то помог мне встать на ноги, я услышала, как мисс Кульман сказала: "А теперь что вы собираетесь делать?"

Я все еще волновалась, но смогла выдохнуть: "Я надеюсь, что мой босс снова примет меня на работу".

"Ваш босс? - усмехнулась мисс Кульман. - А ваш босс здесь, на собрании?"

Я указала на балкон, и мисс Кульман закричала: "Босс, вы там?"

Спускайтесь на сцену и приведите свою жену".

Они все пришли на сцену. Мисс Кульман помолилась, и мы все упали под действием Святого Духа. Один из людей на сцене позднее сказал мне, что пока я лежала на полу во второй раз, он наблюдал за тем, как мое лицо приобретало нормальный цвет. Он сказал, что это выглядело, как переливание крови, когда цвет моей кожи изменился от обычного серого, болезненного до розового.

Я поняла, что моя нога исцелена. Но я обратила внимание на свою руку, только когда мы ехали в машине по Лос-Анджелесу, направляясь на север. "Посмотрите! - закричала я, - я могу двигать рукой! Мои пальцы сгибаются. Они уже не похожи на когти".

"А твои глаза и лицо! - воскликнула Донна. - Твои глаза исцелены! Я вижу разницу!" Все во мне стало здоровым.

Мы остановились у первой бензоколонки у автострады, и я смогла позвонить домой.

Десятилетний Вернон подошел к телефону. Я слышала, как он закричал: "Папа, мама может ходить без скоб и без трости! Она исцелена!"

Вернон подошел к телефону, но я могла только всхлипывать.

И он тоже только плакал. Фред забрал у меня трубку, чтобы рассказать Верну, что произошло, но затем и он начал плакать. Наконец, мне снова пришлось взять трубку, чтобы объяснить все Верну. У нас было собрание пробуждения прямо там - в телефонной будке у бензоколонки.

Мы остановились в Санта-Марии, где я дала свое свидетельство в церкви Форсквер Госпел.

Когда мы, наконец, добрались домой, Вернон с детьми ждали нас на тротуаре.

"Мама, - закричал Вернон, - побегай со мной и Майком".

Я бросила чемодан и побежала по улице вслед за моими двумя младшими сыновьями наперегонки. Мы пробежали до конца квартала (я думаю, что я выиграла забег), а затем пошли обратно, смеясь и дурачась.

"Папа, - сказал маленький Майк, обнимая меня вокруг талии своими пухлыми ручонками, - мама может бегать быстрее меня. Она больше не хромоножка".

Мы все изменились. Фред начал думать о том, чтобы уйти из алкогольного бизнеса. Глубоко внутри себя я знала, что Бог хотел, чтобы я свидетельствовала не только среди моих католических друзей, но и в церквях всех деноминации. Но вначале мне нужно было получить подтверждение своего исцеления.

Я вернулась к доктору Диксону в Рио-Делл. В тот момент, как я вошла в кабинет врача, его медсестра подпрыгнула на стуле за своим столом. "Клара, что случилось? - Затем она начала звать врача: - Доктор Диксон, идите сюда. Идите и посмотрите на Клару".

После обследования доктор Диксон сказал: "Это чудесно, Клара. - Потом спросил: - Вы все еще принимаете лекарства? "

"Я выкинула их все, когда вернулась домой из Лос-Анджелеса, - призналась я, - с тех пор у меня нет нужды в препаратах".

В следующем месяце я поехала на автобусе в госпиталь в Сан-Франциско. Я сочла необходимым надеть все лучшее из моей одежды, включая туфли на высоких каблуках.

Сообщив секретарше о своем приезде, я заняла место в комнате ожидания.

Спустя несколько минут по коридору прошел доктор Берто. Он посмотрел на меня и пошел дальше, затем повернулся и пристально взгляделся. "Клара? - спросил он, заикаясь и качая головой, все еще не веря. - Клара Куртеман?"

Я улыбнулась. "Это я, доктор. Вспоминаете?"

"Не пройдете ли вы ко мне прямо сейчас? - спросил он, кивнув на свой офис. Закрыв дверь, он спросил: - Что случилось?"

"Господь исцелил меня".

"Расскажите мне об этом, - потребовал он, - и начните с самого начала".

После того, как я закончила свою историю, он вышел в холл и позвонил еще одному доктору.

"А теперь расскажите ему, что случилось", - сказал он. "Вы хотите, чтобы я начала все сначала?"

"Нет, только о том, как Бог исцелил вас".

Второй доктор сделал странное выражение лица, но сел и стал слушать. Когда я закончила, он наморщил лоб и снова взглянул на доктора Бертона. Доктор Берто знал, о чем он думает.

"Психосоматика? Забудьте об этом. Я следил за этой болезнью с самого начала. Здесь все по-настоящему".

Второй доктор повернулся ко мне. "У всякого события должно быть логическое объяснение, - сказал он. - Какое здесь может быть объяснение, как вы думаете?"

Я подумала о Верне и о наших детях, о моих страданиях. Я подумала о Фреде, Катерине и Донне - о тех, кто ехал в Лос-Анджелес со мной в автомобиле, кто плакал и молился. Я подумала о любви Божьей, которая текла через них ко мне. В своем уме я продолжала слышать эхо того гимна, старого для многих, но нового для меня, который я слышала в маленькой церкви Форсквер в Санта-Марии.

Глубоко в человеческом сердце, Сокрушенные искусителем, Лежат похороненные чувства, Которые благодать может восстановить;

Затронутые любящим сердцем, Пробужденные добротой, Струны, что были порваны, будут снова звучать.

Я посмотрела на докторов. Они хотели объяснения - логического объяснения. "Есть объяснение, - сказала я, - объяснение - это любовь Бога. Он любит нас всех".

Глава 18. Мы испробовали все, кроме Бога - Доктор Харольд Дебриц

"Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа, и удайся от зла: это будет здравием для тела твоего и питанием для костей твоих" (Пр.3:7-8).

Кутерьма в моей жизни началась с детства. Я родился в Болгарии, где мой отец-немец был редактором издания адвентистов седьмого дня. В 1938 году, за год до того, как началась война, всех немцев депортировали в Германию. Мне было десять лет, когда мы осели в Шнайдемюле, Померания, на границе между Германией и Польшей.

В то время мы не знали, что Гитлер потребовал, чтобы все мальчики старше десяти лет состояли в Гитлер-югенд. (Гитлер-югенд - (Hitler-Jugend) - молодежная организация нацистской партии Германии. Прим. пер.)

Однажды нам в дверь постучали. Полицейские в униформе стояли у дверей. "Знаете что? - сказал главный из них моей матери. - Вы держите ваших детей дома. Это противоречит закону.

Мы предупреждаем вас, что вы обязаны посылать детей на собрания Гитлер-югенд".

У моих родителей не было выбора. Отец был призван в армию и отправлен на фронт. А мы с сестрой стали ходить на собрания Гитлер-югенд. Нацистская пропаганда обрушивалась на нас со всех сторон.

Я быстро продвигался в Гитлер-югенд. Однажды я обнаружил, что мои способности в игре на скрипке позволяют мне перейти из военной группы "Коричневые рубашки" в музыкальную и культурную группу. Когда мне исполнилось шестнадцать, я руководил более чем пятьюстами молодыми людьми в Шнайдемюле.

Гитлеровская Германия оставила Бога. Я живо помню этот день, когда ребята из Гитлер-югенд участвовали в поджоге еврейской синагоги в Шнайдемюле. Тогда мы усвоили, что в Боге нет нужды.

Конечно, война плохо обошлась с Германией. Теперь мы осознаем, что войны всегда плохо обходятся с теми, кто противостоит Богу. Впрочем, честно говоря, большинство из нас ничего не знали о том, что происходило в оккупированной Польше. Мы очень мало знали, если вообще что-то знали, об ужасных концлагерях или об убийствах евреев. Мы были довольны тем, что оставались дома и играли Мендельсона, Моцарта и Бетховена, а иногда смотрели фильм в "Храме Ширли".

Когда война кончилась, мы потеряли все. Мы бежали в Американский сектор Германии лишь с двумя чемоданами на четверых. После войны началось возрождение религии, но, прежде всего это был вопрос интеллекта. Я посещал маленькую группу по изучению Библии и был даже крещен в воде в разбомбленной церкви. Но люди искали скорее знания, а не Того, Кто есть Истина. Все исследовалось умом.

Я поступил в зубоврачебную школу. Однако, когда я закончил ее и женился на Ингеборг, я понял, что потребуется два года частной практики, прежде чем я смогу достичь

квалификации, необходимой для врача национальной программы страхования. Не имея финансовой поддержки, мы решили переехать в Соединенные Штаты, где нас встретило множество новых проблем. Соединенные Штаты отказались признать мой диплом в стоматологии, полученный в Германии. Я должен был начинать все сначала.

Примерно тогда же у меня появились проблемы со здоровьем. Несколько раз грудь пронзала острая, стреляющая боль, сопровождаемая приступами тошноты и учащенным сердцебиением.

Доктор в Детройте определил мою болезнь как тахикардию и аритмию. Мой пульс порой подскакивал до 240 ударов в минуту при том, что обычный ритм - 80-100 ударов. Это могло привести к смерти, если я сразу не принимал препараты.

Мы переехали в Лос-Анджелес, полагая, что здешний климат будет более благоприятным. Я открыл техническую дантистскую лабораторию, специализирующуюся на керамике. Мое здоровье немного улучшилось, и местным дантистам очень нравилось качество моей работы.

Вскоре наш бизнес расширился и укрепился. У нас было два чудесных сына. Казалось, мы достигли воплощения американской мечты о финансовом успехе и стабильности.

Затем однажды, в пятницу, когда Ингеборг ехала домой из нашей лаборатории в Фуллертоне, один молодой человек врезался сзади в наш автомобиль. Обе машины были сильно повреждены, и Ингеборг получила серьезную травму. На следующий день у нее начались спазмы мышц спины и появилась ужасная боль. Я отвез ее в Госпиталь Пальмовой гавани в Гарден-Грове, где она пролежала пять недель, навещаемая хирургом-ортопедом. Несмотря на большие дозы медикаментов (болеутоляющих и барбитуратов), боль усиливалась. Она распространилась по спине, дойдя до головы, и у врачей было мало надежды на выздоровление.

Последующие два года были нескончаемым кошмаром для нас обоих. Даже после того, как ее выписали из госпиталя, она была под постоянным наблюдением врачей. Не было дня, когда бы она не шла, пошатываясь, в ванную, где ее рвало из-за нестерпимой боли в голове. Она проводила много времени, лежа на вытяжке в госпитальной койке, которую мы привезли домой. Ее врачи выписывали ей все больше лекарств, пока счет за них не достиг 200 долларов в месяц. В конце концов Ингеборг была направлена в неврологическую группу в Белом мемориальном госпитале в Лос-Анджелесе.

В апреле 1964 года, спустя два года после аварии, доктора выполнили ламинектомию, удалив кусочек кости из ее бедра и пересадив его в позвоночник. Были прооперированы три позвонка у нее на шее, и их скрепили серебряными проволочками. Мы надеялись, что операция даст ей облегчение.

На следующее утро мы обнаружили, что операция прошла неудачно. Ее спина не была достаточно растянута скобами, и когда она сжалась, то выступающие наружу нервы оказались под большим давлением. Не могло быть и речи о повторной операции. Все, что мы могли сделать, это накачать Ингеборг наркотиками и ждать.

Каждый вечер в течение следующих семи лет она принимала от восьми до десяти таблеток снотворного. А днем она была на транквилизаторах. Я постоянно делал ей инъекции демерола - синтетического морфия. Я знал, что у нее появляется наркотическая зависимость, но у нас не было выбора. Или этот препарат, или нестерпимая боль.

Наркотики и боль разрушали ее. Иногда вечером я сидел в нашей гостиной, и мое сердце учащенно билось, когда я наблюдал, как Ингеборг ковыляет по дому, а ее тело трясется. Ее нижняя челюсть была опущена и непрерывно двигалась. Она была такой молодой, светловолосой, такой красивой, когда я женился на ней! Теперь же она становилась хромой развалиной, словно старое здание, которое обречено на разрушение, но в котором все еще живут люди.

Мы консультировались у четырех специалистов - у хирурга-ортопеда, у нейрохирурга и у двух специалистов по внутренним болезням. Их окончательный диагноз потряс меня: "У вашей жены болезнь Паркинсона и мышечная дистрофия. Болезнь быстро прогрессирует, и в течение двух лет она станет прикованной к инвалидной коляске".

Я отказался принять их диагноз. Доктора даже вписали в отчеты: "Муж очень упрям. Не признает факты". Я знал, что я упрямый, и я не собирался успокаиваться, пока мы не испробовали всего. В мае 1967 года я полетел с Ингеборг в клинику Майо в Рочестере, штат Миннесота, для проведения полного обследования. Хотя доктора там сказали, что они не видят наличия болезни Паркинсона или мускульной дистрофии, они не смогли предложить какого-либо средства от ее болей. Несмотря на опасность привыкания, они посоветовали мне продолжать давать ей демерол.

К тому времени шея Ингеборг стала почти неподвижной. Она могла повернуть голову, лишь поворачивая верхнюю часть туловища. Ее голос, некогда счастливый, превратился в постоянное хныканье и причитание. "Мне нельзя помочь, - говорила она, - я всегда буду в таком состоянии".

Мы испробовали все, что могут предложить люди, - лекарства, операции, процедуры тридцати двух специалистов, пяти различных хиропракторов, горячие паровые ванны, массаж, травы и разные чаи. Я водил ее к знаменитому высоконравственному гипнотизеру в надежде, что он сможет исследовать ее жизнь, чтобы посмотреть, не является ли ее проблема психосоматической. Он провел с ней четыре с половиной часа и сообщил в конце, что не может загипнотизировать ее. Ничто не помогало.

По счастью, мой бизнес процветал, и я мог ездить в различные части света в поисках помощи.

Я слышал о крупной клинике в Южной Германии, где один хирург-ортопед использовал остеопатические методы лечения. Оставив детей на попечение друга, мы вылетели в Германию, где доктор стал разбираться со спиной Ингеборг. Впервые почти за девять лет прошли ее головные боли, но ненадолго. Спустя восемь часов боль вернулась, такая же сильная, как и прежде. Но теперь у нас была надежда. Мы обнаружили, что улучшение возможно, хотя бы только на короткие промежутки времени.

Вернувшись в Штаты, я услышал о знаменитом хиропракторе в Висконсине, у которого был значительный успех в лечении таких пациентов, как Ингеборг. Мы поговорили с ним по телефону, и Ингеборг полетела в Висконсин.

Только позднее я узнал, что она взяла с собой шестьдесят таблеток снотворного. Она решила для себя, что если доктор в Висконсине не сможет ей помочь, то она не вернется домой живой.

Однако доктор помог. На сей раз лечение позвоночника сняло боль на тридцать два часа.

Когда Ингеборг вернулась домой, я решил, что если хиропрактика сможет помочь, то я освою ее сам. Я смог бы проводить ежедневные сеансы, и, видимо, мы смогли бы вернуться к подобию нормальной жизни. С моими познаниями в медицине я быстро начал совершенствоваться, уже пройдя обучение по химии, анатомии и физиологии. Я записался в колледж по хиропрактике на вечернее обучение и ходил на занятия каждый вечер с половины шестого и почти до полуночи.

Вскоре после этого я стал давать Ингеборг ежедневные сеансы вместо постоянных уколов демерола. На то, чтобы стать профессионалом, у меня ушло два года, но, в конце концов, я достиг такого уровня, что смог снимать ей боль на какое-то время, то есть делать то, чего не удалось достичь с помощью наркотиков и хирургии.

К 1969 году Ингеборг прекратила принимать наркотики, хотя она еще не была полностью свободна от боли. Все еще оставалось повреждение, вызванное неудачной операцией, и ее шея не могла двигаться. Большую часть времени она носила скобу на шее. И при этом даже легкое сотрясение, когда, скажем, автомобиль переезжает железнодорожное полотно,

могло усилить давление на нервы в ее шее. Она корчилась и кричала от боли, пока мы не находили место, где я мог остановить машину и помочь ей.

После 4480 часов академического обучения я получил степень доктора хиропрактика.

Ингеборг была моим единственным пациентом. Но я все еще был не в состоянии надолго снять ее боли.

Как последнее средство мы решили испробовать церковь. Может быть, подумал я, существует некая религиозная сила, которая поможет. Мне нравилась музыка в церкви, особенно литургическая музыка Баха и Бетховена. Но в церкви, которую мы посещали, не было жизни и не было духовной пищи для паствы.

В конце концов, я сказал Ингеборг: "Смотри, это весьма хорошо - ходить в церковь, и если ты хочешь ходить, я буду брать тебя с собой. Но если честно, я думаю, что эти два часа лучше провести в постели, поскольку там ты получаешь нечто полезное - сон".

Все, что могла делать Ингеборг, - это плакать. Я решил больше не молиться и даже не просить благословения, когда мы садимся есть.

Однажды я осознал, что мы испробовали все, кроме Бога. Но как может человек испробовать Бога, если он не знает Его? Мы попробовали религию, но теперь я понимаю, что религия - это человеческие поиски Бога. Христианство - это совершенно другое: это откровение Бога о Самом Себе, данное слепым людям через Иисуса Христа. Никто не может по-настоящему найти Бога. Человек лишь делает себя доступным Богу, а Бог находит его.

Так было и с нами. Мало-помалу это откровение Божье начало приходить к нам. И хотя теперь мы можем видеть могучее движение Святого Духа, тогда это не казалось таким естественным.

Мы были очень похожи на сынов Израилевых, разбивших лагерь на берегу Красного моря.

Позади нас стояли колесницы египтян, приехавших, чтобы вернуть нас в рабство. Перед нами было непроходимое море. И тогда однажды вечером начал дуть ветер.

Вначале это был легкий бриз. Один друг дал нам подписку на журнал "Гайдпостс". Нам понравился этот журнал с его краткими историями о том, как Бог различными путями общается с людьми. Затем через книжный клуб "Гайдпостс" мы получили книгу Кэтрин Кульман "Бог может сделать это снова". Книга была наполнена свидетельствами людей, которые были исцелены. Мы не знали тогда этого, но вода начала перемещаться под действием ветра Святого Духа.

Ингеборг прочитала книгу. На самом деле она читала вслух детям по одной главе каждый вечер. Затем ночью, будучи не в состоянии уснуть от постоянных болей, она вставала, спускалась по лестнице и читала Библию. Иногда она читала до зари. Однако, подобно фараону, я был жестоковым и упрямым.

Одним чудесным субботним утром я планировал остаться дома и поработать в саду. Ингеборг остановила меня, когда я направлялся во внутренний дворик. "Милый, не прочитаешь ли ты кое-что?"

Я знал, что она штудирует книгу Кэтрин Кульман. И хотя я не заинтересовался, я не хотел обидеть ее. "Только прочти эту короткую главу, - сказала она. - Это о клоуне, который мучился от сильной боли в поврежденной спине. Бог исцелил его".

Я взял книгу и быстро прочел главу. Закрыв книгу, я отдал ее. "Большое спасибо, - сказал я, - теперь я должен пойти работать в саду".

Мне не хотелось смотреть ей в глаза, я знал, что внутри она плачет. Я знал, что она хотела, чтобы я заинтересовался духовными вещами, но я был ученым, и в моем интеллекте не было места сверхъестественному Богу. Я читал свою Библию много раз. Я знал, что Иисус исцелял людей, когда Он был на земле. Но эти дни были в прошлом. Иисус вернулся на небо. Теперь все зависело от нас.

Ингеборг не могла делать тяжелую физическую работу, поэтому она наняла уборщика, чтобы он регулярно приходил к нам. И таким образом она могла тратить ту энергию, что оставалась у нее, на уход за детьми.

Дойле Смит оказался старым миссионером. Он знал, что Ингеборг прочитала книгу Кэтрин Кульман и теперь читает Библию. Он использовал каждую возможность, чтобы поговорить с ней о Господе. Ветер усиливался.

Однажды он сказал: "Миссис Дебриц, почему бы вам не сходить на одно из "служений с чудесами" в зале "Святыня"?"

"О нет, - ответила Ингеборг. - Я не смогла упросить моего мужа пойти на подобное собрание. Он слишком неэмоционален, слишком интеллектуален".

Дойле не стал уговаривать, но прежде чем уйти, он настроил наш радиоприемник на ту станцию, по которой шли программы мисс Кульман. На следующее утро, когда Ингеборг на кухне готовила завтрак, она услышала голос мисс Кульман из приемника. Дни шли, а я видел, что приемник по-прежнему настроен на эту станцию. И мало того, Ингеборг взяла себе в привычку находиться в кухне каждое утро в то время, когда шла эта передача.

Однажды утром я вошел в кухню и обнаружил, что босая Ингеборг стоит на коленях на полу. По радио пели песню: "Он коснулся меня". Ингеборг подняла глаза. "Бог реален, - сказала она.

- Мне пришлось снять обувь, ибо я почувствовала Его на этом месте". "Бедная моя женушка, - подумал я. - Слишком большое количество наркотиков повредило твой разум". Однако ветер Духа продолжал дуть. Однажды вечером Ингеборг укладывала нашего младшего сына в постель. Он сказал: "Мама, если бы папа отвез тебя на одно из "служений с чудесами" у мисс Кульман, может быть. Бог исцелил бы тебя".

Ингеборг покачала головой. "Это было бы само по себе чудом, если бы он согласился поехать".

"Тогда я буду молиться о чуде", - сказал наш сынишка, поцеловав маму и пожелав ей спокойной ночи.

Спустя две недели, во вторник утром, я проспал и поздно вышел из дома на работу. Пробегая через кухню и торопясь к автомобилю, я услышал голос Кэтрин Кульман по радио. Затем я услышал объявление, где сообщался номер телефона, по которому можно забронировать место в автобусе, направляющемся в зал "Святыня" в следующее воскресенье.

"Хорошо, запиши этот номер, - сказал я Ингеборг, надевая плащ и направляясь к двери. - Как нам иначе туда добраться?" Когда я закрыл за собой дверь и сел в машину, до меня внезапно дошло, что я сказал. Я сидел в тишине, а моя рука лежала на ключе зажигания. Я знал, что Ингеборг сейчас звонит по телефону, бронируя место. Что или Кто заставил меня сказать подобную глупость?

Тем же воскресным днем я попытался отказаться от поездки. Но Ингеборг решила за нас обоих. Я нашел для нее место в автобусе, затем сел рядом с полной женщиной сразу за водителем.

"Молодой человек, куда вы ходите в церковь?" - властно спросила она. "Никуда я не хожу, - твердо сказал я, - и я не поехал бы сегодня на это собрание, если бы жена не нажала на меня, Я бы лучше остался дома в постели".

Леди была, похоже, шокирована. Я чувствовал, что она начинает сердиться. Положив руку мне на плечо с покровительственным видом, она стала проповедовать: "Молодой человек..."

"Мадам, если вам все равно, то давайте условимся. Вы не говорите со мной, а я не буду говорить с вами".

Женщина отдернула руку и молчала всю дорогу до зала "Святыня". Но пока мы стояли снаружи, ожидая, когда отворят двери, еще одна женщина с Библией в руке подошла ко мне.

"Молодой человек, дорогой Господь говорит в Своей Книге, что мы все должны покаяться".

"Да, да", - сказал я, очень надеясь, что она уйдет.

"И не только это, - продолжала она, словно я попросил ее сказать мне что-то еще. - Господь говорит также, что мы должны быть рождены свыше, исполниться Святого Духа, простить наших врагов".

Достаточно с меня было и того, что мне пришлось поехать на "служение с чудесами", но общаться с группой помешанных на религии - это было почти больше того, что я мог выдержать. "Послушайте, леди, - сказал я, - а к себе вы применяете все это? Пока вы не станете совершенны, не проповедуйте мне". Я повернулся и направился сквозь толпу.

"Что тут происходит? - пожаловался я Ингеборг. - Я просто стою тут сам по себе, а эти люди продолжают цепляться ко мне".

"Может быть, Господь пытается достучаться до тебя?" - тихо сказала Ингеборг.

Уйдя от дорожного шума, мы зашли в зал, где все было тихо, благоговейно, почтенно.

Гигантский зал был набит людьми, и нам пришлось искать места на балконе. Но даже когда мы сели, я ощущал что-то особенное в воздухе. Впервые за многие годы мне захотелось заплакать.

Хор уже был на сцене. Четыре сотни поставленных голосов начали репетировать. Дирижер дал им исполнить несколько тактов, остановил их, а затем велел повторить. Внезапно я оказался опять в Шнайдемюле и руководил своим собственным хором, и играл Мендельсона Бертольди.

Я снова стал ребенком. Мой взрослый опыт, мой интеллект, мой снобизм начали расплываться. Я пытался удержать слезы, но они сами катились по лицу. Я был смущен и осмотрелся. И хотя служение даже не началось, другие люди вокруг меня тоже плакали. Не требовалось урагана, чтобы раздвинуть воды, только тихий молодой голос прошептал: "Бог здесь". Я кивнул и продолжал плакать. Я знал, что это так.

Ничего не произошло со мной на этом первом собрании. Но нечто произошло со многими людьми. Одна чернокожая леди со своим шестилетним сыном сидела за нами на балконе. На маленьком мальчике были скобы от подошвы до бедра. Обе его ноги были в скобах порознь, так что он ходил, словно на ходулях. Я могу подтвердить, что мышцы его ног были атрофированы.

По ходу собрания я услышал, как мисс Кульман сказала: "На балконе исцеление. Кто-то в скобах. Снимите их, и вы обнаружите, что Бог исцелил вас".

Мать вздохнула и стала снимать скобы с ребенка.

Я был в шоке. Я знал, что маленькие ножки очевидно не смогут удержать его. Все же ребенок стоял. И он не только стоял, он пошел. И когда он поднялся на сцену, он стал бегать взад и вперед. Его мать, переполненная радостью, объяснила, что ребенок был рожден больным и носил скобы всю свою жизнь. Именно теперь она впервые увидела, как он бежит.

Мой интеллект был сокрушен. Не было медицинского объяснения для этого случая. У человека, сидящего рядом со мной, был бинокль. Я попросил дать мне бинокль, чтобы рассмотреть ребенка, бегавшего по сцене. Это был не трюк. Заболевание ребенка не могло быть вызвано самовнушением или гипнозом. Он пришел в скобах, а ушел без них. Это было чудо - а этого слова никогда не было в моем словарном запасе.

Ежемесячные собрания в зале "Святыня" стали регулярной частью нашей жизни. Во второй раз мы увидели, как мисс Кульман представила одного испанца по имени Гравиель. Он выходил на сцену во время нашего первого собрания и свидетельствовал, что был наркоманом и употреблял героин в течение двадцати двух лет. Он и выглядел соответствующим образом.

Его лицо было пепельного цвета, тело дрожало, а глаза смотрели в пол. На нем была грязная и потрепанная одежда. Мисс Кульман положила руку ему на плечи и повела его в молитве:

"Господь Иисус, освободи меня".

Затем он упал на пол под силой Святого Духа.

"Приходите в следующем месяце, - сказала мисс Кульман, - и мы послушаем вас".

Он вернулся. Он был затронут Богом. Раньше он едва мог говорить. На сей раз мисс Кульман едва смогла остановить его. Он был опрятно одет и пришел с новой Библией в руках. Я повернулся к Ингеборг: "То, что мы видим, это происходит на самом деле. Теперь я верю, что Бог может исцелить и тебя".

Когда подошло время в четвертый раз поехать в "Святыню", я осознал, что Ингеборг больше не может ездить в автобусе. Это было чересчур болезненно. В то воскресное утро я позвонил леди, которая руководила бронированием мест, и сказал ей, что отвезу Ингеборг в "кадиллаке" и встречу остальных в зале. Она согласилась.

Когда я повесил трубку, Ингеборг сказала: "Эти люди такие простые.

Они ожидают чуда всякий раз, когда входят в "Святыню"".

"Ну и что в этом плохого?" - сказал я, все еще удивляясь тем переменам, что произошли в моем мышлении.

Ингеборг села за кухонный стол, помешивая кофе. "Я всегда знала, что Иисус умер за весь мир. Теперь я знаю, что и за меня тоже. Иисус умер за меня". Она начала плакать, но на сей раз от радости.

Ингеборг не надела скобу на шею, когда мы поехали на собрание в тот день. Она крепко сжала мою руку, когда мы сели в зале. "Бог возлюбил меня так сильно, что он позволил Иисусу умереть такой ужасной смертью на кресте за меня. Это так ясно теперь. Когда я думаю об этом, я знаю, что Он может что-то сделать и с той серебряной проволокой в моей шее. Он может восстановить мое здоровье".

Я не смел взглянуть на нее. Я смог только вздохнуть сквозь сжатые зубы. Каждый раз, когда я входил в "Святыню", я чувствовал, что мне хочется плакать, а на сей раз это чувство было еще сильнее. Казалось, что это был один из тех тяжелых, сырых дней, к которым мы привыкли в Германии. Если добавить еще одну каплю воды в воздух, то пойдет дождь. Я не осмеливался разжать губы, так я был близок к тому, чтобы расплакаться.

Затем хор начал репетировать, исполняя гимн "Он такой чудесный для меня". Это было той каплей воды, которой я боялся, и потоки слез полились из моих глаз. Сила Божья падала, как поздний дождь, не только для меня, но и для Ингеборг. Я почувствовал, как ее рука сжала мою и повернулся посмотреть на нее сквозь слезы. Она вертела головой, по крайней мере на шестьдесят градусов в обоих направлениях, чего нормальные люди не могут сделать.

"О, смотри, что происходит, - закричала она, - Он коснулся меня. Моя голова поворачивается. Я исцелена!"

Забыв, где нахожусь, я вскочил на ноги и начал обследовать ее позвоночник. После нескольких лет ежедневных сеансов мануальной терапии на ее спине я знал, где находится каждая точка напряжения, каждое больное место. Я пробежал руками по позвоночнику. Все шишки исчезли. Я нажал сильнее. Боли не было. Шестой шейный позвонок, и второй, и третий всегда были утолщенными. Теперь они стали нормальными. Не было боли! Я был в восторге от радости и начал говорить всем людям вокруг нас: "Она исцелена! Бог исцелил ее!"

Во время служения мы пошли на сцену и свидетельствовали о силе Божьей. Мы оба свалились на пол. Если во мне осталось какое-то умствование, то оно было смыто могучим потоком Святого Духа в тот воскресный день. Мы перешли к другому берегу моря, и воды

устремились в проход, затопив старого фараона, который жил у меня в голове. Я был новым человеком.

На следующий день Ингерборг проснулась с сильной болью. Она пыталась скрыть это, боясь, что я вернусь к старому интеллектуальному подходу. Однако она недооценила меня. Старый человек был мертв, и по Божьей благодати он уже никогда не вернется к жизни.

Вместо того, чтобы сдаться боли, Ингеборг начала восхвалять Бога за Его совершенное исцеление ее тела. Она бегала вверх и вниз по лестнице, хваля Бога на весь дом. Ее головная боль продолжалась только один день. К ночи она исчезла. И никогда больше не возвращалась.

Боль Ингеборг исчезла, а мои старые проблемы с сердцем начали усиливаться. Несколько дней на работе боли в груди были такими сильными, что я едва мог терпеть их. Мои коллеги в клинике начали беспокоиться обо мне. Несколько раз они заходили в мою лабораторию и видели, как я прижимаю пальцы к груди с белым от боли лицом. Спустя два месяца, когда боль все возрастала, я сказал своим работникам, какому врачу позвонить, если я упаду. Были все симптомы серьезной болезни сердца. Казалось, что мне осталось немного времени.

Мы вступили в хор, который пел в зале "Святыня". В пятницу перед Днем Благодарения у нас была специальная репетиция хора. Ингеборг просила меня не ходить, но я ответил: "Я могу пойти, милая, поскольку, что там, что дома я буду чувствовать себя одинаково плохо". Мы пошли, но во время некоторых песнопений мне пришлось сидеть из-за головокружения и боли.

В следующее воскресенье мы посетили послеобеденное служение в "Святыне". И опять Ингеборг стала просить меня остаться дома.

"Нет, я пойду! Почему бы Богу не исцелить меня, как Он исцелил тебя?"

Служение исцеления шло полным ходом, и многие люди с болезнью позвоночника были затронуты Богом. Затем, не закончив фразу, мисс Кульман повернулась к хору. "Прямо здесь, - сказала она, указывая на середину, где я сидел, - кто-то исцеляется от болезни сердца. Встаньте".

Конечно, думал я, в хоре более четырех сотен людей, и тут могут быть десятки с болезнями сердца. Но никто не встал.

"Кто это? - сказала мисс Кульман. - Встаньте и востребуйте свое исцеление".

Я глубоко вздохнул и встал. Я дрожал и тяжело дышал. Я попытался заговорить, но ничего не получилось. Боль все еще не ушла, но я хотел выступить в вере. Побуждаемый мисс Кульман, я вышел к микрофону. Все люди вокруг меня радовались и восхваляли Бога.

"Во имя Иисуса примите ваше исцеление", - сказала мисс Кульман. Я свалился на пол. Не знаю, сколько времени я пробыл на полу, но когда смог подняться, то почувствовал, что словно получил искусственный пневмоторакс - нагнетание воздуха или газа в сжавшиеся легкие, чтобы восстановилось дыхание. Боль ушла. Я никогда не чувствовал себя таким здоровым, никогда мне не было так легко. Бог взял мое старое сердце и заменил его новым. Людям трудно понять, что произошло с нами. Когда мы рассказываем о нашем физическом исцелении, некоторые радуются, другие лишь качают головой в неверии. Но нам все равно. Мы знаем, кем мы были и кто мы сейчас.

Величайшее исцеление, однако, это не исцеление наших тел, но наших душ. Святой Дух наполнил нас обоих, и теперь я чувствую себя подобно Моисею, который стоял на дальнем берегу Красного моря, смотрел назад, туда, где он был, и пел: "Господь кротость моя и слава моя, Он был мне спасением" (Исх.15:2).

Глава 19. Надежда для тех, кто страдает - Донни Гринвей

Донни Гринвей - жена руководителя пожарной службы в Ст.-Питербурге, штат Флорида.

Она и ее муж являются активными членами методистской церкви святого Луки.

Я сидела за кухонным столом, допивая кофе. Маленькая Донни - "Диджей", как мы звали ее, - уже ушла в школу. Это было чудесное весеннее утро во Флориде, и мягкий тропический бриз доносил песни птиц-пересмешников сквозь мое окно в кухне.

Я посмотрела на часы. Было около восьми - пора было заехать за Зелом на пожарную станцию. И хотя Зел работал в пожарном департаменте Ст.-Питербурга все время, что мы были женаты, и его готовили для должности руководителя, я так и не смогла привыкнуть к его режиму работы - двадцать четыре часа на службе, затем двадцать четыре часа дома.

Я допила последний глоток кофе и раздвинула желтые занавески над раковиной. Аромат цветов апельсинового дерева, росшего у нас во дворе, наполнил воздух. Я прошептала молитву, благодаря Бога за то, что я жива и здорова в такой чудесный день, и направилась к машине.

Бог всегда был очень реальным для меня. Мой папа умер, когда мне было одиннадцать, оставив мою мать с двенадцатью детьми. Она воспитала нас в баптистской церкви, учила молиться и любить Иисуса. Мой брак с Зелом был счастливым. У нас была христианская семья. О чем еще я могла просить?

Я вывела автомобиль из аллеи у моего дома, осмотрелась и повернула налево на 20-ю улицу.

Внезапно я услышала ужасный скрип шин и посмотрела как раз вовремя, чтобы увидеть, как несущийся автомобиль врезается в бок моей машины. Удар перебросил мой автомобиль через поребрик во двор нашего соседа. И хотя автомобиль был разбит, я, казалось, не была задета. Я позвонила Зелу на пожарную станцию, и он приехал прежде, чем полицейский закончил составлять отчет о происшествии.

Зел хотел, чтобы я пошла к доктору, но я уверила его, что со мной все в порядке. Однако на следующее утро мне было ужасно плохо, и болело в тех местах, где я и не думала, что может болеть. Я сказала себе, что это от сотрясения внутри автомобиля (машины в 1957 году не были оборудованы пристегивными ремнями). Я решила, что приду в себя через несколько дней.

Боли и синяки постепенно прошли, но спустя несколько дней я орудовала щеткой для чистки ковра и наклонилась, чтобы подвинуть маленький столик в гостиную. Когда я начала двигать его левой рукой, нестерпимая боль пронзила мою поясницу. Я задохнулась от боли и попыталась выпрямиться, но застыла в этом положении. Малейшие движения вызывали спазмы той ужасной боли в моем теле.

Я бросила столик, отошла от щетки и, все еще согнутая, направилась в спальню. Зел был на работе, Диджей в школе, и я была дома одна. Со слезами на глазах мне удалось медленно опуститься на постель и позвонить мужу. Это было началом шестнадцатилетнего кошмара.

Зел был очень преданным христианином, и первое, что он сделал, когда пришел домой в тот день и увидел меня, мучающуюся от сильной боли, - он возложил на меня руки и помолился, прося Бога убрать боль.

Боль отступила, и я смогла встать утром и направиться к остеопату. Я и не думала тогда, что он будет первым из более чем двадцати докторов, которых я посещу за следующие шестнадцать лет.

Были массажи, рентгеновские снимки, горячие ванны и другие виды терапии. Ничего не помогало. Боль была моим постоянным спутником днем и ночью. Каждое утро я просыпалась почти парализованной от лежания в одной и той же позе. Боль продвигалась вверх по спине к плечам, затем опускалась в мое левое бедро. Вечером, когда Зел массировал мою спину, он сказал, что чувствует маленькие узелки под моей кожей. Доктор сказал, что это мускулы в состоянии конвульсии от боли. Более крупные узелки появились на шее. Рентген показал, что у меня на плече растет шишка, которая прощупывалась, как острый отросток под кожей. Мои колени покрылись мозолями, но не от молитвы, а от падений. Поскольку я не могла согнуться, чтобы достать или поднять что-либо, мне

приходилось падать на колени для того, чтобы просто взять еду из холодильника или достать сковородку с нижней полки шкафа.

После того, как я в течение пяти месяцев проходила терапию без видимого улучшения, сосед посоветовал мне обратиться к врачу, который был известен тем, что помогал людям с болезнями спины. Я договорилась о встрече и этим положила начало моим хождениям от врача к врачу. Он обследовал меня, сказал, что болезнь могла быть вызвана ядом в моем организме и посоветовал сходить к лору. Специалист принял меня в Госпитале святого Антония, отрезал кончики моих миндалин и поскоблил заднюю часть горла. Я ушла из госпиталя с болями в спине и горле.

Другой доктор сказал, что моя боль может быть вызвана зубами. Меня направили к периодонтисту. Он обследовал меня и сказал, что у меня есть яд в кровеносной системе. Он порекомендовал операцию десен.

Это было еще более болезненным, чем боль в спине. Он надрезал десну над зубом, оттянул ее, затем покрыл ее гипсом. Лечение продолжалось больше месяца. Я пыталась не жаловаться, но Зел знал, какую сильную боль я терплю. Вечер за вечером он молился за меня, массировал мне спину и принимал участие в моем отчаянии.

Даже обыденные вещи стали исключительно трудными. У нас была привычка несколько раз в месяц ездить в Тампу навещать родителей Зела. Однако моя боль стала такой сильной, что я не могла переехать через мост Ганди, не остановившись на полпути, чтобы вылезти из машины и размять спину.

Когда Зела повысили до должности начальника пожарного департамента, у него стал более удобный график работы, но как начальник он должен был посещать различные пожарные съезды по всей стране - пять или шесть раз в году. Мужчины всегда ездили со своими женами, так что я начала путешествовать вместе с ним. Если мне приходилось достаточно долго сидеть, я подкладывала под спину свернутое полотенце. Боль была моей неизменной подругой каждую ночь.

Однажды ночью в гостинице "Хайэтт Хаус" в Атланте, где Зел был на международной конференции начальников пожарной службы, я разбудила его криком. Я сказала ему, что хотела бы отрезать левую ногу, настолько сильной была боль. Зел стал растирать меня горячими полотенцами и молиться. Он не прекращал молиться ни на один день.

В Ст.-Питербурге мы переехали в новый дом на 8-й авеню. Мой разум был постоянно захвачен болью. Я знала, что мне надо направить ум на что-то другое, иначе я сойду с ума. Я пыталась работать во дворе. Иногда после работы руками, стоя на коленях, мне приходилось вползать по лестнице и падать на коврик у двери, прежде чем я могла подняться. Затем я ковыляла в ванную и сидела долгими часами в ванне с горячей водой. Но ничто, похоже, не могло облегчить мои муки.

Зел был активным членом клуба "Ротари" в Ст.-Питербурге, и я работала с анналами этого клуба. Жена одного доктора из клуба "Ротари" знала о моей болезни. Она собиралась вылететь в Детройт, штат Мичиган, чтобы лечь в диагностическую клинику, и посоветовала мне полететь с ней, чтобы пройти полное обследование. Зел согласился отпустить меня.

Врачи в клинике подтвердили диагноз "искривление позвоночника" и сказали, что мои нижние позвонки разрушаются. Они поняли, что операция скорее ухудшила бы, а не улучшила мое состояние. Они также предположили, что моя проблема могла быть вызвана инфицированными пазухами, и провели операцию на лице, пытаясь скорректировать это заболевание.

Между тем болезнь спины все усиливалась. Я шла к новому доктору всякий раз, как только друзья советовали мне. Нейрохирург описал мой позвоночник, как электрический провод, с которого соскоблена почти вся изоляция, - малейшее движение вызывало короткое замыкание в моем организме. Хирург-ортопед снабдил меня специальной "упряжкой" для вытяжки.

Терапевт выписал наркотики. Но ничего не помогало.

В 1968 году Зел отчаялся найти мне какое-либо избавление от непрекращающейся боли. Он встретился с одним из своих друзей по клубу "Ротари", ведущим нейрохирургом, описал мои симптомы и попросил его посмотреть меня.

"Что ж, шеф, я обычно не принимаю таких пациентов, - сказал доктор, показывая таким образом, что большинство его пациентов направляются к нему другими врачами. - Но поскольку она - ваша жена и у нее такая боль, пусть придет ко мне на следующей неделе".

Он проделал серию тестов и положил меня еще на одну вытяжку - специальные тяжи, которые перевешивались через дверной косяк и кончались ремнем, обернутым вокруг моей шеи, словно петля на виселице. Это напоминало повешение, когда утяжеления, прикрепленные с помощью шкивов, растягивали мою шею. Я использовала это хитроумное приспособление три раза в день в течение двух лет. Если я могла сопровождать Зела в поездке, я брала мою "виселицу" с собой.

Каждый вечер я молилась, прося Бога забрать мою боль, но утром я просыпалась в той же агонии. Шли годы, и я стала хотеть не проснуться вовсе.

Иногда, когда Зел был на работе, а Диджей в университете в Лейкленде, я садилась и пыталась вспомнить, как мне жилось без боли. И я никак не могла вспомнить, как я чувствовала себя, когда жила без боли.

В сентябре 1971 года я снова легла в Госпиталь святого Антония на три недели. Два хирурга-ортопеда делали все, что они могли, чтобы помочь мне. Но это была все та же старая история.

Однажды в субботу вечером, около 6 часов, один из хирургов вошел ко мне в палату.

Бесстрастно пододвинув стул, он ослабил свой галстук и сел. Он слабо улыбнулся. "Что ж, у вас совсем не осталось спины".

Я не могла поверить ему. Я сняла тяжи с шеи и села на постели. "Что вы имеете в виду?"

"Мы под всеми углами изучали ваши рентгеновские снимки. Поражена вся нижняя часть позвоночника".

"Но нельзя ли чего-либо сделать? - проговорила я. - Не могли бы вы сделать операцию?"

"Нам не на чем оперировать, - сказал он, пытаясь смягчить удар. - У вас нет ни одного здорового позвонка ниже талии".

"То есть у меня не так много времени впереди, не так ли? " - сказала я, и чувство безнадежности опустилось на меня, как ночной туман на берег после отлива.

Он протянул руку и похлопал меня по плечу. "Нет, многие люди живут с этой болезнью. Вам нужно подготовиться к жизни в инвалидной коляске".

Я думаю, что он продолжал говорить, но "инвалидная коляска" - это было последнее, что я слышала. Я скорее бы умерла, чем согласилась проводить остаток жизни в инвалидной коляске.

Зел зашел навестить меня позже вечером. Я все время отворачивала голову, пока он был в палате, боясь разреветься.

В воскресенье вечером ко мне пришел пастор из методистской церкви святого Луки. Солнце уже погрузилось в Мексиканский залив, и я лежала в полутьме в палате, чувствуя себя такой подавленной, как никогда в жизни. Я не видела будущего. Мне незачем было жить. Чувствуя, что мой дух изранен, он рассказал мне о молитвенной цепочке, что началась в церкви. Люди молились за меня круглые сутки. Он протянул руку, взял мою руку и стал тоже молиться за меня.

Как только он закончил молитву, зазвонил телефон у моей кровати. Это была Марта Биглоу, которую я видела в церкви святого Луки несколько лет назад. Ее муж Джимми пережил сердечный удар во время одного из служений, и Зел отвез его в пожарной машине в палату первой помощи в госпитале. Я сидела с Мартой в комнате ожидания. Джимми поправился, и мы с Мартой иногда общались с тех пор.

У Марты была болезнь лица, известная как невралгия тройничного нерва. Во время операции доктор случайно отрезал лицевой нерв, что привело к тому, что ее глаз стал смотреть вниз. "У меня есть две книги о молитве. Я хотела бы, чтобы ты их прочла", - сказала она.

"Хорошо, Марта, я не ахти какой читатель", - призналась я.

"А ты знаешь, - сказала она, игнорируя отсутствие у меня интереса, - я исцелилась от болезни лица. Мой недостаток прошел".

Внезапно мое сердце стало учащенно биться в груди. "Не может быть!

Что случилось?" Я знала, что ее болезнь считалась неизлечимой.

"Я исцелилась через молитву, и эти две книги помогли мне, указав путь. Это началось, когда я прочла "Заключен в тюрьму, чтобы прославлять", - продолжала она. - Затем кто-то дал мне еще одну книгу о молитве. Потом я пошла в молитвенную группу в Тампе, которой руководил хирург из Главного госпиталя в Тампе. Он помолился за меня, и я была исцелена. Ты не узнаешь моего лица".

Я была так возбуждена, что едва могла говорить. Чудесное, теплое ощущение разлилось по моему телу. Оно началось у моих ног и потекло к голове. Все, о чем я могла думать, это то, что я тоже могу быть исцелена. Я хотела забраться на крышу госпиталя и закричать:

"Надежда! Надежда! Эй, люди, есть надежда!"

Зел, Диджей, ее муж Бад вышли пообедать. Когда они вернулись, я погнала их обратно, "Идите прямо сейчас к Марте Биглоу и возьмите две книги, что она приготовила для меня".

Зел с удивлением взглянул на меня. Он знал, что я не любила читать. "Но мы пришли, чтобы составить тебе компанию", - запротестовал он.

"Я не хочу компанию. Я хочу эти книги. И, пожалуйста, поспешите. Я должна их иметь".

Мужчины отправились за книгами, а Диджей осталась со мной. Я рассказала ей, как молились люди в церкви святого Луки; как приходил пастор и молился; как позвонила Марта. И о том чудесном, теплом ощущении, что все еще текло через меня.

Диджей заплакала. Так давно она видела меня счастливой в последний раз, так давно у меня были проблески надежды. "О, мама, я знаю, ты поправишься".

Зел и Бад вернулись с книжками, и я снова выгнала их. Я едва могла дождаться, когда начну читать. Раньше мне всегда не нравилось смотреть, как Зел уходит из госпиталя. Фактически у нас был свой маленький секретный код: когда он уходил, я вылезала из постели и махала ему рукой из окна. Его машина начальника пожарного департамента обычно была припаркована прямо перед госпиталем. Когда он видел, что я машу ему рукой, он включал красные фары.

Это был наш способ сказать: "Я люблю тебя".

Но в тот вечер я даже не подошла к окну. Прежде чем они дошли до лифта, я уже погрузилась в книги, жадно читая о сверхъестественной силе Бога изменять жизнь. Спустя час пришла медсестра и принесла мое снотворное. Я не стала его принимать. Я читала всю ночь. Это было все равно, что набрести на оазис после шестнадцати лет хождения по иссушенной пустыне. Я чувствовала, что я вечно могу пить из фонтанов надежды.

На следующий день пришел Зел, и я сказала: "Милый, выпиши меня из госпиталя. Я пойду домой".

Он заспорил. Доктор заказал скобы для моей спины, и они еще не были готовы. Но я знала, что если я надену эту штуку на себя, то уже не сниму ее. Я настояла, чтобы Зел забрал меня домой. Я знала, что каким-нибудь образом однажды Бог исцелит меня.

Я начала посещать служения исцеления в методистской церкви святого Луки утром по вторникам и четвергам. Несмотря на боль в спине, я всегда добиралась до алтаря и просила помолиться за меня. Всякий раз боль утихала на какое-то время, но затем возвращалась. Но

этого облегчения, однако, было достаточно, чтобы я поняла, что Бог может исцелить меня полностью.

Спустя три недели после того, как я вышла из госпиталя, я вернулась к хирургу-ортопеду. Он пробежался рукой по моей спине. "Ваша спина изменилась, мисс Гринвей", - сказал он. Я улыбнулась: "Знаю".

Он продолжил обследование, прося меня сгибаться, вращать телом и растягиваться. Я слышала, как он ворчал, пробегая пальцами по моему позвоночнику. "Я просто не могу взять в толк, как произошли эти улучшения с вашей спиной".

"Так много людей молились за меня, что мое состояние должно было улучшиться", - сказала я. Он посмотрел мне в глаза. "Вы знаете, - сказал он серьезно, - нам, докторам, нужна вся помощь, которую мы можем получить от Того, Кто наверху". Меня немножко поразило его безличное обращение к Богу, который стал таким близким для меня, но я обрадовалась: по меньшей мере доктор признал, что нечто чудесное начало происходить в моем теле.

Однако боль в спине еще не прошла, как и боли, раскалывающие голову, которые порой продолжались по тридцать шесть часов подряд. Спустя шесть недель я пришла к доктору.

"Как насчет того, чтобы обратиться в крупную университетскую клинику в Северной Каролине? - спросил он. - Это одно из самых лучших в Америке медицинских учреждений.

Может, они помогут вам".

Я почувствовала, как старое чувство безнадежности поднимается во мне, хотя в сердце я знала, что, в конце концов, Бог исцелит меня. "Доктор, мы потратили более семнадцати тысяч на врачей и на госпитали, - сказала я, - мы просто не можем позволить себе такую поездку".

Он постучал своим стетоскопом по ладони и сказал: "Миссис Гринвей, я не думаю, что вы можете отказаться от этой поездки". Мы с Зелом помолились об этом и, наконец, согласились поехать. Доктор сказал, что он начнет собирать мои данные у других врачей и пошлет их в Северную Каролину. Они свяжутся со мной по поводу встречи.

В Ст.-Питербурге было жарко. Обычно с побережья дует бриз, но в то лето листья на пальмах безжизненно свисали на жаре. Моя боль усилилась, когда июль перешел в знойный август.

Я ходила на молитвенные собрания по всем окрестностям: Ст.- Питербург, Кливотер и даже Тампа (что на другой стороне залива). Кто-то дал мне экземпляр книги Кэтрин Кульман "Я верую в чудеса", а затем я купила ее книгу "Бог может сделать это снова". Когда я прочла, как другие исцелялись от болезней, более тяжелых, чем моя, вернулась надежда, а вместе с ней и все возрастающая вера, что Бог исцелит меня тоже.

Затем я узнала, что в сентябре, впервые за многие годы, Кэтрин Кульман приедет во Флориду, чтобы провести "служение с чудесами" в Орландо, что в сотне миль от нас. Что-то внутри меня щелкнуло. Я поняла, что это время и место моего исцеления. В тот вечер, когда Зел вернулся домой, я спросила его, могу ли я поехать.

"Мы должны отправиться 13 сентября в Кливленд на слет начальников пожарных департаментов, - сказал он. - Давай помолимся об этом".

Мы помолились, и, казалось, ответ пришел на следующей неделе на собрании молитвенной группы, где было объявлено, что свободных мест в муниципальном зале Орландо нет.

Попасть смогут только те, кто забронировали места в автобусах. В тот день я вернулась домой разбитая и разочарованная и стала паковать вещи для поездки в Кливленд. Если Бог хочет, чтобы я была на том "собрании с чудесами", Он сможет привести меня туда.

Диджей пришла на следующий день. "Мама, у папы нет большого энтузиазма по поводу поездки в Кливленд, не так ли?"

"Да, так, - согласилась я, - но это важная конференция, и я не собираюсь спорить с ним об этом".

В тот вечер Зел сидел тихо за обедом, ковыряя еду вилкой. "Ты знаешь, - наконец, сказал он, - я не думаю, что нам следует ехать в Кливленд в этом году".

Я почувствовала, как по моему телу опять разлилось то чувство возбуждения вместе с потоком тепла. "Я буду рада поехать, если ты хочешь, - сказала я самым послушным голосом. Но внутри я вся поднялась и обрадовалась: - О, хвала Господу! Теперь я смогу поехать в Орландо".

Конечно, оставалась еще проблема свободных мест. Бронированием мест в автобусах заведовал кто-то в католической церкви Благословенной Троицы. У них была вечерняя молитвенная группа, что собиралась каждую неделю, и Зел взял меня и Марту Биглоу на собрание. "Может, кто-то откажется от поездки, и ты сможешь занять их места", - сказал он. Зел был прав. У них было два свободных места, и они достались Марте и мне. На собрании была маленькая католическая монахиня из Ирландии. Когда она узнала о моей болезни, она подошла ко мне, возложила руки мне на голову и помолилась.

По дороге домой Зел отметил, что в Ст.-Питербурге за меня молились больше всего. Целая методистская церковь всю ночь молилась за меня, многочисленные молитвенные группы, муж, дочь, зять, братья и сестры, методистский служитель, а теперь и католическая монахиня.

"Если Бог не исцелит тебя в Орландо, то не из-за недостатка в молитвах", - засмеялся Зел.

Я тоже рассмеялась. Зел верил так же сильно, как и я, что пришло Божье время.

В четверг после полудня пять заказных автобусов стояли на парковочной площадке у зала "Бейфронт". Их моторы работали, кондиционеры гудели. Пастор с женой и священник из католической церкви Благословенной Троицы уже были в автобусах, а с ними еще двести человек. Зел сказал, что он будет ждать, когда мы вернемся, а затем посадил нас с Мартой в автобус. Моя боль поехала вместе со мной, сидя на моих плечах всю дорогу до Орландо.

Орландо - один из самых красивых городов мира. Он построен вокруг множества озер, и многие из них находятся прямо в центре города. Это создает впечатление, что жизнь там - сплошное развлечение. Когда мы съехали с автострады и повернули к залу, я увидела, что целые кварталы забиты автомобилями. Для автобусов был оставлен специальный проезд, и мы направились к парковочной площадке, которая оказалась уже заполнена автобусами и сотнями автомобилей из всей центральной Флориды.

"Посмотри на это! - прошептала Марта с соседнего сиденья. Она указывала на толпу людей, стоявших под палящим солнцем, ожидая, когда можно будет зайти в зал. И добавила: - Двери не откроют еще два часа, а тут уже, должно быть, две тысячи людей стоят снаружи".

Автобус подъехал к задней двери, и нам позволили пораньше зайти в зал. Когда мы вошли, мои глаза наполнились слезами. Я увидела женщину на больничных носилках, и два санитары со "скорой" давали ей дышать кислородом. Один человек, как я поняла, ее муж, стоял рядом с ней и держал ее за руку. Я увидела маленькую девочку в больничной кровати, и медсестра хлопотала около нее. Помещение было набито подобными людьми. Многие из них были в инвалидных колясках. Отцы держали своих больных детей на руках. Словно все госпитали во Флориде согнали всех больных в один большой зал.

Я начала плакать. Вот я пришла сюда только с одной болезнью - моей спиной. Конечно, у меня были боли, но не такие, как у этих людей! В конце концов, я могла вставать и ходить. По меньшей мере, я смогла приехать на автобусе, и меня не нужно было катить от "скорой". Я повернулась к Марте, и слезы заструились по моему лицу. "С той же силой, как я хочу исцелиться, я хочу уйти отсюда с радостью, если хоть один из них будет исцелен".

Марта не могла мне ответить, она тоже плакала.

В течение следующих двух часов (с того времени, как мы нашли места, и до начала собрания) я ни разу не подумала о себе. Напротив, я все время молилась за тех, кто был вокруг.

Внезапно гигантский хор на сцене начал замечательно петь. Затем вышла мисс Кульман. Я подумала, что она выглядит как ангел - одетая во все белое, окруженная сиянием, которое сопровождало ее, когда она ходила по сцене.

Я посмотрела направо и увидела, как женщина упала на пол. Я прочла в книге мисс Кульман о многих людях, падавших под действием Святого Духа на ее собраниях. Я знала, что это от Бога. "О, Марта, не чудесно ли это?" - прошептала я.

Мой ум попал в водоворот. Я пыталась сосредоточиться на происходящем, но происходило такое, чего я не могла постичь. Люди исцелялись. Многие из них выходили на сцену, чтобы свидетельствовать о силе Божьей.

Внезапно я услышала сквозь какофонию звуков, восхвалений и музыки, как мисс Кульман сказала: "Там, на балконе, кто-то исцеляется от болезни спины, шеи и плеч".

Прежде, чем я осознала это, я вскочила на ноги.

"Где бы вы ни находились, вы знаете, что я говорю о вас, выходите на сцену", - сказала она.

Все понеслось перед моими глазами. Проплывали мимо лица. Я сбежала по ступенькам.

Затем, когда мой разум все еще был захвачен этим водоворотом, я обнаружила, что стою в очереди на сцене. Я повторяла: "Хвала Господу" и "Спасибо, Иисус", - фразы, которые я никогда раньше не использовала.

На сцене было полно людей, и меня подталкивали те, кто напирал, чтобы тоже свидетельствовать. Я почувствовала, что у служителей есть проблемы с управлением толпой, но и я тоже хотела подобраться поближе, чтобы мисс Кульман могла коснуться меня. "О, если бы она только коснулась меня, - внутри себя кричала я, - я бы тогда исцелилась". Но толпа оттесняла меня к задней части сцены, за рояль.

Затем, я услышала очень тихий, нежный мужской голос из-за моих плеч: "Нет необходимости, чтобы мисс Кульман вас коснулась. Исцеляет именно Святой Дух".

Я обернулась и увидела красивое чернокожее лицо и самые нежные глаза, которые мне только доводилось видеть. Это был Джимми Мак-Дональд, певец мисс Кульман, баритон.

"О, спасибо", - сказала я и повернулась к центру сцены. И тут я услышала, как мисс Кульман сказала: "О, прямо сюда сошла слава". Она стояла на цыпочках, указывая поверх толпы туда, где стояла я.

Я упала. Это было такое прекрасное, чудесное чувство. Я не знаю, как я упала на пол и как я встала. Все, что я знала, это то, что Святой Дух сошел на меня, внутрь меня, поверх меня.

Я, шатаясь, спустилась по ступенькам со сцены и пошла по направлению к своему месту.

Когда я дошла до партера, я осознала, что нечто соскользнуло с меня, нечто, напоминающее плащ, в который я была завернута. Я остановилась и посмотрела на пол, пытаюсь увидеть, что я уронила, но ничего не заметила. Что-то упало с меня, я чувствовала это. Но на полу ничего не было. Я снова пошла.

Я не могла найти свое место и просто бродила по залу. Наконец я прислонилась к боковой стенке, купаясь в славе Божьего присутствия. Все же чего-то не хватало. Я что-то уронила, что-то потеряла. Я чувствовала, что чего-то нет.

Следующее, что я осознала, это что Марта Биглоу касается моей руки. Служение закончилось, а я даже не поняла этого. Я все повторяла: "Хвала Господу. О, хвала Господу".

"Ты забыла сумочку и очки на сиденье, - сказала, улыбаясь. Марта. - Я захватила их".

"О, спасибо, - пробормотала я, все еще изумляясь, - я знала, что я что-то потеряла, но я думала, что уронила на пол".

Уже полночь автобусы подъехали к парку "Бей-фронт". Зел ждал меня. Я упала в его руки, и мы проплакали всю дорогу домой. И пока мы не легли в постель, все еще разговаривая, плача и восхваляя Бога, я так и не осознала, что же у меня пропало. Не сумочка и не очки. Это была боль. Моя постоянная спутница в течение шестнадцати лет, исчезла. Я была свободна. Узы спали с меня.

На следующей неделе после утреннего собрания во вторник в церкви святого Луки я обратилась к пастору. "Мой доктор сказал: "Слава Богу", когда я рассказала .ему, что

исцелилась, но он все еще настаивает, чтобы я поехала в Северную Каролину на обследование".

Он кивнул, затем сказал: "Кажется, я слышал, как мисс Кульман говорила своим людям, чтобы они шли к докторам для подтверждения исцеления. Ведь это было бы чудесно, если бы медицинские эксперты подтвердили, что вы действительно исцелены".

Это выглядело такой тратой времени и денег, что я не хотела ехать. Но я сказала Господу, что я поеду, если получу известие из медицинского центра. Прошло три месяца с тех пор, как они получили мои данные.

И на следующий день пришло письмо. Доктора хотели видеть меня 4 октября.

Мы с Зелом поехали. Холмы Северной Каролины были одеты в свои самые цветастые наряды.

Деревья вдоль дороги были в красных, оранжевых и желтых сюртуках и куртках. Это было чудесное время для восхваления Господа. Я знала, что была исцелена, и едва могла сдерживать свою радость.

Охранник у дверей Медицинского центра должно быть подумал, что я - психиатрический пациент, такой счастливой я была. Я записалась на 9 утра, и Зел пошел со мной к палате для обследований. Вошел хирург-ортопед из центра и провел предварительный осмотр. У него с собой была огромная папка с моими карточками и анализами, начиная с 1957 года. Когда он закончил обследование, он сказал: "Ах, миссис Гринвей, так что у вас не в порядке со спиной?" Я посмотрела на Зела. Его лицо было невозмутимо! "Что ж, - сказала я, - у меня были очень сильные боли".

Он посмотрел на мои бумаги. "Да. Я могу увидеть, в чем дело, из этих анализов и рентгеновских снимков. Но я в недоумении".

"В недоумении?" - спросила я, с трудом сохраняя серьезное выражение лица.

Он откашлялся: "Сейчас придет главный хирург. Я дам ему осмотреть вас, а затем мы сможем сказать больше". Спустя немного времени пришел главный хирург и изучил мои данные. Он наморщил лоб и посмотрел на меня поверх своих очков.

"Вы удивляете меня", - сказал он. "Почему?" - спросила я.

"Вам следовало бы находиться в инвалидной коляске".

Я попыталась сдержать улыбку. "Да, я знаю". Я лежала на медицинском столе, пока он обследовал мою спину, щупая, нажимая и надавливая.

Наконец, он сел в кресло и снял очки. "Вы знаете, я не могу найти ничего плохого у вас на спине. - Затем он повернулся к Зелу: - Сэр, что вы думаете по поводу того, что проделали такой путь, а мы ничего не обнаружили?"

"Это лучшая новость, которую я когда-либо слышал", - ответил Зел.

"Я действительно не понимаю этого, - продолжал доктор. - Я могу принять вашу жену и проводить анализы, но это будет бесполезно. Досадно, если вы проделали весь этот путь, просто чтобы повернуться и уехать домой". "Доктор, со мной все в порядке, - сказала я. - С того времени, как мы договорились о встрече, я была исцелена".

Он прекратил пролистывать бумаги в моей папке. Подняв глаза, он медленно произнес:

"Прошу прощения, я думаю, что я вас не понимаю".

"У меня было исцеление, - сказала я. - Я посетила собрание Кэтрин Кульман. Если бы я не исцелилась, то я была бы в инвалидной коляске. Но сейчас у меня отличное здоровье".

Хирург пожевал дужки своих очков: "Хм-м. Что ж, я думаю, мы сделаем несколько рентгеновских снимков прямо сейчас".

Спустя два часа после проведения рентгена мы вернулись в палату для обследования и ждали там. Вскоре после этого вошел доктор с двумя пачками снимков. Подняв одну пачку, он спросил: "Это - ваши снимки?" Они были помечены: "Сентябрь 1972, Ст.-Питербург". Это были последние снимки, сделанные перед посещением "служения с чудесами". Я взглянула на них и кивнула. "Во всяком случае, я узнаю этот позвоночник". Доктор указал на пористый сгусток у основания моего позвоночника, где все позвонки были разрушены, на узел на

моем плече и на S-образное искривление позвоночника. Затем, подняв другую пачку снимков, он сказал: "А эти мы только что сделали. Вот как вы выглядите сейчас".

Я взидала на них с изумлением. Мой позвоночник был прямым. Все нижние позвонки были в отличном состоянии. Узел на моем плече исчез. Все снимки изображали человека с нормальной спиной.

Доктор ничего не сказал. Он просто стоял, держа два набора снимков.

Наконец, он сказал:

"Это, должно быть, чудо. У вас было классическое заболевание, которое всегда ведет к полной потере двигательной деятельности. Но, - сказал он с кривой улыбкой, - очевидно, что все это изменилось".

Зел обнял меня за плечи и крепко прижал меня, повторяя эхом слова врача: "Очевидно".

Охранник открыл входную дверь Медицинского центра, когда мы уходили. "Ну что плохого они там обнаружили?" - спросил он.

"Ничего, - с восторгом сказала я. - Ничего, совсем ничего".

Он лишь покачал головой. "Я стою у этой двери по восемь часов в день. Я вижу, как люди приводят сюда своих близких, а уходят с приговором к смерти. Они приезжают на "скорых", в инвалидных колясках, на костылях. Иногда они приходят и уже не выходят. Но я никогда не видел никого, подобного вам. Почему вы пришли сюда?"

"Я пришла, потому что раньше у меня была такая боль, что я едва могла ходить. Мне суждено было жить в инвалидной коляске. Затем Иисус Христос, Великий Врач, коснулся меня силою Святого Духа. Теперь я полностью здорова".

Охранник повернулся и посмотрел на лучи заката. Холодный ветер дул из-за угла госпиталя, но не из-за ветра его глаза были полны слез. "Это чудесно, - сказал он растроганным голосом.

- Я рад был узнать, что все же есть надежда для страдающих. Это поможет мне стоять здесь у дверей".

Глава 20. Но в любви Он искал меня - Патриция Бредли

Я никогда не забуду маленькую девочку, которая бегала в больших сапогах по сцене в Далласе, штат Техас. И не забуду ее мать, необычайно красивую молодую женщину с выговором, характерным для Западной Виргинии, которая горела возбуждением оттого, что она рождена свыше и исполнена Святым Духом. Пэт Бредли родилась и выросла в Кенове, штат Южная Виргиния. В возрасте пятнадцати лет она ушла из дома со своим мужем. Спустя три года родилась дочь Джина. Прошло тринадцать лет, и обстоятельства стали такими плохими, что она в конце концов обратилась к Господу.

Приглушенный гул машин, доносившийся в тот вечер в слабо освещенную католическую церковь, создавал фон моим отчаянным всхлипываниям, которые эхом отдавались в пустом зале. Было уже близко к полуночи, а я стояла на коленях у алтаря два часа и плакала. Моя восьмилетняя дочка Джина тихонько сидела на первой скамье.

Я танцевала с обнаженной грудью в ночном клубе в Далласе. Я была разведена, и осталась в одиночестве и отчаянии. Я работала в стриптизе в таких клубах, как "Маленький Египет" и "Спадающая одежда" в злачном районе города. Мой бывший муж был во власти наркотиков и алкоголя. Три раза он избивал меня так сильно, что мне приходилось ложиться в госпиталь.

В последний раз потребовалась пластическая хирургия, чтобы восстановить мой нос и скулы.

Некоторые думают, что жизнь танцовщицы из стриптиза полна удовольствий. Я знаю лучше. Я была одинока, ко мне приставали мужчины, ожидая, что за деньги я пойду на все виды половых извращений. И, в конце концов, я сломалась от этого напряжения, и весь мой мир разрушился.

Я знала, что дома, в Западной Виргинии мои родные, особенно мать, молились за меня. Меня воспитали в евангелической церкви, и ребенком я ходила в воскресную школу. Но когда я вышла замуж в пятнадцать лет, я повернулась спиной к Богу и очертя голову стала погружаться в ад на земле. Вначале это был мир алкоголя и наркотиков. Затем, когда мы переехали в Даллас из Окленда, я начала выступать в стриптизе. Наш брак распался. Один из моих друзей предложил убить моего мужа, и я подговаривала его сделать это. Но мой муж узнал об этом и нанял киллеров, чтобы убить Джину и меня. Мы сбежали, спасая свою жизнь.

Мы поселились в маленькой квартирке, и я стала работать официанткой в немецком ресторане.

Моя жизнь рассыпалась на куски, и я начала читать Библию, надеясь, что Бог сможет вмешаться и спасти меня. Мой босс, другие танцовщицы и мои друзья - все они думали, что я сошла с ума. Они не понимали. Все, что они могли видеть, - это молодую разведенную женщину с красивым лицом и сексуальным телом. Они не могли заглянуть в мое сердце - там были муки, чувство вины и страшная жажда быть чем-то большим, чем объектом для разглядывания.

"Поборитесь с живой голой девушкой", - было написано у входа в один клуб в Далласе, словно девушка была животным, вроде медведя на цепи. В некоторых клубах танцовщиц с обнаженной грудью сажали в клетки и подвешивали в зале, где они извивались и крутились под оглушающий рев разъедающей душу рок-музыки. О Боже, неужели они не знали, что мы - творения Божьи, созданные по Его образу и жаждущие быть личностью, а не объектом похоти или животным?

Одним поздним декабрьским вечером я сидела в своей крошечной квартирке, плача и пытаюсь читать Библию. Я взяла Джину за руку, и мы вышли на улицу. Мы бродили по темным улицам Далласа, пока я не увидела церковь. Я знала, что там найду Бога.

Оставалось всего несколько дней до Рождества, и многие магазины были еще открыты. Но единственной церковью, открытой в столь поздний час - в 10 вечера, - оказалась огромная римско-католическая церковь. Она была в стороне от дороги, темная и окутанная зловещими тенями. Маленький огонек горел над дверью в зал, и мы осторожно поднялись по ступенькам и проскользнули внутрь.

Джина прижалась к моей руке, когда мы шли по едва освещенному проходу. По бокам стояли статуи с холодным застывшим воском у их ног. Из боковой комнаты вышел священник в сутане и тихо подошел ко мне.

"Я протестантка, - сказала я дрожащим голосом, - но мне надо помолиться".

Он посмотрел на Джину, которая вскарабкалась на первую скамью и сидела, испуганная, сжав ручонки на коленях. Он взглянул на меня, поняв по моей одежде и макияжу что я за девушка.

Он кивнул, указал рукой на алтарь и исчез за дверью. Я упала у алтаря, и мои всхлипывания эхом отдавались в мертвой тишине пустого зала.

Я забыла, как нужно молиться. Я могла вспомнить первые несколько слов из детских молитв:

"Вот я ложусь спать" и "Бог велик, Бог благ". Но все остальное стерлось из моей памяти, изгладилось за годы бунтарства. Все, что я могла, - это конвульсивно всхлипывать и взывать к Богу, прося Его помочь мне. Я не осознавала, что это и есть молитва в ее самой чистой форме.

"Я не хочу быть такой, какая я есть, - плакала я, - я хочу быть чистой. Я хочу быть светлой.

Пожалуйста, Боже, пожалуйста".

Была уже почти полночь, когда я, наконец, успокоилась. Истощенная, с высохшими слезами на глазах, я склонила голову на помост у алтаря. Статуи с молчащими устами, невидящими глазами и каменными сердцами окружали меня. Но Он услышал.

Постепенно я стала осознавать, что в зале появился свет. Это был мягкий и тихий свет, наполняющий все уголки. Откуда он исходил? Горели только лампочки позади стола для причастия. Но был еще один источник света, тот, который я не могла увидеть. Однако я могла его ощутить. Это было словно тепло и покой. Казалось, он проникал в меня, принося свое просветление в самые темные уголки моего сердца, изгоняя тьму. Как крошечный ребенок, что вылезает из кровати посреди ночи и сворачивается калачиком между отцом и матерью, я чувствовала себя в безопасности и в любви. Все мои страхи улетучились. Мое прошлое больше не давило на меня, заставляя меня спотыкаться, пытаться спрятаться. Вся грязь, стыд и вина - все это ушло, покрытое океаном любви и покоя. Я была свободна.

Я почти ничего не знала о духовных вещах, но я знала, что я взывала к Богу и Он ответил мне. "Господи, - прошептала я, - у меня нет сына, чтобы дать его тебе, как Ты отдал Своего Сына мне. Но я отдаю Тебе мою маленькую девочку, более дорогую для меня, чем моя собственная жизнь. Используй ее для Твоей славы". Мне предстояло забыть эту молитву в последующие месяцы, но Бог помнил ее.

Когда мы вернулись из церкви, рождественские огоньки все еще мигали на улицах.

Декабрьский ветер обжигал лицо. Джина все так же крепко сжимала мою руку, глядя мне в глаза, удивляясь тому, что она увидела там, в церкви. Но я не была прежней. Я словно была рождена в первый раз.

В моей памяти пронеслись слова старого деревенского гимна, который я слышала в маминой церкви в Западной Виргинии.

Упрямый и глупый, я часто блуждал, Но в Своей любви Он все же нашел меня, И нежно положил меня на Свои плечи, И, радуясь, принес домой.

Следующим вечером в то же самое время мы вернулись в церковь. Как и раньше, церковь была пуста. На сей раз не было даже священника, чтобы поприветствовать нас. Мы с Джиной сели на первую скамью.

Но что-то изменилось, что-то было плохим. Покой прошлой ночи исчез, сменился неким чувством дурного предчувствия. Я ощутила озноб и непроизвольно стала дрожать. Джина прижалась ко мне, словно она почувствовала ту же зловещую угрозу. Ее короткие темные волосы обрамляли испуганное детское личико.

"Не бойся, милая, - сказала я, пытаюсь успокоить ее и себя. - Это - дом Божий".

Внезапно я услышала шум, словно открылась дверь ловушки. Он доносился откуда-то позади нас, со стороны прохода. Джина повернулась, чтобы посмотреть. Она протянула свои маленькие руки и обняла меня за шею, а ее глаза расширились от ужаса. "Мама!" - закричала она.

Я посмотрела назад. Там по проходу шли две гротескные фигуры. Призраки! Они шли, как марионетки, дергая руками и ногами, и при этом казалось, что они плывут.

"Мама!" - снова закричала Джина. Мы прыгнули и прижались к алтарю, прилепившись друг к другу.

У мужчины была внешность мексиканца, но его кожа выглядела бескровно-серой, а лицо - маской смерти. Женщина шла, дергаясь, рядом с ним. Ее бледные светлые волосы обрамляли бесцветные щеки. Их глаза, словно незрячие, смотрели прямо перед собой. Они были похожи на ходячие трупы.

Страх наполнил меня. Они подошли на расстояние вытянутой руки, и женщина все с тем же ничего не выражающим лицом протянула руку и коснулась плеча Джины. Затем они ушли. Я начала кричать. Держа Джину за руку, я бросилась по длинному темному проходу и выбежала на улицу.

Уже в квартире я снова стала кричать. Сосед позвонил друзьям, которые приехали и попытались успокоить меня.

"Я видела их! - кричала я. - Я видела их!" Одна из моих подруг позвонила в полицию. Я пыталась рассказать полицейским, что я видела, но, как и мои друзья, они лишь

переглядывались и качали головами. Нас с Джиной посадили в полицейскую машину и отвезли в госпиталь.

"Ей мерещатся видения, - сказал сестре психиатрического отделения один из полицейских. - Мы отвезем девочку в детское отделение на станции".

"Нет, - взмолилась я. - Вы можете запереть меня, но не Джину. Позвольте мне позвонить сестре. Она живет поблизости и работает в госпитале "Бейлор". Она позаботится о Джине".

Полицейские согласились, и моя сестра Фей заехала и забрала Джину.

Меня заперли в психиатрической палате для наблюдения.

"О Боже, что происходит? - стонала я, когда они укладывали меня в постель и делали укол. - Вчера все было так чудесно. А сегодня вот это. Были ли это демоны? Почему они коснулись Джини?" Я погружалась в сон, тихонько всхлипывая, и мои вопросы повисли в воздухе. Я не знала тогда, что моя жизнь, связанная с алкоголем, наркотиками, сексом и грехом, открыла дорогу силе сатаны. Когда я пригласила Иисуса в свою жизнь прошлой ночью. Он выбросил всех демонов. Но они вернулись, чтобы коснуться Джини. Результаты прикосновения того создания привели к кошмару, настолько ужасному, что его невозможно описать.

Я пролежала в психиатрическом госпитале в Террелле, пригороде Далласа, шесть недель.

Один психиатр сказал, что у меня нервный срыв. Другой сказал, что у меня галлюцинации. Я пыталась спорить, что я в своем уме, но они не верили мне. Напротив, они постоянно накачивали меня лекарствами.

Фей приводила Джину повидаться со мной каждую субботу. На третий визит, когда мы были одни. Джина прошептала: "Мама, эти двое людей встречают меня каждую пятницу после школы и идут со мной домой. Они говорят, что я умру. Я очень боюсь рассказать кому-нибудь о них. Меня тоже положат в госпиталь". В ее глазах застыло выражение страха преследования.

"Просто помолись Богу, милая, - заплакала я, прижав ее. - Он увидит, что с нами происходит".

Меня выписали из госпиталя в первую неделю февраля. Фей приехала, чтобы забрать меня.

Холодный северный ветер дул с Техаса, температура опустилась ниже нуля. Сухой, колющий ветер мчался сквозь ветви, хлещущие по бокам автомобиля. Мы не двигались с парковочной площадки некоторое время, ожидая, когда прогреется машина.

"Как там Джина?" - наконец спросила я, вздрагивая. Мой нос все еще болел от холодного ветра.

Фей не ответила. Она просто сидела, глядя на руль. Я подумала, что она не слышала меня, и спросила снова, когда она подняла взгляд. На ее лице был написан страх.

"В чем дело?" - спросила я дрожащим голосом, вспоминая, что Джина не пришла навестить меня в последнюю субботу.

"Мы боялись говорить тебе, Пэт", - сказала Фей со слезами на глазах.

"О чем ты говоришь? Где Джина?" - Я схватила ее за руку, впившись пальцами в платье.

"Две недели назад, в пятницу после обеда, когда она пришла домой после школы, у нее заболела левая лодыжка, - объяснила она. - Мы отвезли ее к доктору, думая, что это, возможно, растяжение связок, но врач ничего не обнаружил. Затем, в субботу утром, когда мои дети попытались поднять Джину с постели, чтобы посмотреть мультфильмы по телевизору, она не смогла встать. Все ее тело распухло и стало жестким, и она едва могла говорить. Мы отвезли ее в госпиталь "Вейлор".

Я сидела, ошеломленная. Это был словно ужасный сон.

"Как она?" - наконец спросила я. Фей покачала головой. "Плохо. Ее перевели в другой госпиталь, и врачи все еще не знают, что это за болезнь. Но это серьезно, Пэт. Она очень больна".

Мы отправились прямо к детскому медицинскому центру, где выяснилось, что все обстоит гораздо хуже, чем описывала Фей. Джина лежала обнаженная на постели в изоляторе в детском отделении. Ее тело распухло, потеряло форму, суставы были такими жесткими, что

она не могла двигаться. Голова была закинута назад, и мышцы на шее выступали, как веревки.

Слюна сочилась из уголков рта, она стонала от боли. Рядом с ней была медсестра, проверяя трубки, по которым в ее руки вводилась бесцветная жидкость. Сестра сказала мне, что им дважды пришлось класть Джину в лед, чтобы сбить бешеную температуру.

Я наклонилась над дочерью. Она была в сознании, но не могла говорить. Ее глаза забегали, осматривая меня, моля о помощи и утешении, но я была слишком ошеломлена, чтобы помочь ей. Когда я смотрела на нее, ее глаза медленно закатились, и в глазницах остались одни белки.

Я была в ужасе. Медсестра только покачала головой. "Мы не можем одеть ее, потому что она кричит от боли, когда что-либо касается ее тела", - сказала она мне.

Затем она указала, как руки и ноги Джины начали подтягиваться к телу. "Это какая-то внешняя сила, которую доктора не смогли определить, - сказала она. - Впрочем, они делают все возможное".

Я верила ей. Но я так же боялась, что никакая медицинская помощь не сможет исцелить Джину. Я могла понять, что ее боль все возрастает. Дни и ночи слились в один длинный кошмар. Днем я была с Фей, а ночи проводила у постели Джины.

В одну из таких долгих, одиноких ночей начались конвульсии. Маленькое тельце Джины начало изгибаться, скручиваемое чьей-то невидимой жестокой рукой. Ее глаза закатились, и она стала давиться.

Прибежала медсестра, посмотрела на это и вздохнула: "Она глотает свой язык!"

Схватив тряпку, она засунула пальцы глубоко в рот Джины и смогла открыть проход для воздуха, но дыхание Джины быстро участилось и стало неглубоким. Затем оно прекратилось. Мы стояли и молча смотрели какую-то долю секунды. Тело Джины непроизвольно дергалось, как дергается змея или цыпленок после того, как голова отрублена. Но откуда-то из-за спины я услышала нежный голос, который сказал мягко: "Не бойся. Я здесь, с тобой".

Кто это сказал? Я повернулась и никого не увидела, но я почувствовала, как после этого страх ушел от меня. Немедленно тело Джины расслабилось. Медсестра стала делать искусственное дыхание изо рта в рот. Через несколько секунд Джина снова задышала. Вбежал доктор и начал давать Джине кислород. Сестра взяла меня за талию и выпроводила в холл. Я обернулась и посмотрела на маленькое создание на постели, когда врач вставлял трубки, выпавшие во время конвульсии. Я удивилась, как она смогла это пережить.

Однако Джина выжила. И более того, несколько раз она прекращала дышать, и доктора в конце концов сказали мне, что она получила неизлечимое повреждение мозга из-за нехватки кислорода.

К тому времени Джина потеряла контроль за естественными отправлениями организма. Нам пришлось менять ее пеленки и ухаживать за ней, словно она была младенцем. В первую неделю апреля Джина стала кричать от боли. Она не могла остановиться. Она кричала полторы недели, пока врачи не увеличили дозу наркотиков до такого уровня, чтобы контролировать боль. Они все еще не могли полностью определить, что у нее за болезнь.

И хотя у Джины была всего лишь благотворительная страховка, доктора и медсестры были очень добры и терпеливы к нам. Они принесли кровать в палату Джины, чтобы я могла поспать во время долгих ночных бдений. Однажды утром я заметила пряди волос на подушке Джины. Я нежно провела рукой по ее головке, и волосы остались в моих пальцах. Через несколько дней она осталась совершенно лысой. Затем на ее руках, ногах и спине стали расти черные волосы. Доктора сказали, что это вызвано гормональными изменениями.

Доктор Честер Финк, педиатр, специализирующийся в болезнях крови, попросил разрешение провести операцию на ногах Джины. Он хотел вскрыть ее бедра и провести биопсию ее мышц.

Я дала согласие, и процедура прошла успешно: был определен диагноз - редкая болезнь крови под названием periarteritis nodosa.

Однажды вечером я взяла блокнот и села написать письмо матери, чтобы рассказать ей все о болезни Джини. Я знала, что она молилась за нас обеих. Это был блокнот Фей, который она использовала раньше, и я пролистывала страницы в поисках чистого листа для письма. Тут я наткнулась на запись, сделанную рукой Фей: "Пэт этого еще не знает, - было написано там, - но доктор вчера позвонил из госпиталя и сказал, что Джина не сможет жить. Он велел нам начать приготовления к ее похоронам".

Я сидела и смотрела на эти слова, словно я читала роман. Они казались нереальными. Но они были написаны рукой Фей. Я поняла, что наткнулась на неоконченное письмо моей матери.

Фей спала в другой комнате, я вбежала и разбудила ее. "Я должна знать, что происходит. Ты скрывала правду от меня, боясь, что у меня будет еще один приступ. Рассказывай мне все".

Фей положила свою руку на мою. "Извини, Пэт", - сказала она. Затем она призналась, что доктор сказал ей это. Надежды не было. Джина умирала.

Я отправилась в госпиталь, чтобы провести ночь там. На следующее утро, когда врачи делали обход, я прижала к стенке одну из докторов - молодую, женственную и очень красивую особу - и спросила ее, умрет ли Джина. Глядя мне прямо в глаза, она сказала: "Миссис Бредли, нет смысла обманывать самих себя. Джина не может выжить. Она слишком больна. Болезнь усугубляется. Самое большее, что ей осталось, - это шесть месяцев, а может и три. - Она продолжала смотреть мне прямо в глаза, только влага появилась в ее бледно-голубых глазах. - Мы ничего не можем сделать", - сказала она. Затем, пожав мою руку, она повернулась и вышла из палаты.

В июле доктора, наконец, отрегулировали кровяное давление Джини и уступили моим постоянным просьбам, разрешив забрать ее домой, хотя она принимала наркотики четырнадцать раз в день. Я перебралась в квартиру, благотворительный совет увеличил мое содержание, "Баптистский фонд милосердия Бакнера" помог мне с едой, а специальная медсестра приходила каждое утро из госпиталя, чтобы помочь с приемом лекарств и кормлением Джини. Я надеялась на эти шесть месяцев.

Пока она была в госпитале, я молилась за Джину и говорила с ней об Иисусе, но ее ум был так запутан, что я не была уверена, что она понимает. Когда она вернулась домой, я садилась у ее постели и снова говорила ей об Иисусе, Которого я встретила. Я знала, что у нее поврежден мозг, но решила, что Иисус умер за детей с замедленным развитием так же, как и за нормальных детей, а может и в большей степени за больных. Сатана мог убить ее тело, но Иисус мог спасти ее душу. Она поняла и попросила Иисуса войти в ее жизнь. Посреди печали это был радостный момент.

Однажды, когда Джина спала, я пролистала телефонный справочник и нашла название похоронной конторы в нашем районе. Директор сообщил мне расценки на бальзамирование, на гроб и на транспортировку тела в Западную Виргинию для похорон. Затем я позвонила своему отцу и попросила его найти место для могилы, а также договориться с местным похоронным бюро в Кенове. Затем папа спросил меня, нельзя ли привезти Джину домой прежде, чем она умрет. Он тоже умирал от рака. Он хотел увидеть нас в последний раз.

Я хотела привезти Джину к нему, хотя и знала, что это будет суровое испытание. Я поговорила с представителями авиакомпании и с докторами. В госпитале "Скоттиш Райт" в Далласе меня снабдили инвалидной коляской, а также выделили работников, чтобы они помогли в аэропорту и в дороге. Наконец, мы были в состоянии поехать домой.

Насколько я знала, папе недолго осталось жить. Он так сильно похудел, что его трудно было узнать.

Однажды после обеда он повез меня на кладбище показывать купленные им участки. Я так сильно плакала, что мне трудно было смотреть. "Папа, это самое трудное из того, что я делала когда-либо", - сказала я, всхлипывая.

Мы вышли из автомобиля и направились через газон к деревьям. "В жизни нет ничего простого, - сказал он дрожащим от боли голосом. - Но "человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремиться вверх"". Это сказал Иов, и так оно есть и сейчас. Но он также сказал нечто, что нам обоим надо помнить: "Хотя бы Он и поражал меня, я все равно буду доверять Ему"".

Я обняла отца за талию, и мы остановились на минутку. Солнце периодически пропадало за облаками, и по могилам пробегали тени. Со стороны деревьев дул легкий бриз, и я слышала, как пели птицы. Все говорило о жизни. Но мы были здесь по делам смерти.

Мать по-настоящему ходатайствовала обо мне перед Богом. В течение многих лет я чувствовала, что в ней есть что-то особенное. Даже когда я танцевала в клубах со стриптизом, мама писала или звонила мне и говорила, что она любит меня и молится за меня. Она никогда не унижала меня. Она просто любила меня сильнее, чем я могла представить. Когда я была дома, я спросила ее об этом.

"У нас нет обилия земных вещей, - сказала она, сидя рядом со мной на старом, потертом диване. - Нам нужно много трудиться, чтобы на столе была еда. Но у меня есть то, что стоит больше, чем все деньги на земле. Это - Святой Дух".

"Я думала, мы все получаем Святого Духа, когда принимаем Иисуса", - сказала я, цитируя последнюю проповедь, которую я слушала в баптистской церкви в Далласе.

Мама улыбнулась и подняла свои морщинистые руки над головой. "О, это так, милая, - сказала она. - Но именно крещение Святым Духом дает тебе силу".

Я не поняла, о чем она говорит, но я знала, что для мамы это - реальность. Она сказала что-то еще, что было так далеко от меня, и я просто пропустила это мимо ушей. Она сказала:

"Патриция, Бог может исцелить Джину. Возьми ее на служение, где сила Божья будет сходить, и она будет исцелена". Я не могла в это поверить, поскольку знала, что Джину медицинская наука приговорила к смерти. Это было выше моих сил - даже думать о чем-то ином.

Мы полетели назад в Даллас все в слезах. В следующий раз я вернусь в Западную Виргинию, чтобы похоронить Джину. Фей встретила нас в аэропорту и подвезла до квартиры. Джина была ужасно слаба и плакала от боли, когда мы поднимали ее и вносили в дом. После того, как мы положили ее в постель и дали ей наркотиков, Фей отвела меня в сторону.

"Пэт, - сказала она нерешительно, - моя подруга Диана Смит дала мне книгу. Я прочла ее и думаю, что, может, тебе следует тоже почитать ее. Я не хочу давать тебе надежду, потому что мы все знаем, что Джина умирает, но эта книга об исцелении. Она называется "Я верую в чудеса", а ее автор - Кэтрин Кульман".

Я прочитала книгу и на следующей неделе встретила с Дианой. Она была активным служителем в Первой баптистской церкви в Далласе, и она сказала мне, что Кэтрин Кульман собирается выступать в Большой методистской церкви на следующей неделе. Она предложила мне взять на служение Джину. В моем уме всплыли слова матери: "Патриция, Бог может исцелить Джину", - и я согласилась пойти.

В тот день в Далласе было жарко. Августовское солнце раскалило бетонные улицы, и горячие волны, колеблясь, поднимались вверх, казалось, что тротуары движутся вверх и вниз. В течение двух часов мы стояли в очереди у гигантской методистской церкви, ожидая, когда отворят двери. Джина сидела в инвалидной коляске перед нами. Я все ждала, что она закричит от боли, но она, кажется, была довольна, сидела и смотрела на люд ей.

Наконец, двери открыли, и мы вошли внутрь. Диана помогла нам добраться до наших мест. "Я едва верю этому, - сказал я ей. - Джина не могла непрерывно высидеть более пятнадцати минут. Посмотри, как ей хорошо сейчас".

Диана улыбнулась, словно она знала что-то неведомое мне, словно она не видела, насколько жалкой была Джина.

Я купила Джине парик, чтобы скрыть отсутствие волос на ее голове, еще до поездки в Западную Виргинию, и было трудно удержать его на голове, поскольку было не за что его закрепить. Ее ноги были так скрючены, что не влезали в башмаки. Она могла носить только мои старые сапоги, которые зашнуровывались спереди. Они были ей слишком велики, но плотно зашнурованные, они держались на ногах. Я знала, что Джина странно выглядела, сидя в большой инвалидной коляске в этих огромных сапогах, с париком, плохо державшимся на голове, и с жалким выражением лица. Но я была в таком отчаянии, что меня не волновала реакция окружающих. Я просто делала то, что должна была делать.

Это было чудесное собрание. Я никогда не посещала подобных служении. В тот день мисс Кульман использовала тот же термин, что и моя мать - "крещение Святым Духом". Мое сердце отозвалось на это. Я поняла, что это, должно быть, секрет силы в христианской жизни.

Джина стала беспокойной. Служители приносили нам воду, чтобы я могла давать ей лекарства.

Но что-то происходило. Когда мисс Кульман перешла к исцелениям на собрании, я услышала, как она сказала: "Сатана, я повелеваю тебе, во имя Иисуса Христа, освободить узников в этом зале".

В тот же момент я услышала, как внутренний голос сказал мне: "Джина исцелена".

Я повернулась и посмотрела на Джину. Она выглядела по-прежнему, но я знала, что слышала голос. Это был тот же голос, что говорил мне в больничной палате. Внезапно я поняла. Чей это должен быть голос - и я поверила Ему.

Посреди "собрания с исцелениями" люди вставали и начинали стихийно петь. Это было так красиво! Слезы бежали по моему лицу, когда я сидела и слушала, глубоко затронутая этим. Я снова взглянула на Джину. Ее губы двигались, и она издавала странные звуки. Я наклонилась к ней, зная, что ее расстроенный ум часто побуждает ее делать странные вещи в непредсказуемое время. Но на сей раз это не было странным. Джина пела. Звуки, слетавшие с ее уст, не были очень музыкальными, но не было сомнения по поводу того, что это было. Она пела вместе с залом, подбирая по ходу дела свои слова и звуки.

Затем она очень медленно протянула руку и схватила спинку сиденья перед собой. С большим усилием она подтянула себя вперед из инвалидной коляски и встала с остальными. Прошло уже семь месяцев с тех пор, как она стояла в последний раз. Она не могла ходить и вынуждена была держаться за стоящее перед ней сиденье, чтобы не упасть, но все же она была на ногах. Ее голова была поднята, и губы двигались в такт музыке.

Когда остальные люди сели, села и Джина. Она не пыталась встать снова, но я знала, что ее исцеление началось.

В течение следующих двух недель я заметила улучшения во всех областях ее жизни. Она начала говорить с пониманием. Прежде ее глаза были мертвыми и пустыми. Теперь они сияли - словно кто-то включил позади них свет. И не только это, Джина стала вставать из инвалидной коляски. Держась за стену или стол, она могла ходить.

Группа христиан, которую я встретила в общине "Берин", начала ходить к нам. Одна чернокожая пара особенно много для меня значила. Я знала их только как брата и сестру Филиппс. По соседству жили разные люди, и некоторые из наших соседей не принимали нас. Я знала, что эта чудесная чета идет на большой риск, навещая нас, но они настаивали, что Бог хочет, чтобы они приходили к нам и приносили ободрение.

Однажды после обеда сестра Филиппс посмотрела на Джину и сказала: "Ты сможешь ходить. Я знаю, ты сможешь. Почему бы тебе не встать из коляски и не пройти по комнате?" Джина посмотрела на меня. "Мама, дай мне снова твои сапоги". Я вытащила их из-под кровати и помогла ей натянуть на ноги. Затем медленно, осторожно Джина встала из инвалидной

коляски и, не держась ни за какие предметы, сделала шаг к сестре Филипс, затем еще один и еще.

Я почувствовала, как слезы снова заструились по моему лицу и закапали на блузку.

"Так, хорошо, милая, - вдохновляла ее сестра Филипс. - Хорошо. Слава Господу. Спасибо Тебе, Иисус". - Она тоже плакала. Плакал и брат Филипс.

Плакали все, кроме Джины. У нее на лице была самая широкая улыбка, которую я только видела.

Когда семья Филипс ушла. Джина вернулась в инвалидную коляску. На следующий день, когда она попыталась ходить снова, она упала. Вместо того, чтобы встать и попытаться пойти снова, она поползла назад к коляске.

"Нет, Джина! - настаивала я. - Ты можешь ходить. Ты не можешь поддаваться страху".

"Я не могу ходить, мамочка, - сказала она, - я не могу больше ходить. Я хочу назад в коляску".

Я оттолкнула коляску через всю комнату. Джина поползла к ней, ерзая на зад. "Пожалуйста, мама, дай мне ее. Я не могу ходить".

Наконец, я позволила ей вернуться в инвалидную коляску. И снова разочарование повисло в воздухе.

В сентябре мисс Кульман вернулась в Даллас, чтобы выступить на собрании, спонсируемом "Международной общиной полноевангельских бизнесменов". Мои новые друзья из общины "Берин" позвонили мне, чтобы сообщить об этом. Времени оставалось немного, но мы пошли на собрание, приехав прямо перед самым началом.

На сей раз служитель встретил нас у дверей и на лифте отвез прямо в зал. Там уже было несколько тысяч человек, но он покатил коляску вперед, поближе к сцене и нашел нам там место. Уходя он прошептал: "Я буду молиться за вас во время собрания".

Это было так необходимо. Я снова ощутила прилив любви.

Джина сидела ошеломленная. Затем я услышала, как мисс Кульман сказала: "Здесь есть кто-то со смертельной болезнью крови. Бог исцелил вас, и вся эта болезнь выжжена в вашем теле.

Сатана сделал вас больным, но Великий Врач исцелил вас. Встаньте и востребуйте свое исцеление".

Джина боролась со своими сапогами. Наконец, она справилась с ними, и, поправив парик, встала на ноги. Одна из личных помощниц быстро пошла по проходу. "Она была исцелена?"

Прежде, чем я что-либо успела сказать. Джина прошла позади меня в проход. "Да, мадам, - сказала она совершенно чисто. - Сатана сделал меня больной, но Бог исцелил меня".

"Иди со мной, - сказала помощница, а по ее лицу катились слезы. - Давай поднимемся и расскажем мисс Кульман все об этом".

Когда Джина взошла на платформу, все собрание стало громко аплодировать. Многие из них видели, как Джина приехала в инвалидной коляске. Мисс Кульман задала моей девочке несколько вопросов, а затем стала ходить с ней взад и вперед по сцене. Они шли все быстрее, пока Джина не побежала.

"Посмотрите, как она идет! - закричала мисс Кульман в зал. - Те, кто верит, что это сила Святого Духа, скажите "Слава Господу!". "Слава Господу! - ревел зал. - Слава Господу!"

Вернувшись на свое место, Джина вся сияла. Она едва могла усидеть спокойно. Я нагнулась и взяла ее за руку - и заметила кое-что еще. Длинные черные волосы на ее руке вылезали и падали на пол.

"Смотри, мама, - улыбнулась она, - я вся здорова".

Она была здорова во всех отношениях. В тот вечер у нас было большое богослужение в ванной - мы выкидывали в туалет все ее таблетки. Доктора сказали мне, что резкое прекращение приема кортизона приведет к катастрофическим последствиям, но я решила, что поскольку Бог позаботился обо всем остальном, то Он, конечно, позаботился и об этом.

Через неделю я заметила появление коротких волосиков на голове Джины. Ее волосы снова стали расти. И когда они стали длиннее, я увидела, что Бог сделал ей подарок. Вместо того, чтобы расти прямо, как это было прежде, ее волосы стали завиваться. Ее лицо, которое было раньше белым, как мел, стало теперь розовым. Она никогда больше не возвращалась к инвалидной коляске.

Спустя некоторое время я повезла ее снова в Детский медицинский центр. После короткого обследования доктор удивленно посмотрел на меня.

Я знала, что она еврейка, но я также знала, что у меня не было другого выбора, как рассказать ей, что произошло. "Вы верите в Бога?" - спросила я ее.

"Вы возили ее к целителю верой?" - спросила она, никак не прореагировав на мой вопрос. Я помнила, что говорила мисс Кульман. Она не была целительницей верой. У нее не было силы никого исцелять. Только Святой Дух исцелял. "Нет, я не водила ее к целителю верой, - сказала я, - но я водила ее на "служение с чудесами"".

Доктор закусила нижнюю губу и покачала головой.

"Что ж, я верю в это!"

Я подняла голову и посмотрела на эту женщину-доктора с бледно-голубыми глазами. "Я видела других, исцеленных точно так же, - сказала она.

- И здесь нет иного объяснения, кроме действия силы Божьей. Этот ребенок должен был умереть. Взгляните на нее сейчас".

Мы пошли в ее офис, и она провела тщательное обследование Джины. "На самом деле нам не нужно обследование, чтобы увидеть, что она исцелена, - сказала она. - Но всегда есть люди, которым надо показать факты на бумаге. И даже тогда они не хотят верить". По пути из ее офиса нас остановил еще один доктор, который раньше лечил Джину и услышал о ее исцелении. "Мисс Бредли, Джина снова заболела, если вы прекратите давать ей лекарства, особенно фенobarбитал. Это - единственное, что помогает ей избежать смертельного приступа".

Я посмотрела ему прямо в глаза. "Доктор, я благодарю вас за заботу. Вы все тут чудесно ко мне относитесь. Но не фенobarбитал оставляет Джину в живых. Это - Святой Дух".

Спустя две недели мы вернулись в Западную Виргинию. На сей раз не было нужды в инвалидной коляске. Когда мы вышли из машины перед старым домом, мама выбежала на улицу, чтобы встретить нас. Ее руки были подняты вверх, а лицо сияло славой Божьей.

"У меня было видение, - плакала она, обнимая меня. - У меня было видение, в котором Джина играла во дворе под яблоней. Ее щеки были розовыми, а на голове было много длинных вьющихся волос. О, слава Господу!"

Спустя три месяца папа умер. Его грехи, как и мои, были омыты Кровью Иисуса. Мы похоронили его на том участке, который мы выбрали для Джины. И когда мы вернулись с кладбища, мы молча сидели в гостинной. Мама встала и подошла к окну. Поманив меня пальцем, она тихо сказала: "Патриция, иди сюда. Я хочу кое-что показать тебе".

Я встала рядом с ней и выглянула во двор. Там была Джина, ее щеки были розовыми, ее блестящие волосы развевались на зимнем ветру. Она стояла под яблоней.

Мать взяла старую Библию, лежавшую на столе рядом с лампой. Она полистала ее, пока не нашла одно место в Ветхом завете.

"Твой папа на небе, - сказала она, смахивая слезу тыльной стороной ладони. - Но Джина еще здесь". Затем она прочла: "Господь дал. Господь взял: да будет имя Господне благословенно".